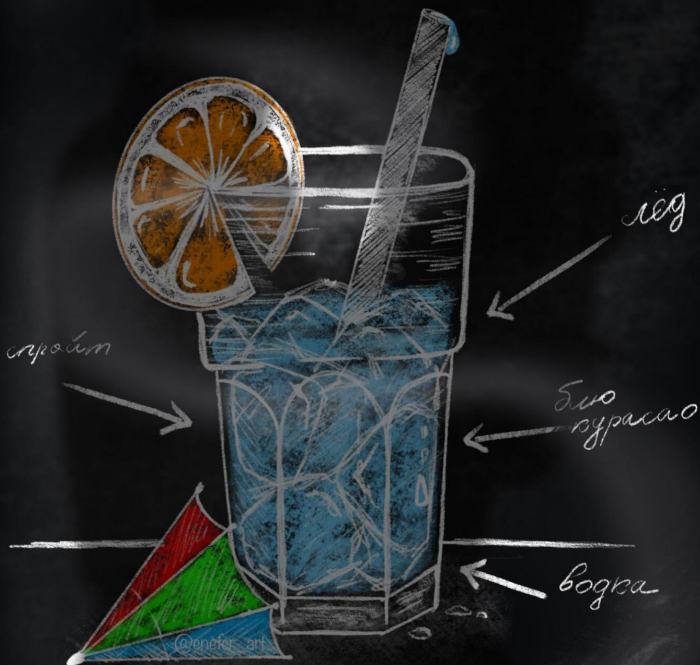

Евгения Оман

Убойный коктейль с зонтиком

про любовь, смерть и кофе

18+

Евгения Оман

Убойный коктейль с зонтиком

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69972310

SelfPub; 2023

Аннотация

В одном обычном городе на обычной тихой улочке прячется от посторонних глаз один весьма необычный бар. Здесь могут добавить в коктейль самолюбия, угостить наливкой из заката или пуншем, от которого становится легко на душе, и сварить по-настоящему божественный кофе. Сядьте за столик в углу и послушайте, о чем говорят посетители. Чем занимаются демиурги в отставке? Откуда берутся сны? Какой кофе предпочитает Смерть? Как не разозлить духов? Что делать, если увяз в чудесах по уши? Ответы на эти и многие другие вопросы можно узнать, если глотнуть этот убойный коктейль с зонтиком. Приготовлено с любовью специально для вас. Внимание! Данное произведение содержит сцены курения табака. Много сцен курения табака! Автор напоминает, что курение вредит вашему здоровью и настоятельно рекомендует воздержаться от этой пагубной привычки. Конечно, если вы не бессмертная потусторонняя сущность, как главный курильщик этой истории. Берегите себя!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	44
Глава 10	48
Глава 11	57
Глава 12	64
Глава 13	73
Глава 14	81
Глава 15	89
Глава 16	94
Глава 17	97
Глава 18	100
Глава 19	104
Глава 20	108
Глава 21	115
Глава 22	123
Глава 23	131

Глава 24	140
Глава 25	146
Глава 26	151
Глава 27	160
Глава 28	168
Глава 29	176
Глава 30	187
Глава 31	200
Глава 32	207
Глава 33	219
Глава 34	227
Глава 35	240
Глава 36	251
Глава 37	261
Глава 38	275
Глава 39	292
Эпилог	300

Евгения Оман

Убойный коктейль с зонтиком

Глава 1

Испачканные кровью руки заоченели на стылом мартовском ветру, пальцы свело и они отказывались слушаться. Джинсы промокли насквозь и колени ныли от сидения на асфальте среди схваченных хрупким ледком грязных луж, а распахнутая куртка не справлялась с порывами ветра, спутавшего волосы и заставляющего кожу покрываться мурашками. Было холодно и больно. Но боль физическая меркла на фоне душевной, пожирающей нутро подобно черной дыре, что возникла на месте сердца. Красными от холода и крови руками она прижимала к ноющей груди неподвижное тело. Еще теплое и мягкое, но однозначно, окончательно и бесповоротно мертвое. Бледная кожа, посиневшие губы, свернувшаяся кровь на подбородке и плотно закрытые глаза, которых она больше никогда не увидит. Такие родные и любимые. Крошечная дырочка на куртке в центре груди, такая же на спине в окружении красного пятна, едва уловимый запах

пороха, тонуший в запахе крови.

Она уткнулась носом в его волосы, пытаясь спрятаться от этой жуткой вони, еще хоть раз вдохнуть любимый знакомый аромат, сохранить его в памяти.

– Врун! Наглый, глупый врун! – давясь слезами, шептала она ему в затылок. – Ты же обещал вернуться! Говорил, что от тебя не так-то просто избавиться, что ты теперь никуда от меня не денешься! Давай, выполняй свои обещания! Иначе мне придется выполнить свое.

Она попыталась улыбнуться, но лишь сильнее расплакалась. По щекам катилась горячая влага с тихим стуком разбиваясь об его остывающую кожу. Хорошо, что их никто не видит. Что на пустой парковке никого нет. Все ушли, великодушно позволив ей остаться наедине со своим горем. И правильно сделали. При свидетелях она бы не смогла дать себе волю. Так и сидела бы с непроницаемым лицом каменной статуи, не издав ни звука. А так можно делать все, что вздумается. Она крепче прижала его к себе, прошептала на ухо:

– Как ты мог так со мной поступить? Как мог оставить меня одну теперь, когда у нас наконец-то все получилось. Мы же собирались жить долго и счастливо. Так что же пошло не так?

И правда, что? Где она, та точка невозврата, в которой все начало катиться под уклон? В какой момент запустилась цепочка событий, которая привела их на эту грязную парков-

ку под голубым весенним небом, словно назло всем законам жанра, безоблачным и головокружительно-высоким? Разве в такие моменты небо не должно быть затянуто серыми тучами, а сверху не должен падать холодный дождь или даже снег? Это бы хоть немного добавило ситуации реализма. А под таким голубым небом было совершенно невозможно поверить в произошедшее. С другой стороны, у нее не было времени, чтобы верить. Нужно было понять, можно ли исправить хоть что-то и хватит ли у нее на это сил? Как минимум, она должна была попробовать! Иначе все, через что они прошли, теряло всякий смысл. И ее дальнейшая жизнь тоже.

Она глубоко вдохнула, медленно выдохнула, закрыла глаза и еле слышно попросила:

– Вернись ко мне. Пожалуйста.

За несколько месяцев до этого. Сентябрь, наши дни.

– Ну вот зачем ты так? – импозантный мужчина так называемой арийской наружности выдохнул облако пара с запахом осенних костров и свежей выпечки и спрятал вейп в карман. – Сырость-то к чему разводить?

– А тебе-то что? – она гордо шмыгнула покрытым веснушками носом и тряхнула рыжей шевелюрой. – Хочу и развожу! Я – дама. Имею право капризничать. И нынче изволю

грустить.

– Изволишь ты, а неприятности у меня, – он вздохнул, глядя в затянутое тучами небо. – Всех гостей разогнала своими капризами.

– И ничего не всех! Вон сколько их тут шатается, – рыжая картинным жестом обвела мощеную брусчаткой многолюдную улицу, по которой они неспешно шли. – Ступить некуда. Даже в дождь. И в кофейнях не протолкнуться. Хорошо, хоть на набережной почти никого.

– Я бы в такую погоду туда тоже не сунулся, – он повыше поднял воротник шерстяного черепично-красного пальто и спрятал руки в карманы. – А там, между прочим, красиво. В прошлом году так не было. Столько трудов и все напрасно.

Он печально вздохнул. На набережной теперь карусели и высоченное колесо обозрения, с которого видно весь город. И новые удобные скамейки с usb-разъемами. Все для людей, как говорится. Только людей нет: непогода загнала их в кофейни и ресторанички, где тепло и по лицу не хлещет соленый морской ветер.

– Стареешь, друг, – она остановилась и ласково коснулась пальцами едва заметных морщинок в уголках его глаз. – Хотя тебе так даже лучше. С годами становишься интереснее. И привлекательнее. Вам всем возраст к лицу. Если, конечно, не запускаетесь. А то иные, бывает, совсем за собой не следят. Ни вкуса, ни стиля. Даже стыдно с ними рядом показываться. А ты ничего. Такому стильному красавцу моя ком-

пания отлично подходит.

– Конечно, старею, – он небрежно пожал плечами. – Зато в твоей семейке вечные подростки. Совершенно непредсказуемые. Все на эмоциях, никакой конкретики. Сплошные нервы.

– Ты уж потерпи немного, – рассмеялась рыжая девчонка в тыквенно-оранжевом плаще и красных резиновых сапожках, – Скоро сестрица явится. Вот она всегда предсказуемая и хладнокровная.

Мужчина невольно поежился, вспоминая пронзительные синие глаза ледяной красавицы. Воистину, само хладнокровие.

– Раз уж заговорили о семье, – рыжая шагала перед ним спиной вперед, сунув руки в карманы, – Чего ты себе до сих пор никого не завел? Вроде и возраст подходящий уже, и статус. Самое время.

– Даже не знаю. Возни с ними много. Заботься, оберегай, воспитывай, следи, чтобы глупостей не натворили. А у меня тут и без этого такой чудесный зверинец собрался – глаз да глаз нужен. Слушай, а пойдем выпьем? – он галантно предложил даме руку. – Есть здесь один забавный бар. Тебе понравится.

– А пойдем! – улыбнулась она.

Сквозь прореху в рваных облаках выглянуло робкое закатное солнце, с любопытством глядя на в меру старый Город на берегу холодного северного Моря и гостившую у него

еще совсем юную Осень.

Глава 2

Сентябрь. Наши дни.

Под тусклым светом абажура, в бледно-зеленом пятне на темном дереве столешницы видны только руки. Остальное скрывает тень. Но и рук этих вполне достаточно. Красивых, ловких, с длинными пальцами музыканта. Или волшебника, что гораздо больше подходит к данной ситуации. Потому что под зеленым светом абажура творится магия.

Искренне-заинтересованное «Чего хочешь сегодня?». Усталое «На твой вкус. И гори оно все синим пламенем!».

И начинается волшебство алхимии. Длинные пальцы порхают над банками и бутылками, звенят темным аптекарским стеклом и холодным металлом бритвенно-острых ножей, ловко жонглируют ледяными кристаллами. С такими ровными гранями, что можно порезаться.

Щепотку того, капельку этого, пара веточек из странного пучка под потолком, взболтать, но не смешивать. стакан в чеканном подстаканнике, словно в поезде из далекого детства. Или полузабытого сна. И то самое синее пламя, пляшущее в крохотной рюмочке.

Любопытное «Ну и что это?». И насмешливое «Все. И синее пламя. Будем жечь?».

Утвердительный кивок и руки выливают пламя в стакан. Тяжелые, вязкие капли озаряют полумрак магическим голубым светом. С легким шипением растворяются в зелье, так похожем на обычный чай. И довольное «Теперь здесь только то, что сейчас нужно».

Бережно взять стакан, согреть озябшие ладони обжигающим теплом, вдохнуть пьянящий аромат, маленькими, осторожными глотками пить до дна, наслаждаясь пряной горечью и странным ощущением свободы. И правда: то, что нужно. Тепло осеннего солнца и запах прелой листвы. Легкая горечь крепкого кофе и едва различимые нотки корицы. Чувствовать, как растворяется тоска, засевшая где-то глубоко внутри. Улыбаться неожиданным переменам.

И смотреть, как под тусклым светом абажура смуглые руки алхимика уже готовят для кого-то новое зелье. Именно то, которое нужно прямо сейчас.

«Осторожно, низколетающие ангелы»! Табличка на двери, что когда-то привлекла внимание к крошечному бару на тихой пешеходной улочке, снова заставила улыбнуться. Напоминало дорожный знак, какие вешают на трассах неподалеку от аэропортов, только вместо самолета в красном треугольнике пикировал играющий на трубе ангел. В широком балахоне, с крыльями и покосившимся нимбом над головой.

Дверь легко поддавалась мягкому толчку, звякнув колокольчиком, и девушка ступила в уютный полумрак зала. Ближе к полуночи здесь всегда полно народу, самый аншлаг. Что, в общем-то, неудивительно, учитывая количество столиков – их здесь всего пять. И все разные, будто хозяева заведения скупали мебель на блошином рынке или клянчили ненужную у соседей. Со стульями та же история, даже с высокими табуретами у стойки. Вот и в этот раз все эти разнокалиберные столики были заняты.

Зато при таком раскладе можно совершенно обоснованно устроиться за стойкой и смотреть, как бармен-алхимик готовит коктейли для посетителей. И себе заказать что-нибудь на его вкус. Как это ни удивительно, он всегда угадывает. Всегда получается именно то, что нужно после тяжелой смены медсестры в детском отделении больницы.

Она любила свою работу, несмотря на все трудности. И маленькие пациенты ее обожали. Говорили, что уколы она делает совсем не больно и звали тетя Ангел. А их родители шутили «Вы просто ангел, Анжела!» и дарили ангелочков на Рождество.

Да только какой из нее ангел? Скорее, серая мышь. Невзрачная, тусклая девица с крысиным хвостиком пепельно-русых волос и вечно печальными карими глазами. В очках и безразмерном свитере. Из ангельского в ней только имя.

– Ты чего сегодня такая задумчивая? – бармен поставил

перед ней толстый глиняный стакан, пахнувший какао, – Случилось что?

Бармена звали Ян и он ей нравился. Было в нем что-то, что вызывало доверие и желание поделиться своими бедами. Хотя, может это особенность профессии? Говорят ведь, что порою куда эффективнее поболтать с барменом, чем сходить к психоаналитику. А вот встречаться с ним она бы ни за что не стала – Ян был для нее слишком. Слишком ярким, слишком привлекательным, слишком горячим даже с виду. Этаким южный мачо с лицом и телом античной статуи, бронзовым загаром, черными локонами ниже плеч, лукавыми зелеными глазами и хитрой белозубой улыбкой. Мало того, что от соперниц отбоя не будет, так она просто потеряется на его фоне со своей мышиной внешностью. Зато, если не воспринимать мужчину в качестве объекта вожделения и потенциального спутника жизни, с ним можно не стесняться обсуждать любые проблемы, даже сердечные.

– Да так, – Анжела глотнула из стакана. Загадочный коктейль одновременно промораживал до костей и обжигал ромом и специями, оставляя теплое послевкусие темного шоколада. Шоколадка для взрослой девочки. – Просто иногда кажется, что я забыла что-то очень важное. Не помню что, но точно что-то забыла. А недавно в больнице парня встретила. Никогда его не видела, а сердце екнуло, будто он самый дорогой мне человек. Может это любовь с первого взгляда? Как думаешь, так бывает?

– Кто знает, кто знает, – покачал головой Ян. И аккуратно снял с ее плеча белое перышко.

Почему-то от бармена всегда пахло морем. Только не холодным, которое плещется за поворотом, а теплым южным морем типа Средиземного. А еще горячим песком, кофе и какими-то цитрусовыми. Интересно, это парфюм такой или Ян просто пропитался ароматами своего рабочего места?

– Откуда они только берутся? – вздохнула Анжела, – Все время их нахожу. И подушек с перьями дома нет. Может с работы?

– Наверняка, с работы. – улыбнулся Ян.

«Интересно, что она такого натворила, что забыла себя напроць?» – думает Ян, глядя Анжеле вслед, и убирает перышко в стеклянную банку к другим таким же. – «И угораздило же меня втрескаться в тебя по уши, ангел ты мой небесный. Чудо в перьях».

Глава 3

Сентябрь. Наши дни.

Колокольчик над дверью звякнул и в зал вошел самый обычный человек. Благо, из-за раннего часа посетителей в баре не было, так что классической вестерновской сцены «незнакомец входит в салун» не получилось. Скучающий за стойкой Ян весь подобрался, прищурил зеленые глаза и стал, должно быть, похож на кота, наблюдающего за добычей. А человек застыл посреди зала, теребя в руках явно знавшую лучшие времена фетровую шляпу, будто никогда не был в баре и не понимал, что следует делать.

– Какое у вас симпатичное заведение, – промямлил мужичок, наконец-то сообразив, что нужно идти к стойке. – Никогда его раньше не видел. Почти двадцать лет каждый день здесь хожу на работу, а не видел. Вы, наверное, недавно открылись?

– Ага, недавно, – улыбнулся Ян. Не объяснять же этому счастливцу, что это глаза у него недавно открылись, раз увидел дверь с вывеской. – Выпьете?

– Ну разве что чуть-чуть. – невысокий subtilный посетитель с трудом взобрался на барный стул, положил на стойку шляпу, пригладил жидкие волосенки. – Моя супруга не одобряет алкоголь. Но за знакомство можно. Георг, можно

просто Жорж.

– Янус. Можно просто Ян, – он перебирал бутылки в поисках нужных ингредиентов.

– Прямо как древнеримский бог! – на невзрачном лице Жоржа появилась робкая улыбка и тут же погасла. – Но вам, наверное, все это говорят. Моя супруга считает, что я слишком увлечен своей работой и всем ее навязываю. Я, знаете ли, историк, работаю в музее.

– Похоже, вы ее очень любите. Свою жену. Все время о ней говорите.

– Любовь это для молодых, – криво улыбнулся Жорж. – Когда живешь с человеком много лет, возникают совсем другие чувства. Привязанность, привычка, взаимное уважение.

– Какое же это уважение: все время что-то запрещать и не одобрять? – покачал головой Ян. – Больше похоже на тиранию. Вы уж извините, если лезу не в свое дело.

– Ну что вы, ничего страшного. Я часто это слышу от друзей. – тяжело вздохнул Жорж. – Тех, кто еще остался. Они даже предлагают мне развестись. Но я, знаете ли, очень труслив. Боюсь перемен. Лучше уж так. Зато не один.

– Я такой подход не разделяю. – пожал плечами Ян. – Не понимаю, зачем все время под кого-то прогибаться, подстраиваться под чужие ожидания, жить чужими интересами. Так ведь можно и себя потерять. При жизни стать пустым местом. А это, как по мне, хуже смерти.

– Скажите, вы женаты? – Жорж бросил взгляд на руки Яна

без колец.

– Нет. Но меня связывают долгие и тесные отношения с женщиной. Возможно, даже слишком тесные. И слишком долгие.

– Ой, да какие ваши годы! – улыбнулся историк. – Вот сколько вам лет? Где-то около тридцати?

– Где-то около. – ответил Ян.

Ну да, на вид ему не больше тридцати. Подтянутый, ухоженный, тщательно следящий за собой. Гладко выбрит, одет с иголочки: классические брюки, черная рубашка, галстук и жилет модного зеленого оттенка. И даже длинные волнистые волосы, собранные в низкий, чуть небрежный хвост, не портят безупречный образ, а лишь добавляют нотку романтизма. Такой типичный самовлюбленный щеголь-ловец, тратящий кучу времени и денег на свой внешний вид. Такие, как он, обожают подобную работу. Бесплатный алкоголь, пьяненькие девушки, которых легко развести на близость, пьяненькие мужики, которых еще легче развести на «еще по одной» и жирные чаевые. Именно таким он видится окружающим. Именно таким хочет казаться. А почему бы, собственно, и нет? Как говорится, спрос рождает предложение.

– Прошу, – Ян с улыбкой поставил перед гостем высокий стакан с ядовито-зеленым коктейлем, – Наслаждайтесь.

Жорж с облегчением стянул с шеи совершенно не подходящий к теплой осени шарф, поправил очки в роговой оправе.

ве с толстыми стеклами и очень осторожно потянул коктейль через соломинку. Лицо его как-то неуловимо изменилось, разгладилось, а в серых глазах заблестел живой огонек.

«И что ты ему подсунул?» – когда гость ушел голосом в голове спросила Яна, его вторая половина.

– Немного самолюбия. – Ян открыл потрепанную записную книжку и быстро накорябал в ней несколько слов на латыни. – С такой женой-наседкой оно ему не мешает. Думаю, этот Жорж Наседкин к нам еще заглянет. Какие же, все-таки, забавные эти люди. Судят о книгах по обложкам и ничего не замечают вокруг. Будет интересно посмотреть, что получится из этого смешного дядьки.

«Вообще-то, это довольно жестоко», – в голосе Яны прозвучал откровенный упрек. – «Ставить эксперименты на людях. Ты ведь даже не знаешь, к чему может привести твое вмешательство в его судьбу».

– При худшем раскладе он просто разведется с женой, без стыда займется любимым делом и начнет жить в свое удовольствие, – пожал плечами Ян. – Хотя постой-ка. По-моему, в данном случае это лучший расклад.

«Рассуждаешь прямо как модные психологи», – мысленно вздохнула Яна. – «Зачем решать проблему, если можно от нее уйти в прямом смысле этого слова? Лучше бы научил его, как словами через рот попросить жену ослабить хватку, чтобы улучшить отношения, а не разрушить их».

– Заметь, – ухмыльнулся Ян, – Еще сто лет назад я бы

предложил убить жену в качестве лучшего выхода из данной ситуации, а сейчас даже не рассматриваю этот вариант. Как видишь, прогресс налицо. Так что не нужно зря обвинять меня в жестокости и отсутствии человеколюбия.

«Надо же! Какое милосердие! Не удивительно, что местный защитник рода людского нас ненавидит», – буркнула Яна. Похоже, сегодня она была не в духе.

– Мне кажется, старик ненавидит всех. Закономерный итог, когда с мертвыми общаешься чаще, чем с живыми.

«Не такой уж и закономерный. Во-первых, бывает по-другому, а во-вторых, не путай шамана с некромантом».

– Трупы, духи, какая разница? Все они уже прошлое. И старик застрял в этом прошлом вместе с ними. Раньше было лучше, деревья выше, трава зеленее и забористее и все такое.

«В любом случае, стоит относиться к нему чуть-чуть вежливее, а к людям – бережнее. Я не хочу, чтобы нас выгнали из Города. Мне здесь нравится».

– Знаю я, что тебе здесь на самом деле нравится, – рассмеялся Ян. – Точнее, кто. Ладно, я постараюсь быть заботливым пастырем, раз уж ты просишь.

Сквозь стекло витрины он задумчиво посмотрел на тихую пешеходную улицу, гадая сколько еще случайных посетителей зайдет сегодня в неприметные двери их бара.

Глава 4

Сентябрь. Наши дни.

Последние минуты перед открытием бара всегда бодрили, словно глоток зеленого чая. Блеск кристально-чистых стаканов, свежесть только что вымытого пола, натертые до состояния зеркала стекла на столешницах из старых оконных ставень, идеальный порядок на барной стойке и волнительное предвкушение очередной удивительной ночи.

Улыбаясь и сладко потягиваясь, словно довольная жизнью кошка, Яна выходит в крошечный зал на пять столиков и по-хозяйски хлопчет за стойкой, заваривая чай и нарезая фрукты. Шуршит подолом любимое хвойно-зеленое платье в пол, по высоким манжетам на пышных рукавах и широкому вырезу горловины бежит затейливая вышивка с рябиновыми гроздьями, а непослушные темные локоны постоянно норовят упасть на смуглое лицо. Она собирает их в высокий пучок и закалывает найденными в ящике стола одноразовыми палочками для еды. Так намного удобнее. Если Ян всегда был одет по последней классической моде, то она предпочитала выглядеть немного старомодно. И немного нездешне. Будто только что вернулась с дружеской вечеринки в эльфийской стране. Или из далекого прошлого.

Сегодня был ее черед рулить их маленьким «Летучим голландцем», и значит не будет сложных коктейлей, а будут напитки попроще, задушевные разговоры и долгие истории, пьянящие не хуже крепкого черного рома с Тортуги. Кипящий в медном котелке пунш наполнял зал пряным ароматом гвоздики, бадьяна и неожиданных чудес – лучшей приправы для лекарства от осенней хандры.

А из висящих на стенах зеркал, пузатых бутылок на полках и медных боков котелка корчила рожи кислая физиономия Яна – великого алхимика, любителя сочетать несочетаемое и творить зелья, способные изменить судьбу. На этот раз он проиграл партию и в эту ночь будет всего лишь отражением Яны, видимым только ей, и голосом в ее голове, как повелось в их дуэтом с самого начала времен. Каждое утро, проводив последних посетителей и зарывшись под одеяло в их маленькой уютной квартирке над баром, они погружались в сон, где разыгрывали право управлять этим телом весь следующий день. Тело принимало облик победителя, а проигравший мог лишь наблюдать и мысленно высказывать свое мнение. И лишь несколько раз в год они могли позволить себе на время разделиться, чтобы каждый мог побыть самим собой.

«Ненавижу шахматы», – бурчал Ян, пока она бросала фрукты в котелок. – «Все эти стратегии, расчеты на десять шагов вперед, хитрые комбинации».

– Ну да, ты у нас тактик. – улыбнулась Яна голосу в голо-

ве. – Ладно, завтра будем играть в «Дурака».

«Ну зачем же сразу в “Дурака”? Вполне сойдет и покер. Как по мне, отличная игра».

– Особенно для тех, кто мастерски умеет скрывать свои эмоции от окружающих. – она неспешно мешала варево ложкой с длинной ручкой.

«Не вижу в этом ничего плохого», – ухмыльнулся Ян. – «Тебе тоже не помешает освоить это искусство. А то все на лице написано».

Яна невольно бросила взгляд в зеркало, но увидела там лишь хитрую физиономию Яна. Показав язык, он исчез, уступая место ее лицу. Ну да, и правда все написано. Предвкушение, волнение и самая капелька страха. А вдруг что-то пойдет не так?

«Да не переживай ты так», – рассмеялся Ян. – «Придут, никуда не денутся. Каждый день приходят и сегодня придут. Рано еще».

Яна громко вздохнула и продолжила помешивать пунш, то и дело с надеждой глядя на входную дверь.

Глава 5

Октябрь. Наши дни.

Они сидели за дальним столиком. Как всегда. Самые ранние посетители, приходящие сразу после открытия. Два брата. Такие одинаковые и такие разные. Лет двадцати пяти, может двадцати семи на вид, скандинавской внешности, светловолосые, довольно высокие и по-своему симпатичные. Ну насколько вообще могут быть симпатичными почти бесцветные создания, отлично подходящие под определение «моль бледная». Раньше Яне казалось, что близнецы во всем должны быть точной копией друг друга. Пока не появились эти двое.

Один веселый и бесшабашный. Яркий, как детский сон. Даже чересчур яркий, с учетом современной мужской моды. Подростковый прикид всех цветов радуги, на руках с десятков разноцветных браслетов и фенечек, прямые волосы до плеч с парочкой ярко-желтых косичек на висках и рваной асимметричной челкой, разноцветный лак на ногтях. Он, как всегда, болтал без умолку, бодро размахивая руками. И, как всегда, пил из термокружки латте с таким количеством ванильного сиропа, что от одного вида сводило скулы и глаза начинали слипаться. У него веселый звонкий голос, от кото-

рого порой звенело в ушах, и чертовски заразительный смех. Временами казалось, что этот парень не в состоянии вместить всего себя в одно человеческое тело и поэтому все время проливается на окружающих волной цвета, звука и неиссякаемого позитива. Яна еще ни разу не видела, чтобы он грустил или злился.

Второй теребил в нервных бледных пальцах незажженную сигарету, думая о своем, и рассеянно кивал брату с немного печальной ухмылкой. Обычно он немногословен. Хотя голос такой, что заслушаешься. Черная одежда, скромные серебряные украшения (египетский крест на короткой цепочке да пара гладких колец на средних пальцах), короткая стрижка, кожаная мотоэкипировка. Когда он снимал куртку и оставался в футболке, были видны затейливые черные татуировки, единым узором покрывавшие руки от запястий до плеч и убегавшие под черную ткань рукавов. Если присмотреться, можно было заметить кусочек узора, торчащий из воротника футболки на шее сзади. И только льдисто-голубые глаза у братьев совсем одинаковые.

А вот зонтики, висевшие на спинках стульев, разные. У одного – яркий радужный, под стать хозяину. Хорошо, хоть не с котятками или бабочками. У второго – почти черный. Цвета беззвездного полночного неба. Обычно он носил его в ножнах на спине, словно меч. Видимо, чтобы не мешал во время езды на байке. Но в этот вечер зонт остался сиротливо висеть на стуле, когда владелец встал и вышел из бара, ко-

ротко кивнув на прощание.

– Присмотришь за потеряшкой? – лучезарная улыбка озарила серый осенний вечер, а руки в солнечно-желтых рукавах протянули Яне через стойку черный зонт.

– А это ничего, что он его забыл? – она робко убрала на ходу под стойку, – Может догонишь, вернешь? Мне-то что с ним делать?

– Да хоть под потолок повесь. Без брата это просто зонт. С такой работой хорошо, хоть голову еще не забывает. Поверь мне, мир не рухнет, если братишка устроит себе выходной на одну ночь. Уж я-то знаю. – и хитро подмигнул, – Как минимум, от этого никто не умрет. Доброй ночи!

– И тебе доброй ночи, Оле! – Яна улыбнулась в ответ на его заразительную улыбку, – Хороших снов!

Он выпорхнул на улицу, весело размахивая радужным зонтом. А она смотрела на забытый почти черный. Может, правда, под потолком повесить? Может, его хозяин хоть тогда улыбнется? Улыбка-то у него не хуже, чем у брата.

Глава 6

Октябрь. Наши дни.

– И они жили долго и счастливо и умерли в один день древними старичками, в окружении любящей семьи и крепко держась за руки, чтобы и после смерти быть вместе. Потому что смерть это еще далеко не конец. – прошептал он, осторожно вставая с кровати и подтыкая края одеялка с единорогами. – Спокойной ночи, Ингрид.

– Не уходи, Оле! – девчушка ухватила его за рукав ярко-желтой толстовки.

– Притворяешься, значит? – улыбнулся он. – Ах ты хитрюга! Ты почему до сих пор не спишь?

– Чтобы ничего-ничего не пропустить. – хитро улыбнулась маленькая Ингрид, вскакивая с постели. – И все-все запомнить! А когда вырасту, я все твои сказки запишу и напечатаю книжку. Такую, как эта. Или даже лучше!

И она кивнула головой на толстенную книжку со сказками, лежащую на столике у кровати. Книга, и правда, была хороша. Большая, толстая, в красивом кожаном переплете, с яркими иллюстрациями и парой десятков сказок разных авторов. Еще каких-нибудь сотню лет назад такая книга была доступна только очень богатым детям. А теперь вот лежит

на столике у девочки из самой обычной, так сказать, средне-статистической семьи. Хоть какие-то плюсы от прогресса.

Оле бережно взял книгу, пролистал страницы из плотной бархатистой бумаги с яркими картинками и невольно остановился на одной из них. Со страницы на него смотрел веселый человечек в ярком камзоле и колпаке. Не то гномик, не то просто старичок. В руках он держал два зонтика: один яркий, с картинками, другой – черный и жутковатый даже на вид. Оле улыбнулся, глядя на свой портрет работы без сомнения талантливого иллюстратора.

– А это правда ты? – спросила Ингрид, заглядывая в книжку.

– Правда. – ответил Оле все с той же улыбкой.

– А почему ты совсем на себя не похож? – девочка переводила взгляд с него на иллюстрацию.

– Потому что я могу быть разным. Смотри!

И Оле в мгновение ока состарился. Его лицо покрылось морщинами, и так светлые волосы совсем побелели, а нос стал длинным и крючковатым. Девочка ахнула и прикрыла ладошками открытый от изумления ротик. Оле усмехнулся хриплым стариковским смехом и снова изменился. Теперь перед Ингрид стоял мальчик-подросток. С наивным детским личиком и огромными льдисто-голубыми глазами. И без того свободная одежда повисла на нем модным нынче оверсайзом.

– Здорово, правда? – спросил Оле, возвращая себе при-

вычный облик. – А хочешь превращусь в говорящего кота?

– Не хочу кота. – замотала головой девочка. – У меня на них лиргия. А в фею можешь?

– Ну разве что в эльфа, – уши Оле заострились, а за спиной появились прозрачные стрекозиные крылья. – Я не могу менять пол. Кем родился, тем и живу. И даже не проси уменьшаться! – он поднял палец, не позволив девочке продолжить заготовленную фразу. – Знаю я вас, хитрюг. Поймаешь, посадишь в банку и заставишь рассказывать сказки только тебе.

Девочка стыдливо покраснела. Похоже, такая мысль и правда приходила ей в голову. Оле улыбнулся, избавляясь от крыльев и дурацких ушей и отдавая книгу Ингрид. Ему нравилась его внешность. И нравилось, что можно никем не притворяться. И не носить этот глупый колпак. Хотя брат порой все равно обзывал его клоуном за любовь к ярким разноцветным вещам. Но делал это исключительно любя. Оле считал, что близнецу бы тоже не помешало разбавить черный гардероб чем-нибудь ярким и однажды спрятал всю его одежду, кроме штанов. В результате брату пришлось одолжить у него водолазку. Фиолетовую, самую темную из всех вещей, что у него были. Он потом еще неделю на него дулся, а Оле жалел, что не успел сфотографировать этот знаменательный момент. Тогда они еще жили вместе и виделись не только по дороге на работу.

Оле тихонько вздохнул, возвращаясь из воспоминаний.

Ингрид смотрела на него широко открытыми глазами и в них читался десяток новых вопросов. Вот же дети пошли любопытные! Одной сказкой от них не отвяжешься. Хотя раньше тоже встречались почемушки. Тот же малыш Ганс, например. Он доводил его вопросами до белого каления. Оказалось, не зря. Вон сколько сказок запомнил и записал. Может и из Ингрид со временем получится писательница. Сейчас перед детьми все дороги открыты. Невзирая на пол и социальный статус.

– А где второй зонтик? – выпалила Ингрид, снова сравнивая его с картинкой в книжке.

– У брата. – честно ответил Оле и только потом понял, что сейчас придется объяснять девчужке еще и это. Рассказывать, почему время от времени он отбирал у брата зонтик и носил с собой, хоть и не пользовался им по назначению.

– А он тоже сказочник? – спросила девочка. – Он ко мне придет когда-нибудь?

– Когда-нибудь, может быть. – Оле потрепал ее по шелковистой макушке. Видимо, родители не посчитали нужным дочитывать ей эту сказку до конца. Может они и правы. – Но еще очень и очень нескоро. Его сказка особенная и ее нужно заслужить.

– Быть послушной и хорошо учиться? – сникла Ингрид. Судя по всему, она не горела желанием быть хорошей девочкой.

– Скорее, быть везучей. – грустно улыбнулся Оле. – Или...

А, неважно. Везучей и все.

Похоже, Ингрид заметила смену его настроения. Она при-
тихла, обнимая книжку и опустила сонные глаза.

– Оле, а когда я вырасту ты больше не будешь ко мне при-
ходить? – тихо спросила девочка. – Я спрашивала маму и
папу, к ним ты не ходишь и они тебя не помнят. Я тоже тебя
забуду, когда вырасту?

Оле промолчал и по его молчанию, девочка поняла, что
права. Он никогда не умел врать.

– Тогда я не хочу взрослеть. – шмыгнула носом Ингрид,
откладывая книжку и забираясь под одеяло.

– Если очень постараться, то не забудешь. – Оле присел
рядом на кровать и поправил ей одеяло. – Быть взрослым
вовсе не означает забывать детство. К тому же, – он широко
улыбнулся, – тебе всего пять. Так что у нас впереди полно
времени и замечательных сказок.

– Ты такой клевый, Оле. Когда я вырасту, я на тебе же-
нюсь. – сонно пробормотала Ингрид, закрывая глаза. – И то-
гда мы всегда-всегда будем вместе, как в твоей сказке.

Ну вот, опять! Очередная невеста. Сколько таких мало-
летних поклонниц у него появилось за прошедшие годы? Ка-
кие же они нынче ранние! Все дело в современных мульти-
ках для девочек про любовь и романтику? Или в том, что
родители позволяют детям смотреть все подряд, без учета
возрастного рейтинга? Может пора опять являться к ним в
образе нелепого старичка в колпаке? От греха подальше. А

то еще полезут целоваться или чего похлеще. И ведь считается, что у него не работа, а сплошное удовольствие! Не то, что у брата.

– Обязательно женишься! – прошептал Оле, раскрывая над девочкой радужный зонт. – Спи, малышка. И пусть тебе приснится то, о чем ты больше всего мечтаешь.

Глава 7

Октябрь. Наши дни.

«Пожалуй, можно было бы заселить какой-нибудь пустующий городок», – думала Яна, глядя вслед последнему посетителю бара, – «Если собрать вместе всех забытых с возрастом воображаемых друзей. Жалко их. Столько радости приносили своим создателям, а потом были выброшены из памяти, словно ненужный хлам на помойку».

Чей-то позабытый друг сиротливо сутулясь вышел за дверь и его шаркающие шаги затихли в утреннем тумане. А на смену им пришел другой звук – рев мотоциклетного движка. Такой знакомый. Она замерла в предвкушении, сердце бешено забилося в груди.

Он вошел в зал, на ходу стягивая мотошлем с принтом в виде черепа, тряхнул светловолосой головой и на секунду замер, удивленно таращась на висящий под потолком черный зонт. Его зонт. Бледные губы тронула тень улыбки. Лишь тень. Яна разочарованно вздохнула – не сработало.

– За что ты с ним так? – он устроился за стойкой, достал сигарету, жестом спросил разрешения закурить.

Яна вышла из-за стойки в зал, повесила на дверь табличку «Закрыто», погасила свет и поставила перед ним

недавно купленную пепельницу-черепушку. Теперь можно. В льдисто-голубых глазах прочла отчетливое «Издеваешь-ся?» и невинно улыбнулась.

Он молча курил, а она варила кофе. Черный, без сахара, с корицей и перцем чили. Яна, пожалуй, никогда не сможет понять, как можно пить эту горькую обжигающую дрянь. А он такой любит.

– У тебя же, вроде, внеплановый выходной? А по виду всю ночь пахал.

– Тяжелый год, – он раздавил окурок в пепельнице с таким видом, будто сворачивает шею злейшему врагу – Коекто опять развел бардак, а мне разгрести. То, что я забыл зонт, уже говорит о многом. Поэтому не стал возвращаться, просто катался, голову проветривал. Зато понял, зачем Оле отбирал у меня орудие труда. Зря я на него злился. Нужно будет поблагодарить.

– Вот оно что. А я уж решила, что тебе сделали втык на планерке профсоюза за внезапный отгул без передачи дел и...

Закончить не получилось, ее прервал его смех. Звонкий, искренний и чертовски заразительный. Совсем детский. Яна слышала этот смех впервые и не понимала, как раньше жила без него. И как будет жить дальше, если больше никогда его не услышит. Пытаясь сохранить контроль над ситуацией, она схватила ближайшую початую бутылку (с коньяком), поймала в нее звенящий серебряным колокольчиком смех и

плотно закупорила пробку. Коньяк в бутылке пузырился не хуже шампанского. И словно светился изнутри. Дивная будет настойка.

– Извини, – отсмеявшись он вытер пальцем слезы, – Представил себе наш профсоюз.

Яна осторожно взяла его за холодную бледную руку, стеклянной трубочкой собрала с пальца прозрачную влагу и бережно, до последней капельки, стряхнула в склянку с плотной крышкой.

– И ведь подсунешь потом кому-нибудь эту отраву, – улыбнулся он.

– Это Ян у нас любитель экзотических коктейлей, алхимик до мозга костей, – она спрятала склянку под стойку, – А я так, демиург-самоучка. Мое дело – творить, а не перекраивать чужие судьбы пьянящими зельями. Но тебя могу чем-нибудь угостить, если хочешь.

– Почему бы и нет, – он отставил опустевшую чашку, – Чего ты там натворила?

– Есть настойка на летних грозах, – Яна достала пузатую бутылку с жидкостью цвета грозовых облаков, – Помнишь, какие грозы были в прошлом году? Прямо жуть!

– Жути мне и так хватает. Давай что-нибудь более жизнеутверждающее.

– Чего бы тебе такого налить? – она пробежала взглядом по рядам бутылок, – О, вот! Наливка из первого заката. Он тогда так стеснялся, что был совершенно малиновым. Тебе

понравится.

Яна аккуратно разлила по минзуркам тягучую жидкость цвета спелых ягод.

– Слушай, раз уж зашел разговор, – она поставила перед ним стопку с наливкой. – Давно хотела спросить, почему вдруг зонт? Странный выбор.

– Это Оле придумал. Сказал, что моим клиентам и так хватает стресса, пусть хоть что-то выглядит безобидно и красиво. Я с ним, в общем-то, согласен.

– По-моему, он выглядит жутковато, – Яна передернула плечами и потянулась ко второй стопке.

– Ты просто не видела, как это смотрится с их точки зрения, – тот, кого называют Смертью, поднял свою рюмку. – За тебя, демиург-самоучка.

– И за тебя, – она отсалютовала в ответ, – И за равновесие Мира.

Глава 8

Октябрь. Наши дни.

Говорят, не повезет, если черный кот дорогу перейдет...

Кот, правда, был не черный, а рыжий, но легче от этого не стало. Рыжая молния метнулась под колеса самоката и Надя, пытаясь избежать столкновения, грохнулась на мостовую. Порвала колготки и до крови рассадилла коленку. О собеседовании можно было забыть – теперь точно не успеет.

Рыжий виновник происшествия преспокойно сидел на тротуаре и вылизывался.

– Вот зачем ты так? – с укором в мокрых от слез глазах спросила Надя. – Нормально же общались.

Рыжего кота Надя впервые увидела на выходе из вокзала. Когда только вернулась в свой родной город. Ну как вернулась. Ей было четыре года, когда родители переехали, так что малую Родину она часто видела во сне и плохо помнила наяву. Но всю жизнь хотела сюда приехать. Приехала. Сразу после колледжа. С одним чемоданом, запасом денег на пару месяцев и большими мечтами.

Кот сидел на мокром от дождя асфальте у выхода из вокзала, а над ним красовался рекламный плакат новостройки с надписью «Новый дом – новые возможности!». Надя реши-

ла, что это знак свыше. Что это Город приветствует ее обещанием новой жизни. И с этой мыслью отправилась на съемную квартиру, восторженно взирая на все вокруг. На черепичные крыши разноцветных домов в стиле северного модерна, на потертую брусчатку мостовых, на клены и каштаны вдоль набережных широкой медленной реки, на готический собор из красного кирпича и громадину средневекового замка на холме над городом, на огромные витрины кафе на центральной улице, уличных художников и музыкантов. И даже на кусочек моря, который виднелся на горизонте в просвете между домами.

Эйфория закончилась через неделю. Когда Надя стала искать квартиру в долгосрочную аренду взамен снятой по конской цене через сайт посуточного бронирования. Все найденные варианты были либо дорогие, либо совершенно непригодные для жизни. Да и с работой не клеилось. Кое-как получилось устроиться курьером в интернет-магазин. Между заказами Надя бегала по квартирам в поисках нового дома. Погода испортилась, красоты архитектуры не радовали и она уже начала подумывать о возвращении к родителям. Не город детства, а сплошное разочарование. Надя думала об этом, возвращаясь от заказчика мимо обшарпанного кирпичного забора. Будь она в лучшем настроении, назвала бы забор живописным. А так он был просто облезлым, грязным и покрытым граффити.

«Поверь в меня» гласила надпись на заборе. И Надя гото-

ва была поклясться, что десять минут назад, когда она шла к дому с заказом, ее тут не было. Хоть буквы кое-где уже успели облупиться. А на заборе сидел рыжий кот. Тот самый, вокзальный. Он спрыгнул на дорожку и пошел к соседнему дому, оглядываясь на Надю. Она пожалала плечами и поплелась следом.

Кот остановился у подъезда, требовательно мяукнул, глядя на дверь. Вышел погулять, а теперь не может попасть домой? Надя дернула за ручку и дверь подъезда открылась. Надо же, не заперта. Она впустила кота. Тот уверенно помчался по лестнице и скоро его мяв раздался сверху. Надя поднялась за котом на четвертый этаж.

Рыжий стоял перед дверью квартиры номер тринадцать и громко орал. Надя позвонила в дверь.

– Здрасьте! Это ваш котик?

– Нет, – женщина средних лет, открывшая дверь, переводила взгляд с Нади на кота. – А вы не по поводу квартиры?

– Квартиры? – удивилась Надя.

– Ну да. Еще два часа назад должны были съемщики приехать квартиру посмотреть, а теперь и трубку не берут. Видно, передумали. Вам, случайно, квартира не нужна? – улыбнулась женщина.

– Нужна, – вздохнула Надя. – Только в этом районе дорого. Сколько вы хотите в месяц?

Хозяйка назвала цену. И Надя застыла от удивления. Это было даже дешевле убитых «бабушкиных» квартир на окра-

инах. А тут новый дом почти на набережной. Из окон, поди, море видно.

– А можно посмотреть?

Квартирка оказалась однокомнатная, небольшая, но очень уютная. И в отличном состоянии. Из окон, и правда, было видно море.

– А что поделатъ? – вздохнула хозяйка. – Не хотят брать. Боятся. Квартира тринадцать в доме тринадцать. Да еще и на четвертом этаже. Вы знаете, что по-японски четыре звучит так же как «смерть»? У них даже в зданиях нет четвертых этажей. Суеверные все стали.

– Я не суеверная, – улыбнулась Надя. – Когда можно заселяться?

Заселилась на следующий день. В новой квартире все как-то сразу наладилось. И погода, и настроение. И даже подходящие вакансии стали появляться. Надю позвали на собеседование: работа по специальности, приличная зарплата, офис недалеко от дома. Хотя тут все недалеко.

А кот исчез. Канул в Лету, пока она болтала с хозяйкой квартиры. И не появлялся до этого злополучного дня. Того самого, когда она спешила на собеседование в строгой «офисной» юбке и ненавистных капроновых колготках.

Надя осторожно трогала разбитую коленку, соображая что делать дальше. Надо бы найти аптеку, купить зеленку и пластырь. И новые колготки. И попробовать перенести собес.

– Ты в порядке? – он возник перед ней, словно джинн из лампы. – Сильно расшиблась? Идем, пластырь выдам.

Надя подняла взгляд на сердобольного незнакомца. Мужчина лет тридцати на вид. Смуглый, зеленоглазый. Темные волнистые волосы ниже плеч собраны в небрежный хвост на затылке. На итальянца похож. Или на грека. Симпатичный, надо сказать. И улыбка такая добрая и немного хитрая. Он протянул ей руку и помог встать.

Мужчина оказался барменом. И это у дверей его бара Надя завершила свой стремительный полет. Бар, правда, был уже закрыт – он работал по ночам. Так что Надя и красивый бармен с красивым именем Ян оказались в зале одни. Он достал из-за стойки аптечку, ловко обработал ссадину водкой и заклеил разноцветным пластырем. Крест-накрест, как в мультиках.

Пока Ян возился с ее коленкой, Надя пыталась перенести собеседование, но получила отказ. Мол, соискателей полно и без нее обойдутся.

– А хочешь у нас поработать? – Ян налил ей кофе с ликером в качестве моральной компенсации. – Я давно мечтаю сделать заведение круглосуточным. Ночью – бар, днем – кофейня. Только баристу подходящего никак не мог найти. Кажется, нашел. Место здесь не очень проходное, так что аврала точно не будет. Правда, первое время придется работать одной. Пока сменщика себе не подберешь. Но это ничего, если кофейня будет закрыта пару дней в неделю. Мир от это-

го не рухнет. Согласна? Если да, можешь начать с первого числа.

Надя оглядела крошечный зал с причудливым интерьером в лучших традициях безумного чаепития. Разномастные столики, ни одного одинакового стула, даже высокие табуреты у стойки разные. На стенах зеркала в затейливых рамах от крошечного карманного до огромного, в человеческий рост. А между ними до жути реалистичные портреты мифических созданий и сказочные пейзажи в рамах, так похожих на оконные. С потолка свисает всякая всячина: сложенные стулья; облака из ваты; шар-абажур из желтых ниток, напоминающий солнце; гирлянда с лампочками-бутылками; бумажные звезды; игральные карты на тонких лесках – будто кто-то подбросил в воздух колоду да так и оставил; клетка со скелетом какой-то птицы, оплетенная засохшим плющом. Ни бар, а настоящая Страна Чудес. В таких местах должны быть спрятаны двери в другие миры, охраняемые неусыпными стражами. Может птичка в клетке как раз и есть такой страж? А бармен на самом деле великий волшебник, похлеще Оза? Как минимум, здесь точно будет нескучно.

И Надя утвердительно кивнула. Даже про зарплату не спросила.

Рыжий кот вальяжно прошелся по тротуару и вспрыгнул

на колени к сидящему на лавочке старику. Старик являл собой живописную смесь постаревшего хиппи и растамана. Был дредаст, бородат, обвешан разного рода побрякушками, как новогодняя елка, и взирал на мир сквозь круглые зеркальные очки.

– Молодец, приятель, – старик погладил кота и тот довольно загудел маленьким рыжим трактором. – Теперь наша Надежда от нас не убежит. Даже интересно, что из нее получится. В такой-то компании. Хоть и жаль отдавать ее двухголовому чудищу, пусть и на время. С этой проблемой разобрались, – старик встал с лавочки и медленно побрел в сторону моря, – осталось решить еще одну и можно на покой.

Глава 9

Ноябрь. Наши дни.

Яна разливала глинтвейн в пинтовые стеклянные кружки. Черпала поварешкой из любимого медного котелка изумрудно-зеленое варево с кусочками яблок и лимона. Вино из собранной на Бельтайн зелени – отличная основа для глинтвейна к Самайну. И она наполняла им кружки и выставляла на стойку. Кому нужно, сам подойдет и возьмет.

В баре был полный аншлаг. Собрались все. Одни приходили, другие уходили. Кто-то заскочил на глоточек глинтвейна и побежал дальше, а кто-то основательно устроился за столиком и возводил пирамиду из пустых кружек. Еще бы, такая ночь!

Ян вынес из подсобки полный поднос чистой стеклотары. Сегодня особая ночь. Одна из немногих, когда Ян и Яна могли существовать по отдельности, каждый в своем теле. За всегдатаи ждали таких ночей, как дети Рождества. Таких ночей в году всего восемь. Повороты Колеса года, когда мир привычный и мир потусторонний сливаются воедино и от заката до рассвета возможны любые чудеса.

– Не знал, что у тебя есть сестра, – сидящий за стойкой Жорж подслеповато шурился сквозь очки. Как и думал Ян,

он стал частенько к ним заглядывать.

– Яна мне не просто сестра, – улыбнулся Ян. – Она мое второе Я.

– Ну точно Янус Двуликий, – пьяно хихикнул Жорж и с интересом уставился на сидящую рядом Анжелу.

Та задумчиво уткнулась в свою кружку. В этот вечер она была особенно печальна. Похоже, слияние миров заставляло ее если не вспомнить прошлое, то острее почувствовать утрату и свою инаковость. Бедняжка и сама не понимала, почему ей так плохо. Жаль ее, конечно, но тут ничего не поделаешь. Такие вещи не в их компетенции.

Зал наполнился апельсиново-оранжевым сиянием.

– Нальешь мне с собой кофейку? – Оле протянул Яне термокружку веселенькой расцветки. – С вами хорошо, но работа не дремлет. И так засиделся.

От глинтвейна его по-скандинавски бледная мордашка разрумянилась, а глаза блестели, как два голубых топаза. Анжела видела это чудо природы впервые – обычно братья убегают до ее прихода. Поэтому во все глаза смотрела на Оле, его оранжевую куртку, ярко-синий шарф и радужный зонт. Яна налила в термокружку безбожно-сладкий ванильный латте и повелитель детских снов вприпрыжку покинул заведение.

Второй близнец проводил брата долгим взглядом и едва заметной улыбкой. Похоже, глинтвейн растопил и его ледяной панцирь. Он в этот раз был без зонта. И без привычной

кожаной «униформы». Обычная, хоть и черная, одежда: толстовка с капюшоном, джинсы, короткое пальто. Значит пешком. И уходить не торопился. Сидел, обняв ладонями уже не первую кружку с зеленым ведьминым зельем.

– Ты сегодня не работаешь? – Яна под села к нему за столик.

Он отрицательно покачал головой:

– Сегодня парадом командуют другие ребята. Так что я могу отдохнуть без угрызений совести, пока в воздухе слышно эхо рогов Дикой охоты.

Яна накрыла его ладони своими. Обычно руки у него холодные, но сейчас их согрел горячий глинтвейн.

– Извини, здесь сегодня многолюдно. – виновато улыбнулась она.

– Я знал, куда шел. – он небрежно пожал плечами. – К тому же, непосредственно людей здесь всего трое. Это я как-нибудь переживу.

– Тогда может прогуляемся? – она почувствовала, как ее щеки розовеют от смущения. – До рассвета еще полно времени, зато на улице сейчас почти никого нет. Здорово, что местные чтут традиции.

– Куда пойдем? – его улыбка стала шире.

– Давай к морю. Сто лет не была на пляже ночью!

Ян загружал в посудомойку грязные кружки.

– Подменишь меня? – Яна нырнула в подсобку за плащом. – Обещаю вернуться до рассвета.

Ян проводил уходящую в ночь парочку понимающим взглядом и спрятал в банку очередное перышко Анжелы. Должна же хоть у кого-то из них быть личная жизнь. Пусть и всего несколько раз в год, да и то если звезды удачно сложатся.

Глава 10

Ноябрь. Наши дни.

На водительском сиденье мотоцикла, боком, скрестив по-восточному тощие ноги в белых шортах, белых гетрах и массивных белых кроссовках, сидела девочка-подросток и увлеченно тыкала пальцами в экран смартфона. Белая рубашка, белая жилетка, белый галстук, белый пиджак с вышитой эмблемой на левой груди: человеческий череп в серебряной короне. Гладкие белые волосы собраны в два низких тугих хвоста, а нижняя половина кукольного личика скрыта медицинской маской с изображением клыкастой улыбки. Рядом на пассажирском сиденье валялся симпатичный кожаный рюкзачок, увешанный значками и брелочками. Ну прямо ученица престижной школы из какого-нибудь аниме, решившая прогулять первый урок и провести утро на парковке у чужого дома. Белое на белом. Словно кадр забыли раскрасить.

Оле увидел эту дивную картину, когда пробежал по делам неподалеку от квартиры брата и не смог пройти мимо, чтобы не приструнить нахалку, нагло оседлавшую его двухколесного друга.

– Тебя не учили, что чужие вещи нельзя трогать без разрешения? – он скрестил на груди руки, нахмурил брови и

смотрел на девочку исподлобья. – Что ты тут делаешь?

– А, это ты, недоразумение, – она не отрывала взгляда от смартфона. – Я жду братика. Так что можешь идти дальше и не мешать. Кстати, где он?

– Не знаю. У него сегодня выходной, – буркнул Оле. И не удержавшись добавил: – Кажется, он собирался провести его со своей девушкой.

– Девушкой?! – она, наконец-то соизволила на него взглянуть. – У него есть девушка? Кто она? Почему братик меня с ней не познакомил?

– Возможно, потому что не захотел. Или потому, что не хочет тебя видеть.

Оле безразлично пожал плечами, но внутри у него все кипело. Эта мелкая его откровенно бесила. Какого черта она вообще заявила в Город да еще и в таком виде?

– Ты чего так вырядилась? – Оле потянулся и с любопытством огляделся вокруг. Людей поблизости не было. – И где твой конь?

– Вон стоит, – девчонка небрежно кивнула в сторону беленького велика, прислоненного к дереву. – Но этот мне больше нравится. Большой, красивый, сексуальный.

Она уселась на байк верхом, ухватилась за ручки, выгнула спину, выпятив миниатюрную грудь и отставив тощую задницу, и слегка потерлась о сиденье. Оле передернуло.

– Слезай немедленно! – гаркнул он, сам испугавшись своего голоса. – Брат не любит, когда в его отсутствие кто-то

трогает его вещи.

– Откуда тебе знать, что он любит? – девчонка зло уставилась на Оле огромными черными глазами. – Ты ничего о нем не знаешь! Тебя вообще не должно быть! Недоразумение! Побочный эффект! Если бы не ты, братик бы...

– Чума, прекрати!

Оле вздрогнул. Утопая в потоке упреков он не заметил, как подошел близнец. Волосы взъерошены, пальто нараспашку, на ботинках еще влажный песок. Ходил на пляж? И судя по засосу на шее, не один. Видимо, провел ночь с Яной. Похоже, девчонка это тоже поняла. Она злобно зыркнула на свежий синяк, потом спрыгнула с мотоцикла, бегом преодолела разделяющее их расстояние и повисла на шее у брата.

– Братик, как я рада тебя видеть! – верещала она, размахивая в воздухе ногами. – Я так соскучилась! Почему ты от меня прячешься?

– Я не прячусь, – брат с трудом отодрал девчонку от себя и поставил на асфальт. – Я работаю. И в количестве моей работы есть и твоя вина. Что за ужас ты опять устроила?

– Ой, да какой там ужас. – она небрежно отмахнулась. – Просто новая прикольная игра. Смотри! Давай поиграем вместе, как раньше?

И Чума гордо продемонстрировала экран своего смартфона. Там по карте мира зловеще расплзались красные пятна заражения смертельным вирусом.

– Не буду я с тобой играть. И тебе пора завязывать. Наиг-

ралась.

– А что мне за это будет?

Голос девочки изменился, стал взрослее и глубже. У Оле даже мурашки побежали по спине от ее голоса и ее взгляда. Нет, Чума не стала выше или округлее, но перед ними однозначно была не девочка-школьница, а грозное древнее создание, веками наводившее ужас на смертных.

Она провела кончиками пальцев по щеке и шее брата, на секунду задержалась на пурпурном пятне засоса и медленно стянула со своего лица маску. Ее пухлые розовые губки кривились в зловещей улыбке. Взяв за руку, она увлекла брата за собой к мотоциклу, резким толчком боком усадила на седло, встала у него между ног и положила руки ему на плечи. Он не сопротивлялся и Оле прекрасно знал почему. Эта зараза была им одержима. Совершенно нездоровое, близкое к зависимости чувство. Когда-то она выкашивала целые страны, чтобы порадовать того, кого называют Смертью. И никак не могла понять, почему он на нее злится. А потом нашла причину: она решила, что во всем виноват Оле. Это он дурно влияет на близнеца и внушает тому, что убивать людей плохо. Потому-то она его и ненавидела. Считала досадным недоразумением и старательно делала вид, что не замечает.

После очередной ссоры с братом она надолго затаилась и не причиняла серьезных проблем человечеству. Так, мелкие вспышки инфекций то тут, то там. Ну и сталкерила за ним помаленьку, иногда напоминая о себе. А теперь, похо-

же, случилось очередное обострение и она решила привлечь к себе внимание эпидемией неведомой болячки с летальным исходом. И усмирить эту заразу можно было только одним способом – дать ей то, чего она хочет.

Чисто технически, они не были родственниками. У подобных им созданий нет ни родителей, ни семьи. Но эти четверо зачем-то называли друг друга братьями и сестрами, игнорируя Оле, который как раз имел на это звание все основания. Хотя бы из-за стопроцентного сходства с близнецом. А Чуму, похоже, забавляла игра в запретную любовь со старшим братом.

– От тебя воняет другой женщиной! – фыркнула Чума, сцепляя руки на шее брата. – Но это легко исправить. Сегодня ты мой и только мой.

– Хорошо. – спокойно ответил он. – А завтра ты уйдешь. И успокоишься.

Оле стыдливо отвернулся, когда она впиалась губами в губы брата, от наслаждения прикрыв глаза и запустив пальцы в короткие волосы у него на затылке. Он встал, подхватил ее под бедра и понес к подъезду. Хотя, скорее она просто висела на нем, как ленивец на дереве, обхватив ногами за талию, а держал он чисто из приличия. Интересно, они хотя бы до квартиры доберутся или эта ненормальная изнасилует его прямо на лестнице? Вот же Чума, блин! Иначе и не скажешь. Проводив их взглядом, Оле развернулся и пошел прочь. В отличие от брата, у него еще была работа. Да и знать, чем

дело кончится, ему совершенно не хотелось.

Колкие струи горячей, почти обжигающей воды хлестали по коже. Каждый раз, когда капли попадали на черный узор татуировок, его как будто легонько било током, но он не мог заставить себя выключить воду и вылезти из душа. По ощущениям, он стоял так уже минут сорок, но все еще чувствовал себя грязным. Никак не получалось смыть с себя кисло-сладкий, будто подгнившие фрукты, запах Чумы.

Обычно при слове «насилие» в мыслях возникает образ женщины, ставшей жертвой мужчины. Потому что он крупнее, сильнее и сопротивляться ему не так-то просто. Или ребенка, ставшего жертвой взрослого. По той же причине, в общем-то. Никому и в голову не придет, что взрослый, здоровый, полностью дееспособный мужик может стать жертвой маленькой хрупкой женщины. Вот только принуждение бывает не только физическим.

«Братик, ты же не хочешь, чтобы у тебя стало больше, гораздо больше, работы»? – мурлыкала Чума, стаскивая с него сначала толстовку, а затем и футболку. – «Тогда расслабься и получай удовольствие».

Конечно же, он не расслабился и уж тем более не получал удовольствие. Он просто не сопротивлялся, позволяя этой женщине делать с ним все, что ей вздумается. И дело бы-

ло вовсе не в боязни лишнего труда. У того, кого называют Смертью, была одна маленькая, но чертовски неприятная слабость: он любил людей. Любил, жалел и пытался, по возможности, не допустить лишних смертей. С учетом правил, запрещающих жнецам вмешиваться в человеческие судьбы, это было не так-то просто. Поэтому, когда женщина угрожает уморить человечество, если ты вот прямо сейчас ее не удовлетворишь, выбор становится очевиден. Он поморщился. Перед глазами все еще стояло ее кукольное личико с нечеловечески-огромными черными глазами и надменной улыбкой. И длинные белые волосы, словно паутина оплетающие его тело, когда Чума сидела у него на животе и водила по коже аккуратными ноготками. Она и сама в тот момент напоминала паука, готового в любой момент вцепиться ему в глотку ядовитыми клыками. Его передернуло, к горлу подступила тошнота, голова закружилась. Он несколько раз глубоко вдохнул, уперся руками в скользкую, покрытую темно-серой плиткой, стену, чтобы не упасть, подставил лицо под обжигающие струи воды. Мерзость!

Он вышел из ванной, оставляя за собой лужи и отпечатки мокрых ног, добыл из аптечки в шкафу на кухне перекись, ватные палочки и упаковку антисептических пластырей и пошел к зеркалу в спальне. На груди и ребрах зловеще алели свежие царапины. Он промыл их перекисью и заклеил пластырем самые глубокие. Царапины, оставленные Чумой, почему-то заживали очень медленно и болезненно.

Словно под ее ноготками с конфетно-ванильным маникюром скопилась вся зараза этого мира. От парочки точно останутся мерзкие, темно-багровые рубцы. Следы их прошлых встреч теперь прятались под татуировкой, придется со временем перекрыть и эти – смотреть на них было слишком противно. А еще придется придумать, как бы помягче объяснить их появление Янке. Она наверняка обидится, если заметит. И не факт, что ее устроит объяснение в духе «извини, моя бывшая шантажирует меня всемирной эпидемией смертельного вируса, а я ничего не могу с этим поделать, потому что сопливая размазня». Вот ведь мелкая зараза! Она же это специально сделала, чтобы испортить ему жизнь и отношения с новой девушкой. Неужели думает, что после этого он к ней вернется? Чокнутая нимфоманка-братолюбка.

– Сжечь нахрен! – пробурчал он, двумя пальцами, словно нечто жутко ядовитое, поднимая с пола свою футболку, в которой успела походить Чума.

Что вообще за дурацкая привычка таскать чужие вещи? Она всегда так делала: после близости надевала его туники, рубашки и свитера. Фетиш у нее такой, что ли? Он закинул футболку в машинку, туда же запихал постельное белье, которое стащил с кровати, от души залил гелем для стирки и запустил самый жесткий режим, надеясь, что агрегат это переживет и ему не придется покупать новый. В очередной раз. Использовать он это точно уже не будет, но выбрасывать без хоть какой-то обработки не рискнет. Мало ли. Пока машин-

ка стирала, он влез в домашние штаны, вытер мокрый пол, постелил свежее белье, заправил кровать и распахнул окно в спальне. Устранив все следы присутствия в своем жилище незваной гостьи, натянул на голое тело толстовку, накинул капюшон на еще влажные волосы, заварил растворимый кофе и пошел курить на крошечный балкончик. Толстовка пахла Янкой. Это успокаивало и навевало другие, более приятные воспоминания о ночной прогулке по пляжу и не совсем законном вторжении на запертую на ночь станцию спасателей. Хорошо, конечно, что у Янки есть ключи от всех дверей, но временами она ведет себя слишком легкомысленно. Как девчонка. Нужно будет обязательно ей об этом сказать в следующий раз. Он невольно поежился.

«Еще увидимся, братик»! – кокетливо улыбнулась ему Чума, выходя из квартиры. – «Передавай привет своей девушке»!

– Вот же хрень собачья! – выругался он, взглядом испепеляя окурок. На душе было паршиво как никогда.

Глава 11

Ноябрь. Наши дни.

– Ваш кофе! Заходите к нам еще!

– Спасибо, обязательно! – рассмеялась тоненькая девушка с огромными бирюзовыми глазищами и водопадом золотистых волос по колени и яркой рыбкой выскользнула на улицу. Этот смех почему-то напомнил Наде журчание весеннего ручейка.

– Надо же, прямо русалочка! – вздохнула Надя, глядя ей вслед. – Такая красивая.

– Ага, красивая, – улыбнулся Ян, выходя из подсобки. – Только не вздумай идти за ней, если позовет. Русалочки бывают опасными. Утопит за милую душу.

Бармен хитро подмигнул и напрягшаяся было Надя поняла, что он шутит. Вот ведь! А она, дура, и правда решила, что к ним только что заходила русалка и Ян об этом знает. За две недели работы это был уже не первый случай, когда посетители кофейни казались ей сказочными созданиями. Надя легко могла представить крылья и нимб у ничем не примечательной девушки в очках и безразмерном свитере. Или рога и копыта у холеного джентльмена в дорогом пальто. Феи, джинны, лепреконы – кого только не заносило к ней на кофе.

Надя мечтательно смотрела им вслед и все ждала, когда же Ян признается, что на самом деле он великий волшебник, за барной стойкой прячется портал в другой мир, а сама Надя – избранная или пропавшая в младенчестве принцесса сказочного королевства. Но он многозначительно молчал и лишь иногда хитро шурился. Совсем по-кошачьи.

Надя бросила взгляд на бармена, который только что пришел и теперь красиво повязывал вокруг узких бедер фартук. Он вообще все делал красиво: протирал стаканы, резал фрукты, варил кофе. А уж когда смешивал коктейли, можно было натурально залипнуть. Надя поняла, что любит. Любит мужчиной, который старше нее лет на десять и является ее работодателем к тому же. В голове тут же всплыли сюжеты дамских романов про секретарш, влюбленных в боссов и студенток, восплававших бурной страстью к преподам. Наде подобный поворот сюжета всегда казался глупым. Что хорошего может получиться из таких отношений? О чем вообще говорить с человеком при такой разнице в возрасте? Оказалось, что говорить с ним вообще не хочется. Хочется совсем другого. Надя осознала, что пялится на красивые ловкие руки Яна, представила, что этими руками он мог бы сделать с ней и покраснела, сравнившись, должно быть, с крашенными в розовый волосами.

– Ты в порядке? – с тревогой посмотрел на нее Ян. – Вид у тебя какой-то нездоровый. Не заболела?

Надя истерично помотала головой, выпалила, что в зале

жарко и она немного устала, и убежала в подсобку переводить дух. Там она прижалась лбом к холодному стеклу зеркала над крошечной раковиной. Сердце колотилось где-то в горле, а в животе клубились те самые пресловутые бабочки, о которых поют в слащавых попсовых песнях. В зеркале отражалась вешалка с верхней одеждой и висящее на ней пальто Яна. Черное, с темно-зеленым шарфом. Надя отлично помнила его запах: она чувствовала его каждый раз, когда забирала с вешалки свою куртку, и потом еще какое-то время по дороге домой. Кофе, цитрусовые и что-то еще. Что-то теплое и манящее обещанием чудес. От Яны пахло почти так же, только ее запах был немного мягче, с шоколадными нотками.

«Интересно, это парфюм или природный запах»? – подумала девушка. Захотелось вот прямо сейчас подойти и потрогать теплую мягкую ткань, ткнуться в нее носом и полной грудью вдохнуть чужой аромат. До зуда в пальцах захотелось! И Надя сжала кулаки, отгоняя наваждение. Весело будет, если Ян застучает ее за нюханьем его вещей. Решит еще, что она извращенка какая-то. И уволит нафиг! В конце концов, бармен не давал ей ни одного повода для такого поведения и не факт, что примет столь внезапно вспыхнувшие чувства малолетки.

Звук колокольчика над входной дверью вернул Надю в реальность. Технически ее смена еще не закончилась и спихивать клиентов на Яна было неправильно. Поэтому девушка

успокоила дыхание, внимательно осмотрела себя в зеркале, убедившись, что больше не монохромно-розовая, и вышла в зал. И застыла в изумлении, как и только что вошедший посетитель.

– Ничесе! – громогласно заявил гость, молодой блондин, поразивший Надю яркостью прикида. – Это она? Знакомь скорее, иначе я от любопытства лопну!

– Знакомьтесь, – почему-то вымученно улыбнулся Ян, – Надя, это Оле, один из наших постоянных посетителей. Оле, это Надя, дневная хозяйка этого бедлама.

– Приятно познакомиться! – просиял лучезарной улыбкой вышеозначенный Оле и полез обниматься.

Надя слегка опешила, оказавшись в его на удивление уютных объятиях, пробормотала «Привет» и очень удивилась, почему не испытывает ни малейшего желания вырваться. Парень отпустил ее самостоятельно. На вид ему было лет двадцать пять, но одеждой и поведением он напоминал скорее подростка. Яркий, шумный и совершенно без комплексов.

– Ну что, хозяйка, – Оле протянул ей термокружку вырвиглазных цветов, – Угостишь меня ванильным латте? Только сиропа не жалей.

Надя перевела взгляд на Яна. Тот хитро улыбался, скрестив руки на груди, и всем своим видом показывал, что он в этом участвовать не будет. Девушка забрала у гостя термокружку, ушла за стойку и забила кофе в холдер. Оле устро-

ился на барном табурете напротив Яна.

– Надюш, у тебя до сколько смена? – словно к старой знакомой обратился он к Наде, кулаком подпирая щеку.

– До восьми, – автоматически ответила девушка и только потом задумалась, а зачем, собственно, он спрашивает. На свидание позвать хочет, что ли?

– С десяти утра до восьми вечера, – сдал ее Ян и голос его вдруг стал серьезным.

– Предупрежу старшего, – кивнул Оле, – Чтобы не совался сюда в это время. Мало ли.

– Спасибо. Извини, что-то я тупанул, – Ян виновато опустил глаза. – И Яна тоже не сообразила. Она тоже извиняется.

– Да ничего, – улыбнулся Оле. – Он все равно в такую рань не заезжает обычно.

Наде стало чертовски интересно, кого это нужно было предупредить о времени ее работы и почему. Эти двое явно знали друг друга давно. И, похоже, не только в рамках работы. В голове у Нади мелькнула шальная мысль, но она тут же отогнала ее прочь. Хотя с эстетической точки зрения, парочка выглядела просто дивно! Надя почувствовала, что снова краснеет, и отвернулась к кофе-машине. Нужно меньше читать слэшные фанфики! Нет, нет и еще раз нет! Черт с ним, с Оле, но Ян просто обязан интересоваться девушками! Иначе у нее нет ни единого шанса охмурить красавчика-бармена.

– Кстати, ты сам-то чего так рано? – спросил Ян.

– Да так, хотел прогуляться перед работой. И познакомиться. А то постоянно про Надю слышу, а своими глазами не видел. Решил исправить это досадное недоразумение. Очень нравится!

Надя обернулась и заметила, что Ян самодовольно улыбается, словно хвастается удачным приобретением. Или своей девушкой. По крайней мере, так же смотрели парни, которые встречались с самыми популярными девчонками в школе, и подруги Нади, когда им удавалось закадрить крутого пацана. Может у нее все же есть шанс и стоит намекнуть Яну о своих чувствах?

– А ничего, что я тоже здесь? – изображая ущемленную гордость спросила Надя, ставя перед Оле термокружку с кофе.

Оле покраснел ничуть не хуже, чем она перед этим, промямлил «Извини, был дурак, исправлюсь!», попрощался и пулей вылетел за дверь. Только сейчас Надя заметила висящий на сгибе локтя радужный зонтик и шальные мысли снова полезли в голову.

– Не злись на него, ладно? – улыбнулся Ян той самой улыбкой, что покорила ее в их первую встречу. – У Оле что в голове, то и на языке. Но он отличный парень. И отличный друг. Сама увидишь.

Надя кивнула и не удержалась от вопроса:

– А кто не должен сюда соваться в мою смену?

– Его брат-близнец, – как-то нехотя ответил Ян. – У него

что-то вроде проблем с общением. Если встретишь копию Оле в черной коже и на байке, лучше не заговаривай. Он далеко не такой дружелюбный. Ничего плохого он тебе, конечно, не сделает, но настроение испортить может.

Надя представила себе эту картину и ей резко захотелось познакомиться с этим недружелюбным, но, судя по всему, чертовки крутым парнем. Просто чтобы убедиться, что Ян все равно самый лучший. И она обязательно его добьется! И все у них будет как в сказке.

Глава 12

Ноябрь. Наши дни.

Они любили гулять вдоль линии прибоя. У самой кромки воды, чтобы видеть в набегающих волнах свое отражение. Когда отражение шагает рядом, голос в голове вполне можно принять за голос собеседника. И двойная тень на песке уже не выглядит такой потусторонней. При должном уровне фантазии можно вообразить, что вторая половина просто идет рядом. А чтобы люди не шарахались, воткнуть наушники как будто болтаешь по телефону. Сейчас все так делают.

Они всегда были единым целым. Две личности в одном теле. Янус Двуликий, Инь и Ян, Пуруша и Пракрити, Анима и Анимус. Кто создал их такими? Кто и зачем зачихнул в одно физическое тело две самостоятельные, почти всемогущие сущности? У них не было ответов на эти вопросы. Однажды они просто появились на свет и осознали свое единственное непреодолимое желание – творить. И с упоением отдались творению. Моря и горы, растения и животные, ветры и звезды. Все это было делом их ловких по-южному смуглых рук.

Когда-то их почитали, как бога-демиурга. В их честь возводили храмы и пели гимны. Им приносили дары и возносили молитвы. Даже называли первый месяц года, веря, что это

поможет сделать год удачным и благополучным. Им приписывали всеведение, знание о прошлом и будущем, способность видеть вперед и назад. Их милости жаждали, а гнева боялись.

Но шло время и они устали от бремени верховного божества. Они оставили трон другим. Молодым, дерзким, но не всегда вменяемым. Иногда они винили себя за все события, что происходили в мире по вине тех безрассудных созданий. Неудивительно, что время тех богов давно прошло и теперь они живут только в легендах. В отличии от Януса. Они неплохо устроились и в мире смертных.

Поначалу им нравилось жить среди своих творений. Казалось забавным путешествовать по свету, зависая то тут, то там, пробовать человеческие наслаждения, предаваться их порокам. Потом захотелось нести в мир доброе-вечное, иногда вмешиваясь в людские жизни на правах божества. Но и это быстро надоело. Люди оказались на редкость безнадежными созданиями. Они попросту не замечали вмешательства. А если замечали, предпочитали поскорее забыть.

И тогда они решили просто жить в свое удовольствие. Кочуя с места на место, устраивая то там, то сям небольшой сверхъестественный переполох и наблюдая за реакцией смертных. Им вполне хватало общества друг друга. Можно сказать, что они никогда ни в ком не нуждались и ни к кому не испытывали влечения. Были единым целым. Ближе, чем друзья, родные и любовники. Пока бесконечная дорога не

привела их к Городу у Моря.

Это было суровое северное Море. Совсем не похожее на то, на берегах которого они появились на свет. И люди здесь жили суровые и северные. Они редко улыбались и мало говорили, будто бы боялись вместе со словами растерять с трудом добытое тепло. И нелюди не сильно от них отличались. Даже сказки здесь рассказывали страшные. Как правило, с грустным финалом. Но в этом было свое мрачное очарование. Свой неповторимый уют, загадочная магия. А все из-за Моря. Такого же холодного, как бледные пальцы одного на редкость неприветливого типа с льдисто-голубыми глазами. Глазами, в которых хочется тонуть, задыхаясь от холода и в клочья разрывая душу об острые грани прозрачного льда. Идеальная иллюстрация местного колорита: увидеть, задохнуться и застыть немим изваянием. Ни то от ужаса, ни то от внезапно накрывшей волны необъяснимой нежности. Потому что мое, не отдам! И даже не просите!

Яна помнила их первую встречу в мелких подробностях. Хоть и не могла точно сказать, сколько лет прошло с той ночи. Пять или пятьдесят. Она никогда не следила за такой мелочью, как время – слишком много его было в запасе у них обоих. Бесконечно много и до одури, до дрожи в коленях, мало.

Сначала появился младший. Ворвался в полумрак недавно открытого бара, словно кошмарный разноцветный ураган.

И сразу заполнил мир своим сиянием.

– Как же круто! – он застыл в центре зала, рассматривая все вокруг восторженными глазами ребенка. – А вы здесь теперь все время будете? А кофе у вас есть? Я, кстати, Оле. Приятно познакомиться!

– Янус, – Яна робко пожала протянутую руку, – Наверное, будем. Кофе есть.

– Янчик, значит! А можно я брата приведу? – Оле почему-то покраснел до самых корней очень светлых, почти белых волос. – Ему здесь должно понравиться. Можно мы завтра вместе придем?

– Конечно можно. – она улыбнулась.

И они пришли. Яна никогда еще не видела настолько разных близнецов. И настолько замкнутого человека. Особенно на фоне брата. Хотя, людьми этих двоих вряд ли можно считать. На нее он даже не взглянул. Сказал что-то брату и направился к самому дальнему столику у окна, внимательно глядя под ноги. Сел и уставился на свои руки, будто впервые их видел.

– Привет, Янчик! – Оле возник возле стойки, лучезарно улыбаясь, – Как и обещал, мы пришли! Можно нам кофе? Мне латте с ванильным сиропом, а брату – черный по-восточному. С корицей и перцем чили. Ты такой умеешь?

– Я любой умею, – зачем-то соврала Яна, добывая из-под стойки жаровню с песком и медную джезву. – А брат твой не очень-то дружелюбный тип. Даже не поздоровался.

– Прости его, пожалуйста. – Оле виновато опустил глаза. – Просто ему неприятно смотреть на людей. Профдеформация такая: смотрит на человека, а видит его смерть. Дату, время, причину. Видит и ничего не может с этим сделать. Ни предупредить, ни вмешаться. Вот и привык лишний раз не... – он грустно вздохнул и замолчал.

– Так он – жнец!

Яна прикрыла рот ладошкой: таким громким показался ей собственный голос, и воровато покосилась на одно из воплощений Смерти. Оле в ответ коротко кивнул. Она слышала про жнецов, забирающих души умерших в загробный мир, но никогда не встречала лично.

Кофе варился нестерпимо долго. Посетителей не прибавлялось. Оле болтал ногами, сидя на высоком табурете у стойки. Его брат продолжал изучать свои пальцы, иногда бросая короткие взгляды в окно. В тишине по окнам стучал крупный осенний дождь.

– Не против, если я сама отнесу? – Яна перелила ароматную черную жижу в маленькую белую чашечку. – Хочу услышать мнение о своем творении.

Чашка с мелодичным звоном о блюде опустилась на столик рядом с тонкими бледными пальцами неприветливого гостя.

– Попробуй, пожалуйста. – Яна застыла напротив. – Хочу знать, как получилось.

– Вполне неплохо, – теперь он уставился в чашку. – В сле-

дующий раз можно положить больше перца. Раза в два.

– В следующий раз можно поздороваться, – она грозно скрестила руки на груди, – И удостоить хотя бы одним взглядом того, кто поит тебя кофе. Хотя это и сейчас еще можно сделать.

Он поставил чашку на блюде и медленно, словно через силу, поднял взгляд на Яну. В льдисто-голубых глазах мелькнуло удивление. Даже рот приоткрыл. По крайней мере, сжатые в тонкую линию губы расслабились. Кажется, он собирался что-то сказать.

– Я же говорил, они тебе понравятся! – Оле с размаху хлопнул его по спине. – Здесь все свои, понимаешь! Людей здесь нет. Так что не будь букой и познакомься с Янчиком.

– Привет, – он робко, словно впервые, улыбнулся, – Спасибо за кофе.

И Яна поняла, что летит в ледяную бездну его глаз, безрезультатно цепляясь за остатки здравого смысла и божественной мудрости. И что готова сделать что угодно, лишь бы это существо почаще улыбалось. Потому что исходящий от него в тот миг спокойный свет хотелось видеть как можно чаще. И как можно чаще слышать этот голос. Низкий, мягкий, словно бархатный. Таким голосом нужно рассказывать сказки. Самые лучшие сказки на свете, за которые не жалко и умереть. Что он, собственно, и делал на своей ненавистной работе. О том, что жнец свою работу ненавидит, она узнала позже. И решила, что должна хоть чем-то скрасить его рабочие будни.

Хоть бы и кофе.

Тогда она осознала, что впервые в жизни не готова делиться чем-то со своей второй половиной. Что бывают мысли, чувства и желания, о которых не расскажешь даже самому близкому существу. Тогда она впервые ощутила себя ущербной. Этаким сиамским близнецом, который не имеет возможности уединиться не только физически, но и мысленно. Конечно, в их жизни были романы и со смертными, и с потусторонними сущностями. Но они больше походили на игру. Веселое приключение, которое потом хотелось обсудить друг с другом. В этот раз было что-то другое. Что-то личное.

Она сказала об этом Яну. Ян не понимал. До тех пор, пока на пороге бара не появилась Анжела. Влюбился ли он в нее на самом деле, или просто не хотел отстать от Яны, но оба осознали острую необходимость разделиться. И Ян начал искать способ. Нашел. Вот только раздобыть все составляющие зелья оказалось не так-то просто. Часть из них напоминала злую шутку или ребус без ключа к разгадке. Он трудился над рецептом уже три года, но до сих пор не получил все компоненты. Но для великого алхимика это был достойный вызов. И Яна не сомневалась, что рано или поздно зелье будет готово.

Конечно, не все у нее с голубоглазым жнецом получилось сразу. Поначалу Яна боялась любого неосторожного движения, словно дикого зверя приручая этого покрытого ледя-

ным панцирем ежика. Боялась, что стоит ей хоть немного намекнуть ему о своих чувствах, он выпустит иголки и убежит в неизвестном направлении. Она была мила и приветлива, как и положено радушной хозяйке, но не более. И лишь через год после знакомства решила сделать первый робкий шаг. Дождливом ноябрьским утром она заметила полный вселенской тоски взгляд в окно, с которым жнец крутил в руках пачку сигарет, и просто поставила перед ним пепельницу с фразой «Тебе можно, если в зале больше никого нет. Только пересядь за стойку». После этого он стал приезжать к самому закрытию бара и сразу садиться за стойку. И сидеть дольше, чем нужно было для того, чтобы выпить чашку кофе. Иногда Яне даже удавалось вытянуть из него что-то более развернутое, чем «Нормально. Работы по горло» в ответ на вопрос «Как дела?», иногда она даже замечала тень улыбки на бледных губах. А ближе к лету он даже начал снимать куртку, невольно демонстрируя татуированные руки. И Яна стала время от времени как бы случайно касаться его вечно холодных бледных пальцев. Он вздрагивал, но не отстранялся.

Ян принципиально вел себя со жнецом по-другому. Не делал никаких поблажек, никак не проявлял излишнего дружелюбия. То ли ревновал, то ли хотел показать, что Яна это Яна и небезразличен жнец именно ей. Эти игры продолжались до Самайна. В ту ночь Яна впервые увидела жнеца без байки и кожанки. В ту ночь Ян подсел за столик к близне-

цам, нагло выпихнул Оле погулять, поставил перед жнецом стакан с коктейлем и долго что-то рассказывал с таким видом, как будто был готов свернуть ему шею. После этого белокурый вестник Смерти подошел к Яне и робко пригласил ее на свидание. Хорошо, хоть умудрился не покраснеть при этом. Видимо, Оле, наблюдавший эту сцену, краснел за двоих. Краснел и довольно улыбался. В ту ночь они впервые поцеловались.

– Чему улыбаешься? – Яна топнула ногой по воде и отраженный в набегающей волне Ян разлетелся брызгами. – Ну да, влюбилась, как наивная дева. Сам-то ты тоже хорош. У меня хотя бы все взаимно, вроде бы. А ты как та умная собачка: смотришь в глаза печально, а сказать ничего не можешь. Признайся уже своей ангелице, может и она по тебе втихаря сохнет.

«Не сохнет». – чужая боль резанула по нервам и Яне стало стыдно за свое счастье. Скорее бы Ян закончил это его чудо-зелье и разделил их раз и навсегда.

Щеки коснулось что-то мокрое и холодное. Яна посмотрела вверх. С серого, затянутого тучами неба падали, медленно кружась, крупные хлопья первого снега. Вот и Зима пришла.

Глава 13

Ноябрь. Наши дни.

Однажды Яна сказала, что у каждого приличного Города должна быть Река. Достаточно глубокая, чтобы можно было кататься по ней на катерах и речных трамвайчиках, и в меру широкая, чтобы легко соединять берега смешными горбатыми мостами. Особенно если Город стоит у Моря и этой Реке так удачно есть куда впадать.

И Река появилась. Идеальной ширины и глубины. С гранитными набережными и мостами с коваными перилами. И ресторанчиками на набережных с летними верандами и своими причалами. С прогулочными катерами и речным трамвайчиком.

Оле впервые увидел Реку рано утром, возвращаясь с очередной смены. И с тех пор заходил к ней каждую ночь рассказать сказку. Потому что, будь ты хоть Океаном, а если появился на свет совсем недавно, то считаешься самым настоящим ребенком. А значит имеешь право слушать его сказки и смотреть подаренные им сны.

Там они и встретились. На одном из горбатых мостиков с ажурными перилами.

– Поймал! – раздался за спиной веселый звонкий голос.

Что-то с силой дернуло ее назад, когда она уже смирилась с тем, что дожить до утра сухой и здоровой не получится. Ибо покрытые тонким ледком перила моста оказались скользкими, каблуки осенних ботинок – ненадежными, а руки кривыми. И она чуть не свалилась в холодную воду, решив угостить реку глоточком рома. В результате вниз улете- ла почти полная бутылка. И правильно, нечего жадничать. А все же, кто и чем ее так удачно подцепил?

Она обернулась, насколько это было возможно, и с удивлением обнаружила у себя за спиной ярко одетого молодого мужчину с радужным зонтом в руке. Ручкой этого самого зонта он и поймал ее за ремень пальто. И все еще держал на крючке.

– Может отпустишь? – буркнула она, – Я не золотая рыбка, желаний исполнять не умею.

Мужчина снял ее с крючка, отвесил шутовской поклон, потряхнув блондинистой шевелюрой, и с улыбкой произнес «Не за что».

– Спасибо, – она осторожно уселась на брусчатку, прислонившись спиной к ажурным перилам. – Купаться мне совсем не хотелось. Хотя это было бы достойное завершение этого дерьмового дня.

– Что случилось? – он сел рядом, обнимая зонт, словно

магический посох.

– Муж бросил.

– Это он зря, – без тени улыбки произнес ловец падающих женщин. – Нельзя же так с живым человеком. Ему же от этого может быть больно.

– Он считает, что это ему больно, – она вздохнула и сама не понимая зачем продолжила: – Я аборт сделала. У ребенка была высокая вероятность синдрома Дауна и я решила не рисковать. Зачем вообще рожать больных детей, если этого можно избежать? Мы же не в средневековье! Современная медицина способна обнаружить практически любое отклонение еще на ранней стадии. Я считаю, что этим нужно пользоваться. А он считает, что я не должна была так поступать. Что это и его ребенок тоже и мы должны были вместе подумать над решением. А что тут думать-то? – и, помолчав немного, спросила, – Чего молчишь?

– Признаться честно, – робко начал он, – Я не знаю, что тут сказать, кроме «Бывает». Твое тело – твое дело. Раз ты так решила, значит тебе так нужно.

– Надо же, какая тактичность и толерантность в наш век непрошенных советов, – она ехидно улыбнулась. – Ну или просто безразличие к чужим проблемам. По сути, ты мне никто и звать тебя никак. Просто мужик с улицы.

– Мужик с улицы, который удержал тебя от ночного купания в ледяной воде, – он улыбнулся очень искренней, какой-то детской улыбкой. – А раз я тебя спас, то немножко за

тебя в ответе. Как минимум, до утра. А звать меня Оле.

– Лукойе? – издевка в голосе появилась сама по себе.

– Угу, – он устало вздохнул. Видимо, шутка ему давно приелась.

– Извини. Я Оля. Ольга, то есть. Но лучше Оля. Оля и Оле. Забавное совпадение, – она улыбнулась уже без ехидства. – Приятно познакомиться.

– Взаимно. Хочешь кофе? – Оле протянул ей термокружку веселенькой расцветки.

Она глотнула и чуть не задохнулась. Кофе оказался при-
торно-сладким, с молоком и мерзким ванильным послевку-
сием. «Какой хозяин, такой и кофе» – мелькнула в голове ду-
рацкая мысль. Вытирая брызнувшие из глаз слезы, Оля вер-
нула термокружку.

– Не понравился? – с искренней заботой спросил Оле, – А хочешь отведу тебя в мой любимый бар? Тут недалеко. Сделают тебе идеальный кофе. Или чего покрепче, если попро-
сишь. Бармен там просто бог!

– А потом? – Оля обняла колени и уткнулась в них под-
бородком.

– Потом я вернусь к работе, а ты можешь оставаться там до утра. Или вызову тебе такси. Я бы тебя проводил, но до утра работаю. И так внеплановый перерыв себе устроил.

– Вот как. А я-то, наивная, решила, что это такой изящ-
ный способ подкатить к даме в беде. Уже представила, как буду разгуливать по кухне в твоей футболке, пока ты гото-

вишь нам завтрак. Глупо, да? Ты же, наверняка, не один живешь. У таких парней всегда кто-то есть. Так что придется ночевать в гостинице.

– Нет у меня никого, – вздохнул Оле. – Я совсем один.

– А семья, родные? – удивилась она. Ей очень не хотелось извиняться, если выяснится, что парень сирота или вдовец.

– Только брат. Да и с ним мы давно разъехались.

– Старший или младший? – оживилась Оля, ухватившись за безопасную на первый взгляд тему.

– Он утверждает, что старший, – Оле улыбнулся.

– Это как? – она недоверчиво приподняла бровь.

– Мы близнецы.

– Ничего себе! – ее глаза заблестели от восторга. – Всегда мечтала о сестре-близняшке! Это же так круто! Вторая ты, которая всегда поймет и поддержит. Можно смотреть на себя со стороны, заканчивать друг за другом фразы и дурачить окружающих, меняясь местами! – она покосилась на улыбающегося Оле и продолжила уже тише, – Что, все совсем не так, да?

– Ну не знаю насчет «всего» и «совсем», а мы довольно разные. Всегда были разными. Брат у меня угрюмый хмырь. Хотя с его работой это не удивительно. Мы и разъехались-то потому, что не сошлись характером. Я для него слишком шумный. И слишком общительный. А он не очень любит людей. Но я все равно его люблю. И он, я уверен, тоже меня любит. Просто не умеет это показывать.

Оле замолчал. Посидел, задумчиво глядя вдаль, глотнул кофе.

– Знаешь, ты права насчет аборта, – внезапно продолжил он. – Не нужно рожать больных детей. Их и так слишком много. Сейчас куда больше, чем в средневековье. Раньше такие просто не выживали, умирали совсем несмышлеными, еще не понимая, что такое горе. Но теперь их заставляют жить, вбивая в голову, что жизнь важнее всего. Даже если эта жизнь полна страданий. В том числе и для окружающих. – говоря это Оле весь скукожился, подтянул колени к груди, опустил голову, словно бы даже уменьшился. – И даже если они сами хотят все прекратить, им не дают. Потому что жизнь важнее всего. Каждую ночь на них смотрю и тоска берет.

– Ты врач? – решила Оля.

– Нет, – он покачал головой, – Но работаю с детьми.

– По ночам?

– Ага. Прихожу, рассказываю сказки и помогаю им уснуть.

– Прямо антианиматор какой-то! Настоящий Оле Лукойе! – рассмеялась Оля, – Даже не знала, что есть такая услуга. А к взрослым ты не ходишь? Я, конечно, понимаю, что все лучшее – детям. Но взрослым иногда тоже не помешает послушать добрую сказку на ночь. Мне бы точно не помешало. Хотя бы сегодня. Просто чтобы отвлечься и перестать считать себя убийцей.

– Ты кого-то убила? – глаза мужчины смешно округли-

лись.

– Моя мать считает, что у нерожденных детей тоже есть душа. А значит я совершила убийство. Поэтому я не иду ночевать к родителям, а шатаюсь ночью по улице.

– Нету у них души. Если бы была, я бы... А неважно. Просто поверь мне на слово. – он посмотрел на нее так, что ей и правда захотелось ему поверить. Просто потому, что он точно знает, о чем говорит. – Знаешь что, – Оле пошарил по карманам, вытащил связку разномастных брелоков и протянул ей. – Держи вот.

– Что это?

– Ключи от моей квартиры. Тут совсем близко, всего полквартила по освещенной улице. Все мои футболки в твоём распоряжении. Верхний ящик комода. Чистые полотенца в ванной, в холодильнике есть яйца и молоко. Ну или можешь заказать что-нибудь, здесь есть круглосуточные доставки. Я вернусь ближе к полудню. Если решишь уйти до моего возвращения, не обижусь. Просто оставь ключи под ковриком у входной двери.

– Ты серьезно? – Оля вытаращила на него глаза. – А если я какая-нибудь мошенница или воровка?

– А если я какой-нибудь маньяк? – ухмыльнулся он. – Мы живем в ужасном мире, где люди разучились доверять друг другу и привыкли видеть в окружающих опасность. Если обчищенная квартира будет моей платой за веру в человечество, я готов.

– Тогда говори адрес. – она взяла протянутые ключи. – И с тебя сказка. Обязательно добрая.

Глава 14

Декабрь. Наши дни.

«Не понимаю, почему мы должны таскаться по магазинам в поисках всякой ерунды, которую можно просто сотворить», – недовольно шипел Ян. – «Демиург мы или где?»

– Во-первых, я не считаю правильным лишний раз менять реальность, – ответила Яна. – Ей это вредно.

«Ну да. Как реки на пустом месте воплощать, так всегда пожалуйста», – буркнул Ян, – «А как наколдовать пару тарелок, так сразу вредно».

– А во-вторых, – спокойно продолжила Яна, неспешно прогуливаясь мимо стеллажа с посудой, – Я люблю ходить по магазинам.

«А кто в прошлый раз ныл, что ненавидит шопинг?»

– Я ненавижу покупать одежду, – она вертела в руках темно-красную тарелку с узором из еловых веток и золотых лент. – Все это бесконечное хождение среди вешалок с однообразными шмотками непонятно на кого сшитыми, отсутствие нужных размеров, поиск такого же, но с перламутровыми пуговицами, назойливые консультанты, кривые зеркала в примерочных, в которых выглядишь лучше, чем на самом деле. Сплошное разочарование! То ли дело дизайнер-

ские вещи. Спокойно выбрал что нравится, не отрывая задницу от стула, заказал по точным меркам, при необходимости попросил что-то изменить или подправить под тебя, спокойно забрал готовую вещь. Индивидуальный подход и никаких нервов.

«Нервы шалют только при виде цены за этот индивидуальный подход», – фыркнул Ян.

– Поэтому моя одежда занимает один шкаф, – улыбнулась Яна, – А твоя аж четыре.

«Это компенсация за два ящика украшений и косметики».

Яна и правда любила украшения. Тоже дизайнерские. Из бисера, кожи, полимерной глины, стеклянных бусин ручной работы, витражей и эпоксидной смолы. Да много из чего. Крупные, яркие, порой вычурные и жутковатые. Она могла часами бродить по онлайн-магазинам авторских аксессуаров и по ярмаркам хенд-мейда, скупая все, что понравилось. Больше побрякушек она любила только косметику. Особенно блестящие рассыпчатые тени всех цветов и оттенков в красивых баночках. С ее цветотипом любой макияж хорошо смотрелся: чем темнее и ярче, тем лучше. Но Яна редко красилась, предпочитая перебирать свои сокровища, словно старый дракон. Это была коллекция и главный ее смысл заключался в том, чтобы просто быть и пополняться.

А вот Ян был шмоточником. Рубашки, жилетки, галстуки, костюмы на все случаи жизни заполняли его ящики. И

обувь. Горы обуви! При желании, он мог бы стать амбассадором какого-нибудь модного бренда, мужским стилистом или податься в фотомодели. Иногда Яне казалось, что их вкусы перепутали местами, ведь принято считать, что это женщины обожают шмотки и прогулки по магазинам.

– Ладно, не бурчи, – примирительно рассмеялась Яна. – Не так уж много мне нужно купить. К тому же, я подумала, что заодно можно поискать подарки для всех к праздникам. Ребята будут рады.

«Ну да, прошли те благословенные времена, когда нам хватало подарка себе любимым. Теперь нужна целая гора», – пробубнил Ян. Похоже, он сегодня был недоволен самим фактом существования этого мира.

– Слушай, ты чего сегодня такой злобный? – спросила Яна, не выдержав словесной перепалки.

«Да просто бесит весь этот дух Рождества. Куда не сунься, везде атмосфера праздника и какого-то шаблонного счастья. Хуже только на день святого Валентина, ей богу! А что делать тем, у кого в жизни все не так радужно? Из дому не выходить?»

Так вот оно что. Яна грустно вздохнула. Для нее предстоящий праздник, а точнее, идущий рядом Йоль, был возможностью хоть немного побыть наедине с любимым мужчиной, а для Яна – очередным напоминанием об одиночестве и безответной любви. И чем сильнее Яна радовалась приближению Самой длинной ночи, тем сильнее он бесился. С каж-

дым днем им было все сложнее уживаться в одном теле.

– Я, конечно, все понимаю, – вздохнула Яна, – Но мог бы хоть иногда за меня порадоваться.

«Прости, но кажется весь альтруизм достался тебе. А я просто эгоистичный гад», – Ян усмехнулся и в этой усмешке отчетливо послышалась горечь. – «Не умею я радоваться чужому счастью, когда у самого на этом фронте полная задница».

– Зависть – грех. А ты попросту заиклился. Иногда для счастья нужно отпустить, а не пытаться удержать всеми возможными способами. Ты словно запер себя в душной комнате. Открой окна и впусти свежий воздух, иначе задохнешься.

«Мудрость тоже досталась тебе», – грустно рассмеялся Ян. – «Зато я неотразим и обладаю безупречным вкусом. И сейчас страдаю от созерцания всего этого зелено-красно-золотого безобразия. Давай уже быстрее».

Яна пожалала плечами: быстрее так быстрее. Все равно получить удовольствие от неспешного шопинга ей не дадут.

Оле они встретили, когда шли по центральному атриуму торгового центра мимо сверкающих праздничным дизайном витрин бутиков. Сказочник чуть ли не вприпрыжку шагнул им навстречу, увешанный разноцветными пакетами, как рождественская елка игрушками, и сиял белозубой улыбкой.

– Привет, Янчик! – заорал он через пол-атриума и замахал руками с пакетами. – Как круто, что я вас встретил! Компанией шопиться всегда веселее.

– Да мы, в общем-то, уже закончили, – улыбнулась Яна, обнимая тяжеленный пакет из магазина товаров для дома. – Как раз собирались перекусить и домой.

– Жалко, – погрустнел Оле. – Ну ладно, я и сам на самом деле тороплюсь. Выбрался ненадолго, пока моя девушка на работе. Прикинь, она не любит ходить по магазинам. Я думал, что таких не существует.

– Еще как существуют, – засмеялась Яна. – Я тоже не люблю шопинг. Стоп! Ты сказал твоя девушка? У тебя есть девушка?

– Ага, есть. А что тут такого?

– И кто же она, если не секрет? – Яне и правда было очень любопытно, когда это сказочник успел обзавестись подружкой и кто эта счастливица.

– Ну вообще-то человек, – смутился Оле. – Мы недавно познакомились.

«Ого! Сказочник завел роман с клиенткой», – ухмыльнулся Ян. – «Надеюсь, хотя бы с бывшей»?

– Ян, завидуй молча, – шутливо огрызнулась Яна и уже для Оле пояснила: – Тут Ян интересуется, барышня-то совершеннолетняя?

– Конечно! – льдисто-голубые глаза Оле засияли праведным гневом. – Оля уже давно выросла и совсем меня не помнит.

– Оля? – удивилась Яна. – Имя специально выбирал?

– Нет, случайно вышло. – с каждым словом Оле становил-

ся все краснее. – И вообще, давайте сменим тему пока я не начал дымиться от смущения.

– Как скажешь, – улыбнулась Яна и поправила пакет с покупками.

– Чего там у тебя такое тяжелое? – тут же оживился любопытный сказочник.

– В основном, свечи. Еще немного праздничного декора и посуда.

– Зачем тебе столько свечей? – Оле сунул нос в раскрытый пакет.

– Так ведь Самая Длинная Ночь скоро. Нужно украсить зал к празднику. И я подумала, что раз в нашем баре недостаточно широкие подоконники, чтобы на них сидеть, то можно поставить на них свечи. Рождественский Адвент, Ханукальная Минора, Йольское Полено. Чтобы никого не обидеть. И для всего нужны свечи. Ну а посуду купила домой. Там такие милые чашечки в вязанных чехольчиках. Они будут чудно смотреться на нашей кухне.

Оле похлопал глазами, почесал кончик носа ярко-салатовым ногтем, потом сказал:

– Я думал, вы ничего не покупаете, а творите своей божественной силой. Как Реку посреди Города.

– Далась вам эта Река! – зашипела Яна. – Всю жизнь мне ее припоминать будете?

Ян внутри громко заржал, Оле посмотрел испуганно и отрицательно помотал головой. Светлые пряди хлестнули его

по щекам.

– Конечно же, мы все покупаем, – вздохнула Яна. – Ну кроме, разве что, моих настоек. Тут по-разному бывает. И здание для бара тоже купили. Оно часть Города со своей сложной историей. Уж ты-то должен знать, ты же здесь давно живешь.

– Ага, помню, кажется, – Оле задумчиво посмотрел в потолок. – Там, вроде, была аптека лет двести тому назад. А потом аптекарь с семьей куда-то пропали, здание выставили на продажу, но покупать никто не хотел. Считали, что место проклято. Оно так и стояло заколоченное и полуразвалившееся.

– Вот мы его и купили. Для нашей идеи лучшего места было не найти. А вот деньги на покупку и ремонт создали, каюсь, – примирительно улыбнулась Яна.

– Отпускаю тебе грехи, дитя мое, – осклабился Оле. – Слушай, Янчик, раз уж я вас так удачно встретил, помоги мне с одной покупкой, а?

– С какой? – Яна заинтересовано приподняла бровь.

– Брат попросил купить ему футболок, – вздохнул Оле. – Я же не удержусь и куплю что-нибудь яркое. Или с дурацкими принтами. А он потом будет злиться.

Ну да, логично, в общем-то. Жнецу вряд ли захочется ходить по магазинам, а размер у них с братом одинаковый. Удобно, конечно.

– Вот так вот. Еще и не живем вместе, а вещи ему уже по-

купаю. Ладно, идем, – согласилась Яна и с лукавой улыбкой спросила: – А вы слышали про онлайн-магазины?

Оле отрицательно помотал головой, Ян внутри захлебывался смехом, витрины слепили праздничным великолепием, из динамиков торгового центра разносились рождественские песни, а в воздухе витал хвойно-мандариновый дух Рождества.

Глава 15

Декабрь. Наши дни.

– Будешь гулять зимой по ночам, простудишься и заболеешь! – он раскрыл большой черный зонт над головой мальчика лет восьми, одиноко сидевшего на скамейке под мелким снегопадом.

Мальчик был худенький, бледный и очень напоминал Кая, заточенного в чертогах Снежной королевы. Как минимум тем, что сидел на заснеженной лавочке в пижаме и комнатных тапочках на босу ногу и явно не страдал от холода.

– Какая р-р-р-азница? Я и так не жилец, – пожал костлявыми плечами мальчик. – Слышал, как вр-р-р-ачи шептались в кор-р-р-идоре.

Он смешно «рычал», словно раньше картавил, а теперь старался сильнее выделить непослушную букву. И смотрел на странного белобрысого дядьку с зонтиком совершенно взрослыми глазами без капельки страха.

– И поэтому никому нет дела до того, что ты гуляешь по ночам?

– Я сбежал. Они все такие унылые. Ходят тихо, гр-р-р-омко вздыхают. Все вр-р-р-емя спр-р-р-ашивают, не нужно ли чего, – мальчик нахмурился, – А я пр-р-р-осто хочу по-

читать книжку. И вообще надоело ждать. Пусть уж лучше р-р-р-раз и все.

Он оторвал взгляд от тонкого лица ребенка и увидел на его коленях толстую книжку в яркой обложке. Волшебные сказки.

– И ты совсем не боишься смерти? – спросил он.

– Нет. А чего тут бояться? Гр-р-р-устно, конечно, что мама и папа будут плакать. И сестр-р-р-енка, навер-р-р-ное, тоже будет. Хотя она еще маленькая и ничего не понимает. И пр-р-р-авильно. Дети не должны такое понимать. Жаль только, что я не успею ей почитать, – мальчик зябко поежился.

– Подержи-ка, – он вручил ему ручку зонта и мальчик крепко сжал ее обеими руками.

Зонт был тяжелый. И, если приглядеться, становилось ясно, что никакой не черный. А темно-синий, как ночное небо. И даже можно было различить пятна туманностей.

– Ух ты! – ахнул малыш, рассматривая сложный узор созвездий, пока он возился с застежками, снимал с себя кожаную куртку, набрасывал ее на хрупкие детские плечи и затягивал портупею с чехлом для зонта поверх водолазки.

– Кр-р-р-утая у тебя кур-р-р-тка! – мальчишка вернул ему зонт, просунул руки в рукава и принялся застегивать молнию. – Ты байкер-р-р, да?

Он кивнул в ответ.

– А где твой байк?

– Стоит за оградой.

– Я тоже хотел стать байкер-р-р-ом, когда выр-р-р-асту! – мальчик заглянул ему в лицо блестящими от восторга карими глазами. – Покатаешь меня?

– Покатаю, – вздохнул он и осторожно взял в свободную руку книгу. – Любишь сказки?

– Ага! А ты?

– Не очень. Брат любит. Знает тысячи сказок и может ночи напролет их рассказывать, – и про себя добавил: «Хрен заткнешь».

– Повезло тебе! – мальчик улыбнулся. – А мне вот никто не р-р-р-ассказывает сказки. Только по книжке читают. Ты совсем-совсем ни одной не знаешь?

– Ну, одну знаю, – он уселся рядом с мальчиком на покрытую снегом скамейку. – Брат говорит, что она самая лучшая.

– Р-р-р-асскажи! – и без того огромные карие глаза стали, казалось, еще больше.

Вот ведь дети бесстрашные пошли. Встретил ночью в парке незнакомого мужика сомнительной наружности и просит рассказать ему сказку. Интересно, он всегда такой был или только сейчас осмелел?

– Ладно, слушай. Жил-был на свете самый обычный мальчишка по имени...

Когда он закончил рассказывать, мальчик крепко спал, прижавшись к нему своим худеньким тельцем. Они сжались в комочек под зонтом, укрытым пышной шапкой свежего

снега. Книга сказок лежала рядом, на заснеженной скамейке. И с обложки на жнеца смотрел веселый человечек с ярким зонтиком в руках.

Он невольно улыбнулся, сложил зонт, убрал, словно меч, в чехол на спине и подхватил мальчика на руки. Тот сонно что-то пробормотал и обвил его тонкими руками за шею.

– Зачем ты это сделал? – в тишине зимней ночи раздался шепот, а потом громкий всхлип. – Ты же мог остановиться. Мог поругать его и отправить в палату! Мог просто пройти мимо и не заметить. Никто бы не узнал. А я бы сделал все остальное. Его бы разбудили, кто-нибудь бы обязательно пришел и разбудил его! Зачем ты забрал его? У него еще был шанс, я уверен!

– Затем, что должен. Таковы правила. И ты их прекрасно знаешь. Я не имею права вмешиваться в ход истории. Не имею права спасать кого-то, даже если он мне очень симпатичен, – тихо ответил он своей копии, с грозным видом застывшей посреди засыпанной снегом дорожки, – Не реви, Оле! Тебя еще куча детишек ждет сегодня. Или хочешь, чтобы твой красный нос снился им в кошмарах?

Брат-близнец сверлил его мокрыми от слез льдисто-голубыми глазами. Молодой мужчина скандинавской внешности с очень светлыми, почти белыми волосами, совсем не похожий на привычное изображение в книгах и мультфильмах. Сейчас они были похожи, как никогда. Разве что одежда разная. В этот раз Оле озарял ночь буйством красок ярко-оран-

жевой куртки, синего шарфа, зеленых джинсов и желтых ботинок. Да и радужный зонт был при нем. Но лицо, обычно сияющее улыбкой неисправимого оптимиста, было холодным и мрачным. Его лицом. Лицом того, кого называют Смертью.

– И вообще, за столько лет работы мог бы и привыкнуть, что такое случается, – стараясь сохранить видимое безразличие, он обогнул близнеца и направился к белевшему в темноте байку.

– А ты привык?

Он сбился с шага, но не обернулся. Не привык. И никогда не привыкнет. «Дети не должны такое понимать» прозвучал в голове голос восьмилетнего мальчика, которому он только что рассказал последнюю сказку.

– Тод, присмотри за ним, ладно? – Оле шмыгнул носом у него за спиной. – Он хороший мальчик.

«Был хорошим мальчиком» мысленно поправил он брата и молча кивнул.

Глава 16

Декабрь. Наши дни.

Яна тихо напевала Jingle Bells. А что поделать, если эта песня звучала из каждого утюга и привязывалась намертво? Она достала из духовки оранжевые кружочки сушеных апельсинов, переложила их в большую стеклянную банку и добавила палочки корицы и несколько кофейных зерен для запаха. Потом их можно будет добавлять в коктейли или просто закусывать ими черный кофе, как делает один на редкость наглый голубоглазый тип.

Из соседней духовки уже разносился сладко-сливочный аромат свежей выпечки с нотками ванили и шоколада. Это пеклись круассаны для самых ранних посетителей. Тех, которые приходят к открытию, успевают застать волшебный миг превращения бара в кофейню и еще могут получить по-настоящему пьянящий кофе от бармена.

На улице потихоньку светало. Бесформенные скопления разноцветных огоньков принимали очертания любимого Города с расписными стенами домов, занесенными снегом черепичными крышами и брусчаткой мостовых, посыпанных белым морским песком.

Румяная, словно от выпитого вина, дневная бариста На-

дя распахнула дверь, принеся с собой обжигающий морозный воздух, звуки пробуждающегося Города и опьяняющий хвойный аромат. В ее руках была охапка припорошенных ажурными снежинками еловых ветвей, купленных на только что открывшемся елочном базаре, а на меховом воротнике куртки серебрился иней.

– И зачем тебе понадобились елки? – стуча зубами от холода, с порога спросила она Яну. – Да еще и со снегом.

– Узнаешь в Самую Длинную Ночь. – совсем по-кошачьи мурлыкнула Яна. – Если, конечно, не проспичь.

Надя ей нравилась. Эта девочка вписалась в их разношерстную компанию, словно была в ней всю жизнь. И уже успела нахвататься всякого интересного. Еще немного, и начнет полноценно чудить. А ведь когда Ян, игнорируя любые протесты, пригласил Надю на работу, Яна считала, что ничего хорошего из этого не выйдет. Что делать человеку в их потусторонней компашке? Теперь Яна уже не была так уверена в ошибочности принятого Яном решения. Как и в том, что Надя – человек. Иногда ей хотелось познакомить их с Тодом, чтобы получить однозначный ответ, но решимости пока не хватало. Возможно, в Самую длинную ночь она его спросит. Если, конечно, он сумеет выкроить время в рабочем графике. Было бы здорово.

С мечтательной улыбкой Яна забрала одуряюще пахнущие колючие лапы и прямо со снегом опустила их в бурлящий на огне медный котелок с отваром из ягод и специй. Зал

наполнился клубами мятно-елового пара. Дышать стало легко и приятно. Надя удивленно принюхалась, выбираясь из теплой зимней куртки. Наверное, в ее глазах Яна сейчас напоминала ведьму из сказок. Она и сама себе ее напоминала. А может она и была ведьмой? В изначальном значении этого слова, конечно. Интересно, что будет, если дать Наде понять, что ее подозрения отчасти обоснованы и она действительно вляпалась в чудо по самые уши?

Облако пара медленно осело на пол молочно-зеленым туманом, обвилось вокруг ног Нади, как живое, растеклось по всем щелям, из-под двери просочилось на улицу. Надя смотрела то на него, то на Яну и в глазах ее читались восторг и удивление. Яна прижала палец к губам и подмигнула девушке. Такое вот маленькое волшебство.

В котелке забурлила темно-зеленая прозрачная жижа, похожая на мятный сироп с отчетливым запахом хвои. К Йолю настойка будет готова, останется только добавить крепкого рома и черного чая, нарезать апельсины и подогреть праздничный пунш на открытом огне. А пока что можно было наслаждаться ароматом и предвкушением праздника.

Глава 17

Декабрь. Наши дни.

Надя наряжала елку. Не успела она войти в зал за полчаса до начала своей смены, как Ян выдал ей картонную коробку и отправил в угол. К высоченной, под самый потолок, пушистой живой ели.

– Ничего себе! – глаза девушки засияли от восторга. – Я такие красивые елки только в кино видела! Где вы такую взяли?

Ян многозначительно улыбнулся и вскрыл коробку с игрушками. Надя тут же зарылась в ее содержимое. По одному доставала старинные стеклянные шары, резные хрустальные сосульки и снежинки, миниатюрные свечи на подставочках. Правда, электрические, на батарейках, что ее слегка разочаровало. Рассматривала все это, как драгоценные музейные экспонаты и осторожно вешала на зеленые колкие ветки.

– Ух ты! Вот это красота! – она крутила в руках старую венецианскую маску Коломбины. Блестки на ней кое-где осыпались, но красно-синие ромбики были по-прежнему яркими. И даже ленточки-завязочки уцелели. – Можно надеть?

– Конечно. – широко улыбнулся Ян. – Если нравится, хоть все время носи.

Издав восторженный вопль, она надела маску и побежала к ближайшему зеркалу, полюбоваться результатом.

– У меня в детстве такая была. Правда дешевая, из картона. – призналась Надя и застенчиво покраснела. – А ты кем наряжался в детстве на новогодние утренники?

Ян задумчиво замычал. Как объяснить этой девчонке, что он появился на свет в те времена, когда еще и праздника такого не придумали, ни то что современных традиций? Да и ребенком никогда не был.

– На моей родине не принято устраивать маскарад для детей на Новый год, – сказал он. – Для этого есть другие праздники.

Звон дверного колокольчика спас его от продолжения опасной беседы. Отряхивая с капюшона снег, в бар вошла Анжела. Усталая после смены и замерзшая.

– Доброе утро! – не сняв маску, бросилась ей навстречу Надя. – Что приготовить для вас?

– Я сам, – Ян уверенно направился к стойке. – Развлекайся пока.

Надя проводила его удивленным и немного ревнивым взглядом. Даже под маской было заметно.

– Кофе или чего покрепче? – Ян приветливо улыбнулся слегка ошарашенной Анжеле.

– Давай кофе. Просто, чтобы домой доползти.

Он поставил перед ней большую чашку капучино, стараясь скрыть идиотскую улыбку и дрожь пальцев.

– Знаешь, – вздохнула она, отпивая кофе. На ее губах белела пенка и Ян невольно облизнул внезапно пересохшие губы. – Я сегодня опять его видела. Того парня. В больничном гардеробе. Он так спешил, что даже перчатку из кармана выронил и не заметил. Я подобрала, хотела вернуть, но он словно испарился.

– Значит пора отправиться на поиски, – он с трудом натянул на лицо маску дружеской поддержки, чтобы не показывать реальных чувств. Где-то в глубине души ему хотелось собственными руками придушить загадочного соперника.

– У принца была туфелька, у тебя – перчатка. Шансы примерно одинаковые. Вот только что-то зачастил твой избранник в больничку. Хворый, поди. Оно тебе надо?

Секунду они серьезно смотрели друг другу в глаза, а потом начали дружно ржать.

Надя наблюдала эту сцену, застыв с золотистым шаром в руках. И из-под яркой маски Коломбины по ее щеке сбегала одинокая слезинка. Ян сделал вид, что ничего не замечает, но сердце неприятно сжалось. Кажется, он сотворил очередную глупость, а Яна, как всегда, была права.

Глава 18

Декабрь. Наши дни.

– Просто пригласи ее на свидание! – Яна почти шипела, стараясь не закричать. – Не видишь, как она по тебе сохнет? Своди на рождественскую ярмарку, напои нормальным человеческим глинтвейном, угости трдельником, шакотисом или другим каким кренделем. Можешь даже выиграть для нее мягкую игрушку в какой-нибудь ярмарочной забаве. Девушки это любят.

– Ну допустим, – Ян задумчиво наморщил лоб. – А дальше мне что с ней делать?

– Придумай что-нибудь. У вас в запасе самая длинная ночь в году.

– Нет, я про то, что мне делать с ней потом? Как ей все объяснить?

– Видишь вон ту сладкую парочку? – Яна кивнула на сидящих у окна русого кудрявого парнишку и девушку с длинными черными волосами. – Девушка – шелки. Они дружат с детства и она больше всего на свете боится сказать ему правду. Боится, что он не поймет и не примет ее природу. И всю правду об этом мире тоже не примет. А он не понимает, почему его любимая вдруг стала отдаляться. Вот у кого реаль-

ная проблема. А ты не можешь подарить немного счастья девушке, которая чудит не хуже нас с тобой. Или ты со своей несчастной любовью вообще ничего вокруг не замечаешь?

Ян нервно дернул щекой. Он так надеялся, что Анжела придет и он, наконец-то, решится ей признаться. И будь что будет. Но у нее сегодня смена. И он один на всю ночь. С другой стороны, смертоносный приятель Яны сегодня тоже работал. Так что они были в равных условиях. Скучать им вдвоем за стойкой до самого рассвета.

Но Яна вдруг набросилась на него, требуя сводить на свидание Надю. Та тем временем сидела за дальним столиком с кружкой йольского пунша и явно не понимала, почему ей вдруг так хорошо, легко и спокойно, словно... А вот это «словно» у каждого было свое. Кто-то вспомнил родной дом и родителей, кто-то – любимого человека или самый лучший в жизни отпуск. Неизменным было лишь ощущение полного и всеобъемлющего счастья. Так действовало это ведьмино варево на всех без разбора. В эту ночь все будут счастливы. И они тоже.

– Ладно, уговорила! – Ян взял пальто и пошел к столику Нади.

Яна смотрела, как Ян болтает с Надей, как светятся от счастья глаза девушки, как она вскакивает и тащит его к выхо-

ду, словно боится, что он передумает. На столике осталась почти полная кружка пунша, который Надя тоже помогала готовить. Хоть и невольно.

– Ну что ж, – сама себе улыбнулась Яна, забирая кружку. – Сегодня я за главную. Надеюсь, гости будут приходить всю ночь.

Яна вплела в волосы крохотные колокольчики и они мелодично звенели в такт ее движениям. Десятки свечей наполнили зал уютным трепетным светом и запахом теплого воска. Отличное дополнение к аромату свежей хвои и сушеных апельсинов. И еще кофе. От него никуда не денешься – он впитался в эти стены намертво. А кофе нужно помолоть. Она зашла за стойку и насыпала в древнюю ручную кофемолку горсть ароматных зерен. Особо крепкий сорт. Его любимый.

И словно чуя манящий запах, он пришел. Принес с собой морозный ветер и колючие снежинки. Коротко кивал знакомым пока пробирался к стойке между занятыми столиками. И молча уселся на высокий барный табурет, расстегивая мотокуртку. От него пахло холодом и самую капельку вечностью.

– Ты же сегодня работаешь? – с напускным безразличием Яна продолжала крутить ручку кофемолки.

– Был недалеко, решил заехать на часок, отдохнуть. Зимой тяжело работать, – он потер бледными пальцами усталые льдисто-голубые глаза. – Посижу тут тихонько. Сваришь кофе?

– Сиди хоть до утра, – Яна улыбнулась и высыпала кофейную пыль в медную джезву. Добавила корицу и перец чили.

За окнами струилась синим туманом Самая Длинная Ночь. В полумраке зала мигали огоньки свечей. Девушка-шелки шептала любимому свою Страшную Тайну, а он в ответ поцеловал ее в кончик носа и прижался лбом ко лбу. Где-то веселились на рождественской ярмарке ее второе Я и главная Надежда этого Города.

Яна перелила кофе в маленькую чашку и поставила перед своим долгожданным неожиданным гостем. Он потрогал пальцем один из колокольчиков в ее волосах и почти улыбнулся. В эту ночь все будут счастливы. И они тоже.

Глава 19

Декабрь. Наши дни.

Надя шла домой, чувствуя себя немножко Золушкой. Только у той карета превращалась в тыкву в полночь, а у Нади в восемь вечера. В том смысле, что в восемь вечера она превращалась из хозяйки Сказочного королевства в обычную девушку, бредущую домой с работы. А кофейня превращалась в бар. И на дежурство заступал Ян. Тот самый бармен, который два месяца назад пригласил ее на работу. Или Яна, его напарница и, судя по внешнему сходству, младшая сестра.

Надя так и не разобралась в их графике работы. Они сменяли друг друга без какой-либо внятной последовательности, как придется. И всегда были в курсе того, что происходило в их отсутствие. Временами Наде даже казалось, что это один человек, время от времени от скуки меняющий пол. Глупо, конечно, зато загадочно и необычно. Как и все, что творилось в стенах их бара-кофейни.

С тех пор, как Надя феерично свалилась с самоката у дверей неприметного бара и приняла предложение поработать в нем дневной баристой, за ней повсюду ходили чудеса. Город, словно извиняясь за плохое первое впечатление,

постоянно подкидывал ей новую порцию дивных открытий. Возвращаясь домой привычным маршрутом, Надя то и дело забредала в какие-то удивительно уютные дворики, натыкалась на впечатляющее уличное искусство и кафе с невероятно вкусной едой. И каждый раз удивлялась, что в этом городке, оказывается, бывает такая красота. И как она раньше ее не замечала? А сам город будто решил с ней поболтать, отвечая на ее вопросы то голосами случайных прохожих, то рекламными баннерами, то надписями на стенах, то фразами песен, несущихся из открытых окон. Словно существовал исключительно для нее. Словно Надя была главной героиней какой-то пока непонятной, но очень увлекательной игры. И она с удовольствием приняла эту роль. И стала искать чудеса во всем. Даже в посетителях кофейни. Поначалу они очень удивлялись, что их любимый бар теперь работает и днем в формате кофейни. Но быстро привыкли. А Надя привыкла чувствовать себя хозяйкой сказочного королевства. Этаким хранителем страшной тайны, которую знают лишь немногие посвященные. Она и сама изменилась под стать рабочему месту. Покрасила волосы в несколько оттенков фиолетового и собирала их в смешные пучки-рожки на макушке, накупила яркой подводки для глаз и футболок с забавными принтами на тему кофе и завела привычку носить розовые очки. Словно боялась, что если она будет выглядеть обычно, то сказка закончится. Как-то она призналась в этом Яну. Тот ничего не ответил, лишь хитро, как-то по-кошачьи,

улыбнулся и продолжил расставлять бутылки на полках.

Ян был волшебником, который притворялся барменом. Надя могла часами наблюдать, как он колдует за стойкой. Иногда она даже оставалась в баре после смены, чтобы посмотреть, как он смешивает коктейли для посетителей. И тогда ей казалось, что в бутылках над барной стойкой не банальный алкоголь, а компоненты магический зелий. И сам он настоящий средневековый алхимик. Милая фантазия безответно влюбленной девушки. А втюрилась она в него по уши. В ловкие смуглые руки, в хитрые зеленые глаза и волнистые черные волосы, обычно собранные в низкий небрежный хвост. В ощущение огня и жаркой южной ночи. Рядом с ним было тепло даже в самые холодные и мерзкие дни, когда с Моря дул пронзительный ветер, а по стеклам барабанил мелкий дождь. Вот только Яну было на нее плевать. Нет, он, конечно, был с ней вежлив и дружелюбен. Но это было совсем не то, чего ей бы хотелось. Даже когда он пригласил ее погулять на рождественскую ярмарку, между ними словно стояла стена. Ян позволил взять его под руку, чтобы Надя не поскользнулась, но не более. За ночь они так и не поцеловались, на что она, конечно же, надеялась.

От обиды на глаза навернулись слезы. И сквозь пелену горячей влаги украсившие город огоньки гирлянд казались сотнями парящих в воздухе светлячков. Светлячки посреди заснеженного города. Чудеса да и только. Надя даже не стала вытирать глаза, чтобы хоть на миг продлить эту сказку.

Кажется, у японцев принято рассказывать светлячкам свои желания. Или она что-то путает. Но даже если и путает, пусть это будет ее собственная традиция. Только ее секретная техника ниндзя.

Надя зажмурилась, сложила ладони, словно для молитвы, и взволнованно зашептала: «Пожалуйста-пожалуйста, пусть он меня полюбит! Пусть хоть раз посмотрит на меня так же, как я смотрю на него! Я буду хорошей девочкой. Обещаю!»

Что-то щекотное опустилось ей на палец. Надя открыла глаза и удивленно уставилась на крошечную желтую искру. Светлячок расправил крылья и взметнулся в ночное небо. А она стояла посреди заснеженной улицы, глядя как сотни желтых огоньков растворяются в черноте зимней ночи.

Глава 20

Январь. Наши дни.

Утро первого января пахнет порохом. Всегда. Все, что осталось от сотен хлопушек, петард и фейерверков. Неотъемлемая часть праздника, чтоб его. Хорошо бы, порох всегда использовали только для таких целей. Фейерверки выглядят куда приятнее, чем дырки от пуль. Увы, люди ценят красоту меньше, чем способы эффективного истребления друг друга. И едкий запах вызывает совсем другие воспоминания.

Он выбросил окурок, захлопнул шлем и выжал газ до упора. Пустой город казался вымершим. Ни людей, ни машин. Жители отсыпаются после бурной праздничной ночи. И далеко не все проснуться. Кто-то обожрался до углеводной комы, кто-то упился до потери сознания и задохнулся во сне, кто-то замерз до смерти на улице, так и не добравшись до дома. И это не считая пьяных драк и жертв несчастных случаев. Но эти – не его забота. Он забирает только умерших во сне и не приходя в сознание. От старости, от болезни, от удушья, от конской дозы снотворного, на операционном столе или в реанимации, от голода. И работы у него всегда выше крыши. А тут еще этот дурацкий праздник.

День подбирался к полудню, когда он свернул на непри-

метную тихую улицу и с трудом сдержал злобный рык. Мечты о чашечке кофе и приятной компании рассыпались подобно конфетти. У входа в любимый бар, перегородив собой почти всю улицу, зловеще алел вусмерть тюнингованный «Хаммер». А на капоте живописно расположился рыжий парень в военной форме и темных очках-авиаторах, с сигарой в зубах и здоровенным револьвером в набедренной кобуре. Этаким диктатор банановой республики.

– Только этих и не хватало для полного счастья, – тихо пробурчал Тод, паркуясь и снимая шлем. – Как будто мало было одной чокнутой. Теперь явилась и вторая. И этого психа с собой приволокла. Куда ж без него?

– Судя по взгляду, ты нам не рад, – рыжий выпустил струю вонючего сигарного дыма. – Я так и думал.

– Здесь, вообще-то, пешеходная улица.

– Тебе же это не мешает. Или смертные принимают твою клячу за велосипед? Столько лет прошло, а ты все играешь в Бледного всадника. И когда уже начнешь думать о комфорте? Не своем, так своих пассажиров.

– Считаю меня ретроградом. – он любовно похлопал мотоцикл по матово-серому баку. – Лучше ответь, какого хрена вы тут забыли? Зачем приперлись?

– Фи, как грубо! – рыжий спрыгнул с насеста, подошел вплотную и с вызовом взглянул Тоду в лицо. Насколько это было возможно при взгляде снизу вверх. Он был ниже почти на две головы. – Где хотим, там и тусим. Ни перед тобой же

отчитываться. Мы с тобой на одном уровне.

– Вот тут бы я поспорил, – он неспешно достал сигареты и закурил. – Я на одном уровне с ней, – короткий кивок в сторону машины, – а не с тобой. Кстати, где твоя... хмм... госпожа? Решила кофейку попить, а тебя оставила караулить тачку? Похоже, она тоже не считает тебя равным. Как и раньше.

Рыжий кипел от ярости. Конопатое лицо покрылось красными пятнами, кулаки сжались. Он сорвал темные очки, явив собеседнику ярко-голубые глаза с черными точками зрачков и очень стильный шрам через правую бровь. Казалось, еще секунда и он пустит кулаки в ход.

– А ты, как и раньше, не умеешь выбрать правильную сторону. – процедил он сквозь зубы, – Все время забываешь, где и с кем твое место. И что ты нашел в этих смертных? Урод дефективный!

– Мальчики, не ссорьтесь! Мы же одна семья.

Роскошная женщина в алом брючном костюме и наброшенной на плечи черной шубке выплыла из дверей бара, мерно цокая каблуками. Она, как и ее спутник, была рыжей. Но если волосы низкорослого диктатора походили на дикий огонь, то ее строгую гладкую прическу будто бы залили кровью. Для полноты образа не хватало разве что армейской фуражки и плетки в руках. Она лениво тянула гласные, создавая иллюзию спокойствия и расслабленности.

– Привет, братишка. Скучал по мне? – женщина небрежно

отодвинула рыжего, кокетливо заглянула в глаза.

В ее по-кошачьи желтых глазах плясало пламя. Пламя Войны. Еще одна из всадников и ее личный Жнец решили наведаться в его тихую гавань. Зачем?

– Вам здесь что, медом намазано? – он невольно отодвинулся. – В прошлом году мелкая зараза явилась, теперь ты. Решили устроить семейный слет? Не хватает только четвертого.

– Малышка Чума приходила? – Война изобразила удивление. – Как жаль, что мы разминулись. Могли бы отлично провести время вместе.

– Спасибо, не надо. Да и вам уже пора. Надеюсь, в баре ты никого мимоходом не убила?

– Экий ты неприветливый. – она достала из золотого портсигара тонкую сигариллу и рыжий тут же возник рядом с зажигалкой. – Они определенно на тебя плохо влияют. Этот божок на редкость неприятный тип, скажу я. И ужасно заносчивый. Ну ничего, и на него управа найдется. Но задерживаться здесь мне совершенно не хочется. Мне здесь явно не рады.

– Не удивлен. Даже не знаю, есть ли такое место, где кому-то из нас будут рады.

– Ты удивишься, узнав, как много в мире таких мест, – она направилась к машине, рыжий жнец открыл пассажирскую дверь, а сам уселся за руль. – Не скучай, братишка, еще увидимся. Я всегда рядом.

Красный монстр скрылся из виду. Тот, кого называют Смертью, докурил сигарету, глядя вслед непрошенным гостям. Интересно, что такого сказал ей Янус? Эту роковую красотку не так-то просто убедить уйти.

– Если все твои коллеги такие, – с порога огорошил его Ян, – то я понимаю, почему они считают тебя ущербным. У этого парня взгляд маньяка.

– И не только взгляд. Он настоящий фанат своего дела. Придумал большую часть орудий для эффективного умерщвления живой силы противника. Будь у нас план, он бы с удовольствием его перевыполнял. Конченный псих.

– Эт уж точно. Ворвался, наорал, принялся чего-то требовать. Дамочка на его фоне просто сама любезность. Хотя и совершенно не в моем вкусе. Кофе или чего покрепче? Видок у тебя тот еще, скажу я.

– Знаешь, а давай чего покрепче. – он достал из кармана ключи от байка и положил на стойку перед Янусом. – Только это у меня заberi. Знаю я твои зелья: потом в башке туман и тянет на подвиги. А я пока не готов свернуть себе шею по глупости.

– Понимаю. Должен же в вашей семье быть хоть кто-то здравомыслящий. Да и Яна не обрадуется, если ты из-за меня покалечишься. Кстати, всегда было интересно: а жнеца вообще можно убить простыми человеческими способами?

– Не знаю, не проверял. И как-то не тянет, – пожал он

плечами. – Если пораниться, кровь идет и шрамы остаются. Ну и боль я вполне себе чувствую. От серьезных травм создатели пока миловали. А ты с какой целью интересуешься?

– Хочу знать, как от тебя избавиться, если Яне с тобой будет плохо, – без тени улыбки ответил Ян и через пару секунд молчания продолжил: – Шучу. Просто интересно, что будет, если при следующей встрече с твоим коллегой я захочу пырнуть его ножом или разбить о голову бутылку.

– Кстати об этом, – он принял из рук Яна горящий шот с многослойным коктейлем, проглотил залпом и поморщился от льющегося в глотку жидкого огня. – Что ты сказал Войне?

– Ну, знаешь... – Ян многозначительно прищурил глаза.

– Доброе утро! Или уже день? – в дверях стояла Надя, девушка с недавнего времени рулившая заведением днем. Тод слышал про нее от Оле, но личной встречи избегал. Теперь понимал, что зря. – С Новым годом!

– Привет! Ты вовремя! – Ян тут же сменил тему разговора. – Я как раз снял кассу, так что принимай пост.

– Ок! Только переоденусь!

Девушка скрылась в подсобке. Ян проводил ее взглядом и сделал вид, что напрочь забыл о разговоре. Тод решил не настаивать.

– Извини, – потупился Ян, – Не думал, что ты заедешь так поздно. Она и так пришла позже обычного.

Он небрежно махнул рукой, достал сигареты и дождался, когда Ян выдаст ему пепельницу.

– Можешь не извиняться. Лучше, расскажи, где ты это чудо раздобыл? Не думал, что в нашем Городе такое водится.

– Ты это про Надю? – удивление Яна было искренним. – Случайно на улице встретил. Смешная вышла история, конечно. А что с ней не так? Девушка как девушка.

– Только не говори мне, – он уставился на всеведущего демиурга с легким недоумением, – что считаешь ее человеком. Не поверю. От нее же Городом за версту несет. И магией.

– А я-то все думал, чего меня к ней так потянуло и захотелось держать поближе! Прямо родственную душу обрел. И Яна тоже ничего не поняла. Похоже, – Ян задумчиво сверлил взглядом дверь подсобки, – мы не столь мудры, как ты думаешь.

Глава 21

Январь. Наши дни.

– Проходи, не стесняйся! – Оле придержал дверь, чтобы выпустить в зал симпатичную, но самую обыкновенную человеческую девушку. – Здесь никто не кусается. Ну, как правило.

Яна с интересом посмотрела на гостей, взглядом проводила их до столика и стала ждать. Устроив барышню за столом, Оле подошел к стойке. Сегодня он был на удивление спокойным. Видимо, хотел солиднее выглядеть в глазах своей девушки.

– Привет! – он перегнулся через стойку с видом заговорщика. – Я сегодня не один. Помнишь, я рассказывал про Ольгу? Так вот, это она. Ничего, что я ее привел? Ее же можно поить вашим кофе?

– В такое время нашим кофе вообще никого поить нельзя, – улыбнулась Яна. – Разве что вы планируете не спать всю ночь.

– Я-то планирую, – вздохнул Оле. – Щас Ольку домой провожу и сразу на работу. Мы просто мимо проходили и я не удержался. Так хотел ее вам показать. И вас ей тоже.

– Может тогда коктейльчик? Я, конечно, не Ян, но тоже

кое-чего умею. И даже без побочных эффектов, – подмигнула Яна.

– Не, давай кофе. Мне как обычно, а она просит какой-то лавандовый раф. Ты хоть знаешь, что это за зверь такой?

– Знаю, – улыбнулась Яна. – Вкусы у барышни, конечно, изысканные, а взгляд ревнивый. Ты иди, я принесу, как сделаю.

Оле возвратился к столу. Яна колдовала у кофе-машины, одним глазом наблюдая за сладкой парочкой. Похоже, Оле и правда был влюблен по уши. Да и девушка отвечала ему взаимностью. Яна чуяла такие вещи, как выражается Тод, за версту. Вот только чем хорошим могут кончиться отношения вечного потустороннего создания и человека? Да ничем!

«Зачем же сразу так драматизировать»? – ухмыльнулся Ян. – «Может у них все будет великолепно ближайшие пару месяцев. А потом они так же весело и непринужденно разбегутся. Это же Оле, думаешь его страсти хватит надолго? Сколько романов у него было за годы нашего знакомства?»

– В таком случае мне жаль эту девочку, – еле слышно шепелила губами Яна. – Она его правда любит. Это именно любовь, а не влюбленность. Уж не знаю, чем он ее зацепил, но зацепил глубоко. И я не про ту глубину, о которой ты подумал, извращенец!

Яна почувствовала, что покраснела и что Ян мысленно ржал в голосину. От его смеха внутри было щекотно и тоже хотелось смеяться. И придушить его тоже хотелось. Чтобы

не портил красоту момента своими тупыми шутками. Она доделала кофе и понесла к столику. Термокружку для Оле и красивую темно-красную чашку для Оли.

– Привет! – Яна поставила кофе на стол. – Ты Ольга, да? Оле о тебе много рассказывал. Зови меня Яна, приятно познакомиться!

– Взаимно, – робко ответила Ольга, цепким взглядом осматривая Яну с ног до головы. Похоже, сравнивала внешние данные.

– Да не переживай ты, – рассмеялся Оле. – Янчик с моим братом встречается, так что к ней я точно не убегу.

– И снова загадочный брат, – вздохнула Ольга. – Познакомь нас уже, а то даже как-то неприлично.

– Познакомлю обязательно. Может даже сегодня. Обычно он как раз примерно в это время сюда заглядывает.

– Просто проходили мимо, да? – Яна сверлила Оле строгим взглядом и он виновато опустил глаза.

Неудивительно, что Тод не хотел знакомиться со смертной девушкой брата. Оле ведь с него не слезет, пока жнец не расскажет, когда и как она умрет. А потом попытается предотвратить ее смерть, чем косвенно нарушит правила и подведет близнеца под статью. И ведь знает, паразит, об этом, а все равно делает. Теперь уже Яне хотелось придумать его.

– Мы правда просто шли по улице, – вступилась за Оле ничего не понимающая Ольга. – Были на квартирнике в паре

кварталов отсюда, а так до дома ближе всего.

Яна только сейчас заметила стоящий на свободном стуле чехол с гитарой. Судя по цветным нашивкам и значкам, принадлежал он сказочнику.

– Твоя? – спросила Яна и Оле кивнул в ответ. – Не знала, что ты умеешь играть.

– Да как-то случая не было рассказать, – пожал плечами Оле.

– Сыграешь? – примирительно улыбнулась Яна. – В качестве платы за кофе.

Оле с улыбкой кивнул, расчехлил гитару и взял пару пробных аккордов. Размял пальцы, сделал большой глоток кофе и начал петь. Какая-то популярная рок-баллада на английском. Яна много раз слышала ее по радио. Но плевать, в общем-то, на песню – главное голос. Сейчас он звучал так же, как у брата. Словно перестав кривляться Оле позволил себе быть похожим на близнеца. По-настоящему похожим. До мурашек. Песня разносилась в пустом зале, Ольга смотрела на певца влюбленными глазами, а Яна пыталась унять дрожь пальцев.

– Красиво, – просипела Яна, когда Оле допел, и совладав с голосом спросила: – Брат тоже играет?

– Не, – Оле хитро улыбнулся, поглаживая струны. – Он для этого слишком асоциальная личность.

Асоциальная личность напомнила о себе ревом движка за окном. Оле нервно дернул рукой и одна из струн с укориз-

ненным звоном лопнула, уколов ему палец.

– Вспомнишь солнце, – пробубнил сказочник, по-детски сунув палец в рот. – Вот и лучик. Я ж говорил, сегодня познакомитесь.

Яна с волнением посмотрела на дверь, стараясь предугадать реакцию жнеца и понять, что нужно делать в такой ситуации. Он вошел, привычным жестом стянул шлем, не обнаружив никого за стойкой окинул зал холодным взглядом и замер, встретившись глазами с братом. Оле приветливо помахал ему окровавленной рукой и улыбнулся во все тридцать два. Яна видела, как свободная рука жнеца сжимается в кулак, как он обреченно вздыхает и направляется к ним. Он старался не смотреть на девушку, переводя взгляд с брата на Яну и обратно. Яна изобразила на лице сочувствие и ушла за стойку варить кофе. Как бы близки они не были с Тодом, а лезть в семейные разборки братьев ей не стоило.

– Знакомьтесь, – раздался у нее за спиной голос Оле. – Это Оля, а это Тод, мой брат-близнец, как можно догадаться.

– Ты же видишь, да? – Яна поставила перед жнецом чашку с кофе и пепельницу. Ей не нужно было уточнять, что именно она имела ввиду. Он прекрасно понимал о чем речь и утвердительно кивнул. – И не расскажешь?

– Не расскажу, – он закурил, сделал маленький глоток кофе. – Не имею права.

Он сидел за стойкой на высоком барном табурете, его лю-

бимом. Оле и Оля ушли, наскоро допив свой кофе. Оле даже не попросил добавки на дорожку, сказал, что зайдет попозже. Вид у него при этом был обиженный на весь мир. Ольга, похоже, так и не поняла, что именно произошло и почему тот самый брат, о котором Оле ей все уши прожужжал, оказался таким неприветливым. Зато вышеозначенный брат после их ухода вздохнул свободно и перестал прожигать взглядом дырки в столе. Перебрался за стойку и попросил кофе.

– А ты правда не умеешь играть на гитаре? – меняя тему разговора, как бы мимоходом спросила Яна. Где-то в глубине души ей хотелось верить, что Оле соврал.

– Правда.

– И ни на чем другом не умеешь?

– Ну разве что на нервах, – криво ухмыльнулся он. – Хотя и тут Оле меня опередил. Разочарована?

– Нет, – почти искренне ответила она. – Должны же у тебя быть недостатки. Без них ты был бы идеальным, а идеальные мужчины бывают только в сказках.

– То есть, по-твоему, это мой единственный недостаток?

– Ну, про другие я пока не в курсе, – пожала плечами Яна, – Просвети.

– Например, я не умею готовить, – он раздавил окурок и тут же достал вторую сигарету. – Настолько, что способен угробить даже яичницу. Да и вообще не в ладах с созиданием. Что-то смастерить или починить не могу. Зато сею вокруг себя смерть и разрушение. Вещи изнашиваются быст-

рее обычного, все время что-то ломается или бьется. К растениям и домашним животным меня лучше вообще не подпускать. Удивительно, что до сих пор не спалил квартиру и не перебил вам все чашки.

– Вот про чашки как раз неудивительно, – без тени улыбки ответила Яна. – Твое разрушительное начало компенсируется нашим созидательным. Знаешь, возможно, если бы не ты, бар давно бы превратился в джунгли, а в бутылках завелись новые формы жизни. Раньше так регулярно случалось. Как видишь, у меня недостатки тоже есть. И они отлично уживаются с твоими. А готовить и мастерить я люблю, так что это не проблема. Ну и если ты что-то сломаешь, я почию. Я ведь не только создавать умею, но и восстанавливать разрушенное.

– Это был намек на предложение съехаться? – он смотрел ей в глаза и почти улыбался.

– Ну не прямо сейчас, конечно, – Яна смущенно отвела взгляд, – Разве что ты в восторге от идеи время от времени просыпаться рядом с Яном.

«Я от такой идеи точно не в восторге!» – завопил Ян. – «И вообще ничего не хочу знать о твоей личной жизни!»

– Ну ладно Оле может вызвать подозрения, – он старался изобразить обиду, но уголки губ предательски подрагивали. – Но я-то тут при чем? Мужики меня не вдохновляют.

– Вот и еще один недостаток, – разочарованно вздохнула Яна. – Гомофобия в полный рост. И это в век повальной то-

лерантности и инклюзивности. Как не стыдно?

– Может я это из чувства противоречия? Не хочу поддаваться влиянию модных трендов, – улыбнулся он. – Ну или просто я тормоз и не успеваю за прогрессивными взглядами.

– Надо же, – Яна тоже улыбнулась, – Список недостатков растет, как на дрожжах.

И снова зазвенел его искренний смех и сердце Яны замерло от счастья. А из мойки, где она ополаскивала джезву, уже пробивались робкие зеленые ростки. Воистину, у всех свои недостатки.

Глава 22

Январь. Наши дни.

– И откуда они только лезут? – Шаман с тоской смотрел на распадающийся серым дымом трупик очередного пикси. – Прямо как мухи на дерьмо, чесслово. Вот же паразиты!

Мелкий пакостник размером с ладонь был десятым за последний месяц. Если так и дальше пойдет, они превратятся в реальную угрозу мирной жизни горожан. Убивать они, конечно, не убивают, но очень любят пакостить. Портить вещи, прятать ценности, подъедать запасы продуктов. И с домашними питомцами не очень ладят. Их, как раз, могут и убить из вредности. Или в целях самообороны. А если расплодятся, то и младенцев начнут воровать. Бывали случаи. Не здесь, конечно. Этот Город всегда был на редкость мирным и безопасным для людей. До недавнего времени. А все этот двухголовый со своей пивнушкой!

С появлением Януса в Город хлынула нечисть всех мастей. Опальный бог притягивал их как магнит. И нашел же место, чтоб его! Сколько веков жили спокойно, бед не знали страшнее обиженного домового. А теперь что? Тут тебе и оборотни, и русалки, и прочие фейские отродья. Даже лепреккон иногда забегает. А этот со своим золотом уже серьез-

ная угроза для людей. Завеса между миром людей и миром духов вся в прорехах от этих дружеских визитов. Скоро и простые горожане поголовно начнут все это видеть. И тогда пиши пропало. Набегут сюда ученые да журналюги, обнесут Город забором. И прощай счастливая жизнь. А двухголово-му хоть бы хны. Он наслаждается своей забавой, а на людей ему плевать с высокой горки. Как, впрочем, и всегда.

Шаман никогда не любил богов. Любых. Было в них что-то фальшивое, суррогатное. Как только Сила получает имя, она теряет часть себя. Ее как будто загоняют в рамки образа, которым наделили бога. Удивительно, что Янус сохранил свой первозданный облик, не подчинившим всем этим любителям изображать его двуликим дедом с бородой. Видимо, верховные божества, даже изгнанные, были куда сильнее рядовых. И все равно они были подделками. То ли дело духи. Чистая, незамутненная сила. Мудрость поколений, могущество стихий, гармония природы. Увы, чем больше в мире становилось людей, тем меньше оставалось духов. И тех, кто способен их слышать. Сейчас найти себе преемника сложнее, чем встретить пикси среди бела дня посреди многолюдного Города.

Он тяжело вздохнул, убрал в сумку бубен и медленно побрел по улице. Прохожие, должно быть, принимали его за бродягу. И неудивительно: борода до пояса, волосы сваялись в дреды, странная одежда, амулеты, запах отгоняющих злых духов благовоний. Не такой уж и благостный, если чест-

но. В какой-нибудь Индии он бы отлично подошел на роль почтенного гуру. А здесь вызывал лишь брезгливые гримасы у встречных. Хорошо, что он их не видел: духи взяли его глаза в обмен на свое покровительство. Шаман должен всегда оставаться непредвзят, его зрение не должно быть затуманено эмоциями. Внешняя красота обманчива, как и внешнее уродство. Только красота души имеет смысл. Поэтому глаза только мешают шаману выполнять свои обязанности. Он без сожалений расстался с ними, когда понял, что получит взамен. А сейчас он с радостью бы распрощался и с другими органами чувств. Голова гудела от городского шума: рева моторов, шелеста шин по асфальту, звона трамваев, автомобильных гудков, грохота строительной техники и пролетающих по рельсам поездов, гула самолетов в небе. Слизистую разъедали вонь бензина, гарь котельных, запах разложения отходов и едреной бытовой химии. Обычный набор для места обитания людей. Если в этом маленьком городке стало так невыносимо, то что тогда творится в мегаполисах? Может быть людей, и правда, стало слишком много и неплохо было бы слегка проредить популяцию? Он недовольно потрянул головой. И с чего бы это ему в голову пришли такие мысли?

Шаманы испокон веков защищали людей от потусторонних тварей всех мастей. В конце жизни передавая знания преемнику. Молодой шаман получал не только знания учителя, но и его память, мечты и устремления. По сути, часть

его личности. Так из века в век, из поколения в поколение формировалось представление шаманов об идеальном мире, общем благе и гармонии. И то, что происходило в мире теперь с этим представлением вязалось плохо. Вообще не вязалось, если уж на то пошло. Индустриализация, развитие технологий и медицины сделали людей бесстрашными и бездушными. Они перестали бояться гнева высших сил, перестали верить в сверхъестественное. Духи стали для них всего лишь страшной сказкой. И даже то, что эта сказка происходит с ними прямо здесь и сейчас не прибавляло веры. Скорее, они спишут все на стресс и хроническую усталость, чем на встречу с чем-то неизведанным. И тем опаснее игра, которую затеял двухголовый. И тем важнее его остановить, пока он не разрушил ту гармонию, которую шаманы создавали веками.

Крошечный бар на узкой пешеходной улочке ничем не выделялся среди десятка питейных заведений по соседству. Ни яркой вывески, ни привлекающих внимание украшений. Просто дверь с табличкой «Открыто» и огромные стеклянные окна, сквозь которые, должно быть, видно все, что происходит внутри. Он никогда не заходил внутрь, но слышал, что интерьер там просто сказочный. И атмосфера очень располагающая. Вот только увидеть дверь с табличкой и признаки жизни за стеклами витрин дано не всем. И это еще одно из правил затеянной богом игры: кому действительно нужно, тот сможет войти. Бар появился здесь семь лет назад. И с тех

пор жизнь в Городе пошла кувырком. И твари всех калибров полезли изо всех щелей.

Он сел на брусчатку тротуара справа от двери, раскурил трубку и стал ждать. Янус вышел практически сразу. Сегодня он был в своем мужском обличии, но от Шамана не укрылась и вторая половина. Ее мягкие женские формы будто бы просвечивали сквозь угловатое мужское тело. Зрелище не для слабонервных, конечно. Но он слабонервным не был. Поэтому спокойно продолжал курить, пока опальный бог не заговорил первым, подперев собою дверь и скрестив на груди руки.

– Что тебе нужно, старик? – спросил Янус не очень-то дружелюбно, хотя и без откровенной агрессии. Между ними никогда не было дружбы. Хотя открытой вражды тоже не было. Пожалуй, это можно было бы назвать холодной войной.

– Хотел узнать, как долго ты еще собираешься здесь оставаться. – спокойно ответил Шаман.

– Мы об этом пока не думали. – пожал плечами Янус. – Нам нравится этот Город. Здесь спокойно, тихо, общество приятное.

– Уже не так спокойно, как до твоего появления. – буркнул Шаман. – Потому и спрашиваю.

– И что же мы такого сделали?

– Например, привлекли в Город это.

И Шаман достал из сумки прозрачные крылышки пикси. Янус осмотрел вещицу, покрутил в руках и многозначитель-

но хмыкнул:

– Ну, эти существа веками жили по соседству с людьми. И те как-то научились с ними ладить. В том числе и с помощью таких, как ты. Разве ты не рад, что сверхъестественные существности, которых вытеснил из городов прогресс, снова возвращаются?

– Люди не готовы к этой встрече. – Шаман выдохнул облако дыма. – И ты это знаешь не хуже меня. Они забыли правила. Забыли как защищаться и как не вызывать агрессию случайным действием. Подобное соседство погубит и тех и других.

– Ну так научите их. – Янус смял крылышко в кулаке, растер между ладонями и пустил прах по ветру. – Разве не для этого нужны шаманы?

– Нас мало. И с каждым годом становится все меньше. Мне уже за сотню, а я не могу уйти на покой, потому что не могу найти себе преемника. Если так и дальше пойдет, Город останется без шамана.

– Хочешь, чтобы я тебе помог? Подыскал подходящую кандидатуру среди посетителей?

– Хочу, чтобы ты избавил меня от необходимости считать свою смерть проблемой. То есть покинул Город.

– Извини, старик, но этого не будет, – в голосе Януса лязгнул металл. – Как минимум, пока здесь есть хоть одно существо, которое нам радо. А здесь таких добрый десяток, если не больше. Мы не можем просто так взять и всех бросить.

«Все вы можете!»! – хотел завопить Шаман. – «Просто не хотите! Нашли себе друзей на отпуск. Курортный роман в лучшем виде. А что потом с ними будет, когда вы наиграетесь в любовь и дружбу»? Но он промолчал. Этот разговор был абсолютно бесполезен. Янус каждый раз уверял, что это «на всю жизнь» и «никогда еще такого не было». В этом плане боги очень похожи на детей: у них тоже все впервые и на всю жизнь. Пока не увидят новую игрушку или не попробуют новую игру. Поэтому Шаман просто тяжело вздохнул и снова затянулся трубкой.

– Если это все, можно я пойду? – нарушил молчание Янус. – Меня там клиенты ждут. Коктейли сами себя не смешают.

Шаман промолчал. Так и не дождавшись ответа, Янус пожал плечами и вернулся в бар, сопровождаемый приятным звоном колокольчика над дверью.

– И все-таки на редкость неприятный тип, – раздался у него над ухом тихий женский голос.

Шаман посмотрел на собеседницу и невольно поежился. Миниатюрная женщина неопределенного возраста в белом платье, напоминающем саван, и серебряной короне поверх просторного капюшона. Волосы не то белые, не то просто седые. Изможденное болезнью лицо с лихорадочным румянцем и сухими, обветренными губами, покрасневшие, обрамленные темными кругами глаза. На мучнисто-серой коже черные струпья, под посиневшими ногтями грязь.

– Приветствую тебя, госпожа! – учтиво обратился он к одной из всадников. – И нижайше прошу твоего милосердия.

– Успокойся, Шаман. – Чума обнажила в улыбке желтые зубы. – Мне не нужна твоя жизнь. Она принадлежит другому. Но у тебя действительно есть кое-что, что мне нужно. И я готова обменять это на что-то, что нужно тебе. Уверена, мы сможем договориться. Поверь, наши интересы совпадают.

Шаман брезгливо отвел глаза. Интересно, какой видят эту женщину другие? Например, остальные всадники. Или тот же Янус? При случае нужно будет спросить об этом у Смерти. В последнее время они часто видятся. Намного чаще, чем ему хотелось бы.

– Чем я могу быть тебе полезен, госпожа? – спросил он, неуклюже поднимаясь с тротуара.

С такими силами следует беседовать стоя. Они это заслужили.

Глава 23

Февраль. Наши дни.

– Какой же это все-таки бред... – Ян запустил пальцы в растрепанные волосы и откинулся головой на дверцу шкафа. – Допустим, «Слезы внезапной радости, взятые без разрешения» у нас тоже есть. Не прошло и трех лет. Или прошло? Итого, двенадцать из пятнадцати. Если все остальные компоненты потребуют столько же времени на получение, уйдет еще лет десять на приготовление этого зелья.

Разговоры вслух с самим собой давно стали привычкой. Даже когда Яны не было рядом, как в эту ночь, он частенько озвучивал свои мысли в полный голос. Благо, посетителей в баре уже не осталось. Имболк хоть и одна из долгожданных волшебных ночей, мало кто выдерживал кутеж до утра. Часам к четырем даже самые стойкие завсегдатаи расползались по домам и оставалась еще уйма времени до рассвета, чтобы в кои то веки побыть одному. И заняться тем, чем не хотелось заниматься при Яне: в очередной раз признаться себе в собственной некомпетентности. А проще говоря, в тупости и беспомощности. Зелье разделения стало для Яна, бога-демиурга и великого алхимика, задачей со звездочкой, которую он никак не мог решить. Половина компонентов была

ему незнакома. Более того, у них вообще не было конкретных названий – только определения. При желании, под них можно было подогнуть что угодно, и просто верить, что понял правильно. Ошибка обнаружится лишь в конце, когда исправить что-то будет уже невозможно. Тот, кто составил этот рецепт, явно обладал скверным чувством юмора. А Яну очень не нравилось чувствовать себя ни дураком, ни жертвой чужой шутки. Тем более, в присутствии своей второй половины, которая всегда в него верила и ждала результата.

Ян невольно поморщился, вспомнив где и с кем сейчас Яна, отхлебнул виски прямо из бутылки (все равно там осталось меньше половины) и снова принялся изучать свои записи. К этому шифру должен быть ключ, иначе в чем смысл?

– Ку-ку! Есть кто дома? – голос Оле разнесся в пустом зале вместе с перезвоном дверного колокольчика. – Янчик, ты где?

– Здесь я, – Ян встал с пола и выглянул из-за стойки. – Не ори, пожалуйста.

– Ты чего на полу делал? – сказочник устроился на табулете у стойки. – Потерял что-то?

– Иногда мне кажется, что здравый смысл, – буркнул Ян, прикладываясь к бутылке. – Тебе как всегда?

– Слушай, – Оле внезапно покраснел, – А сделай мне чего-нибудь выпить? Только не очень крепкого и сладкого, если можно.

Ян вытаращился на сказочника: за семь лет знакомства

Оле впервые попросил чего-то алкогольного. С чего бы вдруг?

– Ну и чего ты так смотришь? – насупился повелитель детских снов. – Или тоже считаешь меня несмышленным малолеткой? Я понимаю, что выгляжу и веду себя как подросток, но ты-то знаешь сколько мне на самом деле лет.

– Если честно, не знаю. – Ян осмотрел бутылки, размышляя над рецептом коктейля. – Даже не задумывался об этом никогда. И сколько же?

– Тыщи полторы точно, – ухмыльнулся Оле. – Как минимум, столько я себя помню. Было ли что-то до этого, не знаю.

– Солидный возраст, – улыбнулся Ян, смешивая компоненты. – До выпивки так уж точно дорос. Держи.

– Спасибо! – сказочник с восторгом смотрел на разноцветный слоеный шедевр в пузатом бокале на тонкой ножке, украшенный бумажным зонтиком. – Я точно не отвлекаю тебя от чего-то важного?

– Нет. – Ян глотнул виски. Это была третья бутылка и его начинало потихоньку вести. – Хотя и странно видеть тебя здесь в такое время. Ты чего так рано?

– Если честно, прогуливаю работу, – Оле цедил коктейль через соломинку и на глазах розовел и косел. – Настроение плохое, а в таком состоянии меня опасно подпускать к спящим. Во избежание, так сказать.

Плохое настроение Оле было таким же нонсенсом, как и его внезапная тяга к алкоголю и Ян не удержался от вопроса:

– Что случилось?

– Ты же сейчас один? – вопросом на вопрос ответил Оле. Ян кивнул:

– Моя вторая половина сейчас развлекается где-то с твоим братом. И я безумно счастлив, что у меня нет доступа к этим ее воспоминаниям.

– Никогда не понимал, как это у вас работает, – пробормотал Оле. – Но это хорошо, что она нас не слышит. Творится что-то паршивое. Либо уже началось, либо скоро начнется. Осенью я видел в Городе Чуму. В смысле, не болезнь, а Белую всадницу. Ну знаешь, Всадники Апокалипсиса, все дела. – Ян кивнул и Оле продолжил: – Чума к брату приходила. Она, вроде как, его бывшая, только до нее это никак не дойдет и она за ним до сих пор таскается. Та еще конченная извращенка. Не знаю, до чего они договорились, я ушел. Терпеть ее не могу. Вот только мелкая зараза никогда не ходит одна.

– Месяц назад сюда заглядывала Война, – сказал Ян. Этот разговор резко переставал ему нравиться. – Тоже искала твоего братца.

– Вот как, – вздохнул Оле. – Брат мне об этом не сказал. Хотя, мы сейчас почти не разговариваем. Типа поссорились и я на него капец как злюсь!

– Из-за Ольги? – догадался Ян. Он и правда уже пару месяцев не видел братьев вдвоем.

– Ага. Этот засранец не хочет мне рассказывать, как и ко-

гда она умрет. Он, видите ли, не должен нарушать правила. Тоже мне святоша! Бесит!

Ян посмотрел на Оле и по его спине побежали мурашки: с ним явно происходило что-то нехорошее. Цвета его одежды тускнели, а прозрачная голубизна глаз темнела, словно море перед грозой.

– Возможно, это не то, что ты хочешь от меня сейчас услышать, – вздохнул Ян. – Но он прав. Законы жнецов жестоки. За их нарушение строго карают. Так что это не каприз и не желание тебя позлить.

– Да знаю я! – рявкнул Оле. – И от этого еще сильнее злюсь. На себя злюсь, понимаешь? За то, что я такая вот эгоистичная скотина и ничего не могу с этим поделать.

– Ну так прекрати на него наседать, – пожал плечами Ян. – Зачем тебе вообще знать, как умрет эта девочка? Ты же не собираешься всерьез жить с ней долго и счастливо?

– Может и собираюсь. Может я ее действительно люблю?

– Не носи чушь, Оле. Она – человек. Даже если ты ей все про себя расскажешь, не факт, что она поймет. Люди боятся чудес, даже если всю жизнь о них мечтали. Стоит им встретиться с чем-то непонятным, как тут же пугаются и просят все отменить. Зря ты ее втягиваешь в свою жизнь, водишь сюда, знакомишь с нами. Людям здесь не место.

– Сказал тот, кто взял человека на работу, – пьяно ухмыльнулся Оле.

– И тот, кто жалеет об этом и не хочет, чтобы другие по-

вторяли его ошибки, – Ян одним глотком допил оставшийся виски и спрятал пустую бутылку под стойку. – К тому же, твой брат заставил меня задуматься кое о чем. Но речь сейчас не обо мне, а о тебе. Хочешь развлекаться с человеческой девочкой – флаг тебе в руки. Но не топи ее в этом болоте. Кстати, все спросить хотел, как вы вообще познакомились?

– Ну она чуть не свалилась с моста в реку, а я подцепил ее зонтом. Потом оказалось, что ей некуда идти и я позвал ее к себе. А там как-то само закрутилось. Чего смеешься?

– Да так, – хрюкнул Ян, – про подцепил зонтом понравилось. А мы с Яной все пытались понять, чем же ты ее так зацепил. Значит тем более не топи, раз однажды уже спас. И подумай хорошенько: может тебе просто нужно быть для кого-то героем, а любовь тут совсем не при чем?

Оле задумался. Он уныло ковырял соломинкой в пустом бокале с остатками растаявшего льда. Потом медленно поднял прилично окосевший взгляд на Яна и спросил:

– У тебя сигареты есть?

– Ты еще и куришь? – усмехнулся Ян.

– Нет, конечно! Я ж с детьми работаю. Им не понравится, если от меня будет нести табаком. Но разок можно. Говорят, нервы успокаивает.

Ян полез под стойку, достал пачку сигарет и пепельницу-черепушку, поставил перед Оле. Сказочник взял начатую пачку, покрутил в руках с удивленным взглядом.

– Это же...

– Ага. Брательник твой забыл, – улыбнулся Ян. – Уже где-то год валяются. Зажигалка внутри.

Оле достал длинную сигарету, пахнущую трубочным табаком с примесью чего-то фруктового (то ли вишня, то ли слива), щелкнул дешевой пластиковой зажигалкой, от души затянулся.

– Господи, ну и дрянь! – прохрипел он, сдерживая кашель. – И как он этим дышит?

– Со временем привыкаешь, – Ян с трудом сдерживал смех. – Становится даже приятно. Это как с кофе: он сначала тоже кажется невыносимо горькой дрянью.

– Поэтому я пью латте с сиропом, – ухмыльнулся Оле. Вторая затяжка далась ему явно легче. И глаза постепенно возвращали себе привычный оттенок, словно отступала тьма. – А этому идиоту как будто не хватает горечи в жизни. Вот же дурак.

– Раз уж решил пуститься во все тяжкие, может налить тебе чего-нибудь покрепче? – Ян достал очередную бутылку виски.

– Не надо. Иначе меня просто вырубит. А я и так не успеваю ни черта, особенно с появлением Ольки. Столько всего нужно увидеть, в стольких местах побывать.

– Нормальная ситуация для того, кто живет за двоих, – пожал плечами Ян, прикладываясь к бутылке.

– Так заметно, да?

– Не сказал бы, что любой дурак догадается, но понять

можно. Я вас уже не первый год почти каждый день вижу. Жнецу неприятно находиться в людных местах, поэтому это делаешь ты. Концерты, фестивали, выставки, прочие тусовки – ты ходишь туда за него, а потом все ему рассказываешь. С твоими способностями и вашей связью, для него это все равно что полное погружение. Он может видеть твоими глазами, слышать твоими ушами, чувствовать твоей кожей, так ведь?

– Знаешь, – Оле аккуратно водрузил остаток сигареты на край пепельницы. Он больше смотрел, чем курил и горка пепла быстро росла на дне черепушки. – Мне иногда кажется, что мы с ним одно целое. Как вы с Яной. Только у вас на двоих одно тело, а у нас на два тела одна... Не знаю, душа, наверное. Я слышал, что с близнецами так часто бывает. Даже у людей.

– Помиришь с братом, – отрезал Ян. – Женщины явление преходящее, а вы друг у друга одни.

Оле молча кивнул. Ян бросил взгляд в окно: небо потихоньку светлело, до рассвета оставалось не больше часа.

– Слушай, извини за грубость, – сказал он. – Но шел бы ты домой. Скоро Яна вернется и наступит рассвет. А мне еще нужно успеть доделать кое-что.

– Без проблем, – Оле улыбнулся привычной, по-детски открытой улыбкой. – Давно нужно было меня послать, а не сопли утирать. Только кофе мне на дорожку сделай, пожалуйста. И сироп побольше. Хватит с меня горечи на сегодня. И

это... Не рассказывай никому про этот разговор, ладно? Не хочу, чтобы кто-то знал, что я бываю таким.

– Аналогично, – кивнул Ян. – Пусть это будет нашим маленьким мужским секретом.

Слегка пошатываясь, Оле вышел из бара. Ян проводил его внимательным взглядом, потягивая виски из ополовиненной бутылки. Потом достал из-под стойки склянку и аккуратно высыпал в нее пепел догоревшей сигареты.

– Будем считать, что это «Пепел угасшей ненависти» и надеяться, что она действительно угасла. Не хотел бы я еще раз увидеть такого Оле, – и он вычеркнул из списка еще один ингредиент для зелья.

Глава 24

Февраль. Наши дни.

С пляжа Яна возвращалась в предрассветных сумерках. Шла привычным маршрутом в лиловом мареве, глядя по сторонам глазами любопытного туриста. Словно видела Город впервые и старалась не упустить ни одной подробности. Город с удовольствием поддерживал эту нехитрую игру. Охотно выставлял напоказ свои спрятанные сокровища, трещинами на асфальте чертил секретный маршрут в «самое замечательное место на Земле», семафорил витринами магазинчиков и окликал перезвоном дверных колокольчиков.

Теплый стаканчик из круглосуточной кофейни на набережной заботливо грел покрасневшие на морском ветру пальцы, ласково гладил ладони черной бархатистой бумагой, словно мягким шарфом укутывал ароматом кофе с корицей и яблочным сиропом. Почти «Шарлотка», только калорий меньше. Маленький кусочек Осени посреди почти закончившейся Зимы.

– Привет, дружище! Как ты сегодня? – старый клен на углу улицы в ответ покачал полуголыми ветвями, пересказывая многочисленные события прошлого дня, и Яна улыбнулась в ответ: – Понятно. А я вот чуть не промокла. Гляди.

И показала старику мокрый ботинок, покрытый белым песком. Море в это утро было на редкость игриво. Сначала долго притворялось недотрогой, позволяло шагать по мокрому песку у самой кромки прибоя. А потом, словно возмущаясь: «Ну что ты как неродная? Давай уже обниматься!», захлестнуло волной по самые щиколотки. Хорошо, хоть в ботинки через край не залилось. Клен участливо похлопал ее по плечу каким-то чудом уцелевшими с осени листьями, золотыми, словно в октябре, и заскрипел ветвями в тихом стариковском смехе. А просоленный ветер легонько толкнул в спину «Не будь ябедой!» и рассмеялся шелестом поземки по асфальту. Яна засмеялась в ответ и пошла дальше. Город смотрел ей вслед леденцовыми окнами старинных зданий, где уже проснулись первые жильцы-жаворонки, и заговорщицки подмигивал огнем маяка. Хотелось петь, танцевать и любить весь мир так же страстно, как пару часов назад любили ее.

Некто в белом сидел на высоком уличном столике пока еще закрытого кафе в трех домах от их неприметного бара. То ли девочка-подросток, то ли просто миниатюрная женщина. Закинув ногу на ногу, уперев в коленку локти и положив на них красивую голову, она внимательно смотрела на Яну большими черными глазами и хищно улыбалась.

– Так вот ты какая, Яна, – ее улыбка стала шире и совсем не вязалась с милыми чертами лица. – Как я и думала, ничего выдающегося. Даже непонятно, чего братик тебя от меня

прятал?

– Прошу прощения, – Яна старалась быть вежливой, но маленькая незнакомка ее откровенно напугала. – Мы знакомы?

– Конечно нет! – возмутилась белая девочка. – И раз нас не посчитали нужным познакомить, я решила это исправить. А заодно предупредить. Отвяжись от братика, старуха! Иначе пожалеешь!

Яна удивленно захлопала глазами. На ее фоне незнакомка и правда выглядела совсем девчонкой. Как раз в том возрасте, когда все, кто старше двадцати, считаются старухами. На ней было белое пальтишко с оборочками, белые сапожки с помпонами и пушистый белый берет. Ну прямо лоли из аниме. Вот только чья это сестра? И почему в ней столько ненависти?

– Не понимаю, – прошептала Яна и покрепче сжала стаканчик с кофе, будто ища в нем защиты.

– Ты уж лучше пойми, – улыбнулась лоли улыбкой голодной пираньи. – И не прикидывайся душой! Ты была с ним сейчас! Я слышу на тебе его запах! Этот запах я узнаю из тысячи.

До Яны начало доходить.

– Ты сестра Тода? – она попыталась улыбнуться. – Не знала, что у него есть сестра.

– Не зови его этим дурацким именем! – прошипела девочка не хуже рассерженной кошки. – Его зовут Смерть. Ми-

лосердный и неумолимый Бледный всадник. И ты недостойна даже дышать с ним одним воздухом!

Дышать и правда стало очень трудно. Яна хрипло втягивала воздух, ощущая как горят ее легкие и лихорадочно соображала, кто мог быть перед ней. Она назвала жнеца своим братом и бледным всадником. Если в виду имелись Всадники Апокалипсиса, то кто из них ходит в белом?

– Чума, – выдохнула Яна. Девчонка рассмеялась в ответ.

– Дошло, наконец-то, – улыбнулась она почти дружелюбно. – Не волнуйся, от этого ты не умрешь. Считай, что это первое китайское предупреждение. Но если еще раз увижу тебя рядом с братиком, сдерживаться не стану. Я не настолько милосердна и отберу у тебя все, как ты отобрала у меня братика. Потому что он может быть только моим! Только я имею право быть с ним! – невидимые пальцы сильнее сжали горло Яны, мир перед глазами начал плыть. – Поверь, в моей коллекции есть игрушки, способные убить даже бога. Тем более такого никчемного вроде тебя. Ты будешь медленно умирать в муках, страдать в агонии, молить о смерти, как об избавлении. Но даже если ты и продержишься до конца, братик все равно за тобой не придет. Потому что ты не человек, стерва! – Чума на секунду задумалась и спросила с искренним любопытством: – Кстати, а куда боги попадают после смерти? Я смогу найти тебя там, чтобы продолжить нашу милую игру?

Яна хотела что-нибудь ответить, но не смогла даже вдох-

нуть. Перед глазами плясали разноцветные круги.

– Ясно, – вздохнула Чума. – Так ты становишься совсем скучной. Хватит с тебя для первого раза.

Воздух раскаленным потоком ворвался в легкие. Яна кашляла, пытаясь отдышаться, девчонка издевательски хохотала.

– Надеюсь, ты усвоила урок? – ухмыльнулась она и в этой ухмылке и правда было что-то общее с Тодом. Просто копировала брата или действительно семейное сходство? Странная у нее какая-то сестринская любовь. Скорее уж похожа на бывшую девушку, которая пытается вернуть парня. – Я могла бы легко тебя убить, но в этом нет необходимости. Скоро братик сам ко мне вернется. А о тебе и не вспомнит. Так что наслаждайся последней возможностью. Видишь, какая я сегодня добрая. Не хочу, чтобы братик ругал меня за то, что сломала его игрушку. И не вздумай наябедничать! А то ведь я могу и передумать. Кажется, у тебя есть вторая половина? Будет грустно, если и ему достанется из-за твоей глупости, так ведь? Ну, не болей!

Девчонка спрыгнула со стола и пошла вниз по улице в сторону моря, размахивая маленькой пушистой сумочкой. Яна все еще с трудом глотала воздух, дрожащими пальцами сжимая картонный стаканчик. Что из сказанного Чумой было правдой? Почему Тод не рассказал ей про всадников? Стоит ли сказать ему об этой встрече? Ему или хотя бы Яну.

– Нет, – сама себе ответила Яна. – У них обоих и без того

забот хватает. Маленькая стерва вполне могла все выдумать, чтобы меня позлить. Я и сама могу с ней справиться. Просто оказалась не готова к такому повороту событий. В следующий раз я найду, чем ответить.

– Ну наконец-то! – Ян сидел на стойке, свесив босые ноги. Вид у него был какой-то помятый, рядом стояла почти пустая бутылка виски. – А я уже начал волноваться, что ты опоздаешь.

– Было бы забавно посмотреть на реакцию Тода, когда на рассвете я растаяла бы у него в руках, а-ля русалочка. – Яна представила, как жнец поутру привез бы ее вещи в кофре мотоцикла и криво улыбнулась.

– У тебя все нормально? – Ян с прищуром смотрел на нее.

– Ага. Просто ноги промочила. – соврала она. – Море расшалилось и забралось в ботинки. Тод уехал работать, а я решила прогуляться на пляж. Видимо, зря.

– Ну тогда не будем тянуть, – пожал плечами Ян. – Раз уж ты так задержалась, предлагаю решить все быстро. «Камень-ножницы-бумага» до трех побед?

– Принято! – улыбнулась Яна. – И никакой пощады! Никакой и никому!

Глава 25

Февраль. Наши дни.

– Слушай, а это кто? – Оле перегнулся через стойку и старался говорить настолько тихо, насколько мог. – Вон тот, в углу.

– Не знаю, если честно, – Надя пожала плечами. – Яна сказала, он со вчерашнего вечера там сидит. И все время то плачет, то вздыхает на весь зал. И одет так странно. Может косплеер какой-нибудь или блогер. Или хотел девушку свою удивить, а она не оценила. Сегодня же день всех влюбленных.

– Вот как. Пойду-ка я с ним поболтаю.

Надя улыбнулась. Оле ей нравился. Если существует в мире дружба с первого взгляда, то это была именно она. А вот встретиться с ним она бы ни за что не стала – совершенно не ее типаж. Кроме того, она была совершенно не уверена в его ориентации. Очень уж ярко он одевался, да и вел себя ни разу не мужественно. Шумный, шубутной, придурковатый какой-то. Словно ребенок в теле взрослого мужчины. Правда, она пару раз видела его с девушкой, но это еще ничего не значит. Можно, конечно, спросить у Яны. У нее, похоже, роман с его братом. Мрачный красавчик всегда такой зага-

дочный и молчаливый. Особенно по сравнению с братцем.

В любом случае, у нее есть Ян и другие ей совсем неинтересны. Вот бы сегодня вечером была его смена. Она даже шоколадную валентинку для него сделала. Сама, между прочим. А Оле просто друг. Интересно, о чем он там болтает с этим нытиком? От стойки нифига не слышно!

– Вот, значит, как, – Оле плюхнулся на стул напротив льющего слезы паренька. – Ну и как ее зовут?

Парнишка оказался на редкость слащавый. Златокудрый, голубоглазый, с милым личиком мультяшного персонажа. Ну прямо Прекрасный принц. Одежда тоже не подкачала: камзолчик, бриджики, сапожки, шпага, корона. Все в зефирно-розовых тонах, с позолотой и стразами. Простите, конечно же с бриллиантами. Как и положено принцам.

– Ее высочество принцесса Маргарита, – хлюпнул носом принц.

Уже неплохо. Хорошо хоть ни какая-нибудь Жасмин или Ариэль. Нынче как только детей не называют. Особенно девочек.

– И сколько ей лет? – продолжил Оле вопрос.

– Сееееемь! – провыл его высочество и снова разрыдался.

Понятно. Значит пошла в школу, нашла реальных друзей, а про воображаемого забыла. Все как всегда. Всех их ждет

одно и то же. Через недельку-другую от этого красавчика даже тени не останется. Все-таки, дети бывают очень жестоки. Яна как-то даже предложила организовать поселение для таких вот забытых воображаемых друзей. И курсы психологической помощи. Только это все бестолку. Без своих создателей они не выживают. Разве что найдут им замену. Кого-то, кто был бы им так же рад.

– Ну а тебя как зовут? – Оле улыбнулся как можно приветливее и протянул принцу бумажный платочек.

– Джастин, – принц изящно высморкался. – Его высочество Джастин.

– Слушай, твое высочество, я твою Маргариту хорошо знаю. И точно знаю, что плакс она не любит. – Оле изо всех сил постарался сделать суровое лицо. – И пока ты тут рыдаешь, она про тебя и не вспомнит. Ну-ка соберись!

Принц удивленно захлопал большими глазами. На длинных ресницах блестели слезинки.

– И что же мне делать? Как мне вернуть мою принцессу?

– Нуууу... – загадочно протянул Оле, – Современные принцессы любят гордых и неприступных юношей. Сделай вид, что она тебе безразлична и она сама к тебе прибежит, – и он лукаво подмигнул.

– А это точно сработает? Раньше это я всегда ее добивался. Ухаживал, подарки дарил, драконов побеждал. – воображаемый друг семилетней девочки потупился.

– И вот к чему это привело! – назидательно поднял палец

Оле. – Пора менять тактику!

Интересно, понимало ли это наивное создание, что такое тактика и кто такие неприступные юноши? Но его нужно было срочно отвлечь, переключить на кого-нибудь другого. Оле огляделся по сторонам и безумная идея возникла в голове совсем внезапно.

– Я бы позвал тебя к себе в гости, – начал он, – но у меня уже есть принцесса. А вот этой девушке, – Оле кивнул в сторону Нади, – очень нужен принц вроде тебя. Не навсегда. Только на время, пока твоя Маргарита не захочет тебя вернуть. Поверь, как только она тебя увидит в компании другой принцессы, сразу потребует вернуться. И тогда уже сам реши. Ты кофе любишь?

– Фуууу! – поморщился принц. – Горькая гадость! Мы с ее высочеством любим шоколад и клубничное молоко.

– Придется полюбить, – кивнул Оле. – К тому же, кофе это круто! А принцессы любят крутых парней. Так что послушай моего совета и делай так, как я скажу. Сиди здесь, я сейчас вернусь.

– Слушай! – Оле подлетел к стойке с горящими глазами, – Тебе же нужен напарник?

– Ну допустим. – Надя недоверчиво сощурилась.

– Я тебе его нашел! Идеальный кандидат! Правда, его при-

дется всему учить. И он немножко странненький. Творческая личность, немного увяз в своих фантазиях. А еще ему жить негде. Но это решаемо. Я попрошу Янчика поселить его в комнате за баром. И еще...

– Так, стоп! – прикрикнула Надя. – Я же с ним даже не разговаривала. А если он мне не понравится?

– Ну пожааааалуйста! – размером глаз Оле мог поспорить со знаменитым котом из мультика. – Не понравится, уволишь. Просто дай ему шанс! Ты же Надежда. Кого, если не тебя, об этом просить?

– Вот же удружили родители с именем, – буркнула Надя. – Ладно, веди своего кандидата. Устрою ему собеседование.

Оле умчался к столику и вернулся, толкая перед собой явно ошарашенного парня.

– Вот, это Надя. – он шутливо поклонился, – Она тут главная.

– Приветствую, моя принцесса! – глупо одетый парень отвесил учтивый поклон и это вовсе не выглядело глупо. – Я к Вашим услугам!

Надя улыбнулась. Кажется, Оле был прав – он нашел ей напарника.

Глава 26

Февраль. Наши дни.

– По ночам работаете?

– Что, простите? – он не сразу понял, что обращаются к нему. Голос девушки-кассира выдернул его из водоворота мыслей о вечном. То есть о непростых семейных отношениях.

– Просто я постоянно вижу вас здесь по утрам, – судя по голосу, девушка улыбалась. Когда не хочешь лишний раз смотреть на собеседника, учишься распознавать эмоции на слух. – И набор продуктов не похож на то, что берут с собой на работу. Вот и решила, что вы после ночной смены.

Он невольно бросил взгляд на свои покупки: пачка пельменей, майонез, блок сигарет. Тот еще джентельменский набор, конечно. Разве что бутылки водки не хватает для полноты картины.

– А еще мотоцикл на парковке у дома днем стоит, – продолжила девушка свои дидактические выкладки, – а у нас тут только жилые дома, никаких офисов нет. А вот ночью я его пару раз всего видела. Красивый такой и, наверное, редкий. Я таких раньше не встречала.

– Уникальный, – он постарался ответить приветливо, –

Второго такого нет. Разбираетесь в байках?

– Немножко. Ездить не умею, конечно, больше люблюсь. Ну и со знакомыми катаюсь с удовольствием. На таком бы точно прокатилась.

– Могу прокатить. Только летом. Сейчас не рискну ездить с... пассажиром, – он запнулся и чуть не ляпнул «с живыми».

– Ой, как здорово! Буду ждать лета. Чек не забудьте.

Он хотел просто кивнуть и, как обычно, уйти, но в последний момент передумал. Глубоко вдохнув, словно перед прыжком в воду, посмотрел на девушку за кассой. Вот только вместе с симпатичным, неумело и слишком ярко на его вкус накрашенным личиком он видел ее смерть. Дату, время, причину и следствие. Ночная дорога домой после работы, случайная встреча с компанией пьяных сверстников, одного из которых она когда-то отшила, герой-любовник, решивший взять свое под хохот дружков, приказ держать язык за зубами и угрозы расправы, осуждение родителей (мол сама виновата, нечего так малеваться), неверие и отчужденность подруг, одиночество, депрессия, вскрытые вены и красивая аристократичная смерть в ванне с кровавой пеной. Не его клиентка. И до лета не доживет. Она и до апреля-то не доживет, если сегодня все пройдет, как предначертано судьбой.

Вот же хрень собачья! Нахрена они сделали его таким? Зачем наделили человеколюбием и способностью видеть людские смерти, если он нахрена не может исправить? Не может вмешаться, изменить ход событий, предупредить. Не дол-

жен. Почему нельзя было сделать его таким же, как остальные жнецы? Пусть не презирающим людей, но хотя бы безразличным к их жизням. Чем он такой, блин, особенный?

Он снова и снова задавал себе эти вопросы, а девушка зачарованно смотрела на него. Ему часто говорили, что у него красивые глаза. Гипнотический, дурманящий взгляд, перед которым невозможно устоять. В работе это помогает. Иначе поди заставь совершенно незнакомого человека безропотно идти за тобой и не задавать дурацких вопросов. А вот в остальных случаях скорее вредит. Даже Янка попалась. Хоть и богиня и должна бы иметь к такой хрени иммунитет. Хотя, может тут дело и не в глазах. Точнее, не только в глазах. Им и с закрытыми глазами хорошо вместе. Ему с ней хорошо, как никогда и ни с кем не было. А этой девочке с ним будет плохо.

С мыслью, что пора приучить себя носить темные очки, он отвел взгляд. Забрал покупки и торопливо вышел из магазинчика рядом с домом, тихо и невнятно попрощавшись. Девушка смотрела ему вслед и ее тоскливый взгляд обжигал спину через толстую кожу куртки. На лестнице его поджидал здоровенный рыжий кот.

– Привет, приятель, – он позволил коту потереться об штанину, оставляя на черных кожанках рыжую шерсть, – Ты один или твой хозяин неподалеку?

На коврик у входной двери, привалившись спиной к обшарпанному дерматину, сидел Шаман. Слепо глядя перед

собой, старик курил трубку явно не с табаком и что-то мурлыкал себе под нос. В седой бороде и дредах путался лиловый дым, узловатые пальцы свободной от трубки руки перебирали черно-белые четки. Кот взгромоздился старику на колени с видом посыльного, доставившего ценный груз.

– Пельмени будешь? – спросил тот, кого называют Смертью, дожидаясь пока Шаман позволит ему войти в собственную квартиру.

Боль пронзала насквозь. Заполняла все тело, каждую частичку его существа. Заставляла кожу покрываться мурашками, а волосы вставать дыбом. Позволяла не думать и не позволяла молчать. Боль была его спасением. Можно было шипеть, рычать, стонать, скулить, да хоть орать в голосину и крыть всех матом, выдавая душевные страдания за физические. Можно было дать себе волю, пока золотая игла впицается в кожу, оставляя за собой замысловатый узор. Никаких машинок. Только игла и молоток, как в старые добрые времена.

Свежий узор мерцает бледно-зеленым кладбищенским огнем и прожигает, кажется, до костей. Хотя чернила самые обычные. Через пару часов все заживет и останется простой черный цвет. Сложная вязь символов и едва заметные шрамы под ней. Едва заметные, но отлично ощутимые. Еще минимум неделю он будет невольно морщиться от мерзкой тянущей боли при каждом резком движении. Такова цена жал-

кого мига эмоциональной свободы. И так каждый раз.

– Никогда не пойму, чего ты так из-за них убиваешься. – Шаман ловко орудовал иглой, глядя в пустоту слепыми глазами. Для ритуала они ему были не нужны. Иглу направляли духи. Они же приносили эту дикую боль. – На тебе скоро живого места не останется. Это все твоя богиня виновата. Она тебя испортила. Ты стал слишком много думать. Стал слабым, ранимым, уязвимым. Да и зачастил ты с самоистязаниями. Который раз за последнее десятилетие бьешься?

– Пятый, – сквозь зубы прошипел он, до крови впиваясь ногтями в ладони.

Шаман был прав – он зачастил. Руки забиты по самые запястья, на спине осталось совсем немного места вдоль крестца. Дальше придется переходить на грудь или ребра. И большая часть узора появилась за последний век. А что поделать? Каждый ищет свой способ борьбы с беспомощностью. Оле, вон, уходил в пьяный угар, трахал все, что видит, а потом месяц ходил, краснея, как вареная свекла от собственных воспоминаний. А Тод калечил себя чужими руками. Несильно, просто чтобы проораться от души. Правда раньше он мог выдержать гораздо дольше. Два-три часа, а то и все четыре. И хватало этого лет на десять-пятнадцать спокойствия. Теперь он с трудом мог продержаться час. И повторять ритуал приходилось все чаще. Может у него просто развилась зависимость? Или он, и правда, стал слабее.

– Хватит с тебя на этот раз, – игла больше не вонзается

в тело. – И так уже всего трясет. Отдыхай, а я чай заварю. Кофе тебе сейчас нельзя. Курить тоже.

Шаркающие шаги старика удалились в сторону кухни. Жнец вытер взмокший лоб. Его и правда трясло. И будет трясти, пока раны от иглы не затянутся. А потом он уснет и проспит весь оставшийся день. Хотя обычно в сне не нуждается. На кухне гремела посуда, лилась вода, шумел закипающий чайник. Через пару минут по квартире разнесся аромат трав. Шаман вернулся с кружками дымящегося варева, протянул одну ему. Он пил горький отвар маленькими глотками. Боль отступала, накатывала сонная одурь.

– Что я тебе должен? – нужно было решить вопрос оплаты, пока он еще соображал.

– На этот раз услугу, – старик шумно прихлебывал отвар из своей кружки. – Есть один человек, духи показали мне его. Ты должен забрать его в ближайшее время. Приведи его ко мне. Он станет моим преемником.

– В каком смысле «приведи»? Тебе нужен его дух? Это не в моей компетенции.

– Нет, он нужен мне живым. Не дай ему умереть и приведи ко мне. Это ты можешь сделать.

– Могу. Но не должен, – он отставил пустую кружку. – Это против правил. Я не имею права нарушать ход истории, вмешиваться в жизни смертных. Попроси о чем-нибудь другом.

– Мое время на исходе, – в глазах Шамана клубилась Тьма. – И ты это прекрасно знаешь. Кто будет спасать тебя

от себя самого, когда ты расскажешь мне свою сказку? Твоя опальная богиня? Для нее ты всего лишь игрушка. Наиграется и бросит. Такие, как они, никогда не интересуются чем-то слишком долго. И нигде не задерживаются. Скоро им наскучит этот Город и их милая игра. А ты останешься здесь. Один. С изодранным сердцем. И некому будет превратить твою душевную боль в такую простую и понятную физическую. Мне нужен ученик. И только этот человек мне подходит. Одно маленькое нарушение никто не заметит. Поверь, у Них сейчас есть дела поважнее. Твои сестры об этом позаботились, чтоб их!

– Почему ты сам не можешь это сделать?

– Посмотри на меня, Смерть. – Шаман печально улыбнулся, раскуривая трубку. – Я стар и слаб. Я физически не смогу оббежать весь город в поисках нужного человека. А что, если я опоздаю и он умрет? Видения не похожи на инструкцию по сборке мебели: в них нет конкретики.

– А я в таком случае как его узнаю? – он с трудом ворочал языком. Хотелось лишь одного: упасть лицом в подушку, закрыть глаза и позволить телу бросить все ресурсы на восстановление.

– Поверь, узнаешь. Рыжий парень с двумя смертями. Такое не пропустишь.

Рыжий, значит? Опять рыжий. Оставалось надеяться, что этот парень не такой псих, как огневолосые родственнички Тода. Иначе Шаману не позавидуешь. Но это не его пробле-

мы. Или его? Голос Шамана заполнял внезапно опустевшую голову. Слова отдавались внутри ударами колокола, становились его мыслями, замыкались в кольцо. Ему нужен Шаман и его ритуалы. А Шаману нужен ученик. И плевать, что для этого придется нарушить правила. Один раз можно.

– Хорошо, я приведу тебе нужного человека.

– Договор? – Шаман протянул руку для пожатия. На ладони мягким золотом светились смутно знакомые символы. Где-то он их уже видел, но из головы вылетело все, кроме данного обещания.

– Договор, – он пожал протянутую руку.

Он проспал до заката. Проснулся с тяжелой головой и смутным ощущением, что сотворил какую-то хрень. Потом в памяти всплыл разговор с Шаманом и все встало на свои места. Он пообещал старику нарушить правила. Он скрепил обещание духовным договором. Руны все еще слабо мерцали на его ладони. Что будет, если он нарушит договор? Смогут ли обманутые духи ему навредить? А если они обратят свой гнев на его близких? На Оле, на Янку, на эту глупую девочку из магазина в конце концов. Выяснить это опытным путем не хотелось. Хотелось как следует дать себе по башке, чтобы впредь думал с кем и в каком состоянии болтать. Чем Шаман его напоил? Раньше так не срубало. Даже после трех часов забивки.

– Что ж, – он застегнул куртку, взял запасной шлем и

вышел из подъезда. – Раз собрался нарушать правила, хотя бы получи от этого удовольствие. Пожалуй, стоит прокатить барышню до дома. Погода сегодня почти весенняя. Это даже сложно назвать нарушением. Просто счастливое стечение обстоятельств.

Глава 27

Март. Наши дни.

– Какой-то ты сегодня мрачный. – Яна поставила перед ним наполненную кофе термокружку.

Оле окинул взглядом свой ярко-сиреневый свитер, лимонно-желтые широкие штаны и бирюзовые кроссовки. Стеганная жилетка в фиолетово-желтый ромбик лежала на соседнем табурете вместе с радужным зонтом.

– Да вроде нормальный. Или я где-то обронил вкус?

– Я не про одежду, – улыбнулась Яна. – а про тебя самого. У тебя же на лице написано «Не влезай, убью!». Как-то это не в твоём стиле.

И эта туда же! В твоём, не в твоём. Чего они все привязались к его стилю?

– А что в моем? – буркнул Оле.

– Позитив и улыбка до ушей.

– Ага, хоть завязочки пришей.

Яна перестала хлопотать за стойкой, поставила локти на столешницу, положила подбородок на сцепленные пальцы и посмотрела на него мудрыми зелеными глазами.

– Что у тебя случилось?

– Да ничего особенного, – вздохнул Оле. – Просто с сосе-

дями повздорил. Внешний вид мой им не нравится. Говорят, что выгляжу как баба или как ...

– Гей? – Яна подобрала более толерантный аналог данного соседями определения.

– Ага. Я, видите ли, своими яркими шмотками и длинными волосами детей с пути истинного сбиваю. К зонтику прикопались. Чего-то я им там пропагандирую. Про цветной маникюр вообще молчу. Как будто нетрадиционная сексуальная ориентация – это болезнь, которой можно заразиться, если долго смотреть на радугу. Короче, достали! Просили мимо детской площадки не ходить, прикинь?

– Да уж. – Яна покачала головой. – Знали бы они, чем ты занимаешься, накатали бы письмо в органы опеки. Ибо нельзя такого развратника к детям подпускать! Да еще и ночью.

– Вот тебе смешно, а меня уже неделю соседская гопота в подворотне караулит. Хочет научить уму-разуму. Хорошо, что я умею людям глаза отводить и возвращаться домой незаметно. И ладно бы я правда что-то пропагандировал или пытался так продемонстрировать свою принадлежность к чему-то. Можно было бы даже считать себя пострадавшим за идею. Но я просто одеваюсь так, как мне нравится! Слушай, может я правда как-то неправильно выгляжу?

– Да нормально ты выглядишь! Получше многих. И вообще, если люди судят встречных по одежке и вешают ярлыки, то это у них проблемы, а не у тебя. Не обращай внимания на идиотов. – Яна вернулась к своим делам. – Но знаешь, я

удивлена. Не думала, что тебя этим можно разозлить. Я вообще не думала, что тебя можно разозлить хоть чем-то.

– Легко, если честно, – через силу улыбнулся Оле, отпивая кофе. – Я вообще очень вспыльчивый. Правда, обычно держу себя в руках. Злюсь только на брата. Или на тех, кто его обижает. Потому что этот идиот не умеет постоять за себя. С виду весь такой мрачный жнец, а на деле пушистый кролик. Предпочитает все решать дипломатией, всем угождать, никого не обижать даже в ущерб себе. А потом... А, ладно! Это его дело.

– Ты сейчас на него особенно похож. – улыбнулась Яна.

– Даже не знаю: считать это комплиментом или оскорблением. – грустно хихикнул Оле.

Он любил брата. Со всеми его заморочками и недостатками. Но привычка близнеца платить за чужие глупости собственной кровью его самую малость бесила. До дрожи пальцев и зубовного скрежета. По этому поводу Оле частенько хотелось втащить либо обидчикам брата, либо ему самому, чтобы не был таким тихоней. Но он старательно сдерживался. Потому что знал, чем все может закончиться. Знал, каким он бывает в гневе. Где-то глубоко внутри него, под оберткой из искрометной радости, придурковатости и ярких красок, спал очень неприятный тип. И лучше его не будить. Хотя в последнее время Оле все чаще чувствовал, как тот ворочается с боку на бок, готовый в любой момент открыть глаза.

– Знаешь, ты права: черт с ними, с идиотами! – Оле улыбнулся во все тридцать два, стараясь натянуть на лицо беззаботный вид. – Сделай мне лучше еще кофейку с собой. И для Ольки лавандовый раф. А то она мне голову оторвет, если вернусь с пустыми руками. Иногда мне кажется, что в душе она самка богомола.

– Вы все еще вместе? – Яна принялась колдовать у кофемашины. – И долго ты еще собираешься ей врать? Ты же прекрасно знаешь, чем это кончится: чем сильнее привыкнешь, тем сложнее будет отпустить, когда это станет необходимым. А отпустить придется. Или ты собираешься ей все рассказать и надеешься, что она поймет и примет? В таком случае ты явно заигрался в человека.

Да что ж такое! Почему всем вдруг так резко приспичило учить его жизни? Как будто он балбес малолетний, ничего не понимающий. Неужели он производит на окружающих такое впечатление? Сначала брат, потом какие-то непонятные левые люди, теперь еще и Янчик.

– А вот ты сейчас похожа на Яна. – отшутился Оле. – И воспринимай это как хочешь. Ладно, не скучай!

Он накинул жилетку, повесил на руку зонт, подхватил свою термокружку и картонный стаканчик с лавандовым рафом и бодрой походкой вышел на улицу. Яна была права. Да она всегда права, если уж на то пошло. А в этот раз права особенно: он заигрался. Хотя и понимал, что закрутить роман с человеком это все равно, что завести хомячка: умом

понимаешь, что он сохнет от старости через пару лет, если не угробится раньше каким-нибудь тупейшим способом, но все равно заводишь. Опять и опять.

У Оле было много женщин. Приятная внешность, легкий характер, любовь к тусовкам – все это превращало его в лакомый кусочек для девушек. А он и не сопротивлялся. Идеально, если барышню устраивали отношения на месяц-другой без всяких обязательств. Но вот когда она начинала тащить его под венец, строить планы на старость и обсуждать имена их будущих детей, Оле хотелось бежать. И он сбегал. Устраивал скандал на пустом месте, показательно изменял и не скрывал своей вины, разыгрывал спектакль с переездом на край света. Разве что собственную смерть еще не инсценировал. Исключительно из уважения к брату и его работе. С Олькой они были вместе уже почти полгода. И то, что поначалу выглядело шуткой, грозило перерасти в нечто большее. Нечто, чего ему совсем бы не хотелось.

– Ну здорово, петушило! – пробасил кто-то у него над ухом.

Оле вынырнул из раздумий и удивленно огляделся. Вот же, блин! Отвлекся и перестал следить за обстановкой! Его окружили четверо верзил, в чей мужественности не усомнился бы даже самый придирчивый зритель. Широченные плечи, толстенные руки, пивные животы, стрижка под машинку и рожи кирпичом с многочисленными следами бурной молодости. А еще растянутые черные треники и унылые

темные куртки. Видимо, вот так должен выглядеть настоящий мужчина по мнению общественности.

– Привет, ребята! – лучезарно улыбнулся Оле. – Можно я пройду?

– Ты погляди, какая фифа! – хохотнул один, видимо главарь борцов за нравственность. – Косички заплела, ноготочки накрасила, принарядилась. А в стаканчике у нас что? Угостишь дядю, девочка?

И он резким ударом выбил у Оле из руки стаканчик с рафом. Стаканчик шлепнулся на тротуар. Кофе белой лужицей растекся по грязному асфальту, добавляя к ароматам подворотни нотки лаванды. Несколько крупных капель угодили Оле на кроссовки и штаны.

– Вот, блиин! Мои любимые кроссы! – простонал Оле. – Мужики, ну вот зачем вы так?

– Ой, она сейчас расплачется! – заржал второй верзила. – Может еще и хахалю своему пожалуешься? – и он ощутимо толкнул Оле ладонью в грудь.

– Ребят, не надо, а? – Оле с трудом сдерживался. – Для вашего же блага, так сказать. Не нужно меня злить. Я в гневе неприятен. – процитировал он персонажа одного из любимых фильмов. – Не будите во мне зверя, он вам не понравится.

– Слышь, соска! Рот свой закрой! – главарь замахнулся, чтобы ударить кулаком в лицо.

Оле ловко перехватил его руку, заломил мужику за спину

и заставил того согнуться пополам от боли.

– Я же просил не будить во мне зверя, – прошипел он в ухо верзиле. – Слышал присказку, что Сон это маленькая Смерть? Так вот: она про меня!

И он обвел остальных мужиков тяжелым взглядом. Те испуганно попятились. Еще бы: глаза у него сейчас, должно быть, страшные. Черные, без зрачков и белков. Сны бывают не только приятными. Временами под закрытыми веками людей подстерегают настоящие кошмары. И Оле отлично умеет их насыщать.

Четыре жлоба нестройно храпели могучим басом. Они раскинулись прямо на грязном асфальте в подворотне, сраженные наповал внезапной сонливостью. Храп время от времени прерывался стонами, а руки то отбивались от кого-то, то пытались что-то поймать. Ноги временами дергались, будто бедолаги куда-то бежали. Оле с улыбкой смотрел на дело рук своих. Наверное, сейчас он был похож на хищника после удачной охоты. Вот только есть добычу он не собирался. Пусть поспят. Когда проснуться, будут отчетливо и в мелких деталях помнить худший кошмар в своей жизни и еще долго бояться закрыть глаза. А вот его забудут напрочь. Даже не вспомнят, как оказались в этой подворотне. Лучший способ борьбы с отморозками, проверенный веками.

Да и не только с отморозками. Олька тоже про него забудет. Вот прямо сегодня. Он соберет свои вещи, чмокнет ее

спящую в лоб на прощание и тихо уйдет. Когда проснется, она будет уверена, что сама сняла эту квартиру еще осенью и с тех пор живет в ней одна. И квартирная хозяйка будет думать так же, об этом Оле тоже позаботится. Придется, конечно, искать другую хату, но это не страшно. На крайний случай, поживет пока у брата. Тому не помешает компания кого-то менее угрюмого. Зато хомячок спокойно доживет до старости, считая свою коротенькую жизнь почти бесконечной.

Оле с тоской посмотрел на лужицу лавандового рафа, отряхнул штанину и зашагал к теперь уже чужому дому.

Глава 28

Март. Наши дни.

– Хреновая идея. – он с наслаждением затаился и выпустил в ночное небо облако табачного дыма. – Такая доза снотворного тебя почти наверняка убьет. Точнее, наверняка, с учетом безлюдности сквера в это время суток.

– Вы это мне? – парень, застывший у перил смотровой площадки затравленно вертел головой.

Совсем мальчишка. Чуть волнистые рыжие волосы, потертые синие джинсы, ветровка с модным принтом, дорогие зимние ботинки. Типичный представитель зумеров. Решивший завершить свой путь самоубийством. И две смерти, перекрывшие одна другую. Словно кто-то сделал запись поверх уже отснятой киноплёнки. Мешанина из образов, от которой заболела голова. Он такое видел в первый раз, хотя и знал причину этого явления – несбывшаяся смерть. Точнее, смерть, которой не должно было случиться. Что же натворил этот пацан? А точнее, что с ним сотворили?

– А ты видишь здесь кого-то еще? – тот, кого называют Смертью, умело скрывался в тених за спиной своей жертвы.

– Я вообще почти нифига не вижу! – огрызнулся парень и добавил полусшепотом: – Точнее, вижу не то, что нужно.

– И поэтому решил нажраться таблеток, прибавив мне работы?

Они стояли на смотровой площадке с видом на море на окраине маленького ухоженного парка. В хорошую погоду отсюда открывался потрясающий вид, но небо, как назло, затянули тучи и вода внизу напоминала чернильную лужу на полу в темной комнате. Да и ветер с моря не добавлял удовольствия от созерцания пейзажа: пробирал до костей, швырял в лицо мелкую водяную пыль с соленым привкусом и запахом тухлой рыбы. Отличная ночь, чтобы умереть, просто, блин, идеальная!

Парень девятнадцати лет от роду сжимал в одной руке горсть снотворного, а в другой – бутылку водки и пялился в темноту невидящим взглядом. Тот самый уникальный человек, которого так хочет получить Шаман. Человек, которого он должен отговорить от самоубийства, нарушив главное правило жнецов: никогда не вмешиваться в ход истории.

– Слушай, мужик, – парень продолжал пялиться в темноту, – Шел бы ты своей дорогой, а? Тебя сюда не звали и никто не просил меня спасать.

– А вот тут ты ошибаешься. – он отшвырнул окурок и тот рассыпался пеплом прямо в полете. – Звали и просили. Кое-кому дорога твоя жизнь. Настолько, что он заставил меня ее сохранить. Подлым обманом, между прочим, заставил.

– Да кому я нафиг нужен! – огрызнулся парень. – Слепой шизофреник с глюками. Любящим предкам на меня плевать,

а девушка бросила как только проблемы со здоровьем начались. Стерва эгоистичная! Так что ты мне зубы не заговаривай. Я уже все решил.

– Глюки, говоришь? – он осторожно, без резких движений, подошел к перилам и встал рядом с парнем на расстоянии вытянутой руки. – Дай угадаю: видишь то, чего быть не может? Некоторые люди кажутся тебе чудовищами, по улицам бродят непонятные жуткие твари, двери возникают прямо в пустых стенах и так же внезапно исчезают? А может ты еще и голоса слышишь? Плюс к этому стремительно падает зрение, а врачи лишь пожимают плечами и списывают все на травму головы?

– Откуда ты все это знаешь?! – парень резко развернулся к нему лицом и в ужасе отшатнулся. – Твою мать! Ты кто такой!

– Можешь называть меня Смертью. – ухмыльнулся он.

Он прекрасно знал, что увидел потенциальный заклинитель духов: человеческий скелет, облаченный в балахон, будто сотканный из черного дыма. И холодный зловещий свет в пустых глазницах. Слегка устаревший, давно не используемый, но отлично узнаваемый облик жнеца. Облик, который способен увидеть лишь тот, кто одной ногой в загробном мире. Как же давно он его никому не показывал? Лет четыреста точно.

Минута и видение рассеялось. Парень потряс головой, явно думая, что снова словил глюк. С перепугу он выронил

таблетки и бутылку. Считай, полдела сделано. Осталось закрепить результат.

– Понравилось? – спросил он, дружелюбно улыбаясь белому как свежий снег парнишке.

– Это какого черта сейчас было? – прохрипел тот. – Ты че, реально Смерть?

– Реально. Более того, я пришел за тобой. И по-хорошему, должен был просто дождаться, когда ты тихо окочуришься на лавочке, а не вести беседы о вреде снотворного. Но один хитрый дядька очень хочет взять тебя в ученики. И поэтому я нарушаю правила. Совершаю, так сказать, должностное преступление. По голове меня за это не погладят. Так что давай хотя бы ты не будешь доставлять проблем?

– Ну так не нарушай. – парень пожал плечами и полез в карман ветровки за оставшимися таблетками. – Сядь в теньке, подожди. И все будут счастливы.

– Я бы рад, но не могу. – он снял перчатку, демонстрируя клеймо на ладони. – Видишь эту закорючку? Это духовная черная метка. Как у пиратов. Если я тебя не приведу, обманутые духи меня сожрут. Ну или не меня, а тех, кто мне дорог. Так что давай без фокусов. Не заставляй меня тащить тебя в оковах поперек седла. И вообще, неужели ты не хочешь узнать, что с тобой происходит и как с этим жить?

– А ты, типа, знаешь? – недоверчиво прищурился парень.

– Знаю. Ты не сошел с ума. Это не шизофрения и не последствия перенесенной травмы. – он достал сигарету и

щелкнул пальцами, создав язычок синего пламени. Дешевый фокус, но эффектный. – Просто ты почти умер, уже перешагнул порог на ту сторону, но в последний момент вернулся. Точнее, кто-то тебя вернул. И теперь ты живешь как бы в двух мирах сразу: в мире живых и в мире духов. И видишь оба этих мира одновременно. Из таких ребят отлично получаются заклинатели духов, а проще говоря шаманы. Правда, человеческие глаза с этим плохо справляются. Поэтому ты слепнешь. Но это не проблема, если знать, чем заменить глаза. Я отведу тебя к тому, кто знает. Он научит.

– Звучит как бред.

– Правда часто звучит как бред. Сигарету хочешь?

– Тоже потусторонние? – усмехнулся пареньь.

– Нет, самые обычные. – он пожал плечами, протягивая пачку. – В круглосуточном у дома покупаю.

– У тебя есть дом?

– Квартира. Съемная. Мне тоже нужно где-то жить. Спать, мыться, есть, стирать носки.

– Не знал, что Смерти нужно мыться и стирать носки. – брови парня стремительно поползли куда-то на макушку. Он потянулся за сигаретой.

– Вот видишь, как многого ты не знаешь.

– И ты готов мне все рассказать? – будущий шаман неумело закурил.

– Не я. Тот, кто будет тебя учить. Если, конечно, ты перестанешь маяться дурью и пойдешь со мной.

– А может это все расплата за мои грехи? – парень вдохнул дым и тут же закашлялся. – Я ведь тот еще козел, если подумать. – продолжил он отдышавшись. – Вечно влезаю в неприятности и других за собой тащу. Будь у меня ангел-хранитель, ему бы молоко полагалось за вредность. Я ведь и по башке получил по собственной глупости. Точнее, из-за собственной борзости. Из-за меня чуть друга не убили. Правда, я его собой закрыл. Сам не знаю, что на меня нашло. Будто кто-то другой меня в тот момент контролировал. До сих пор не понимаю, что тогда со мной случилось. Может мне и это объяснят?

Он кивнул и в упор посмотрел на парня. Тот на секунду завис, встретившись с ним взглядом. Ну да, тот самый гипнотический взгляд жнеца. Последний аргумент, чтобы подкрепить решимость пациента. Но он прекрасно видел, что в этом уже нет необходимости. У Шамана будет ученик. А что за это будет с ним? Он перевел взгляд на море под ногами: на воде плясала золотистая полоска. Тучи разошлись и полная луна висела в небе спелым апельсином. Янка режет такие на кружочки и сушит в духовке. Иногда он таскал их из банки на стойке и закусывал горький кофе. Янка так смешно на него ругалась и шлепала по рукам. Интересно, кто сегодня за стойкой? Он не успел заехать в бар перед сменой. Хорошо бы наведаться утром. Если позволят.

Утро выдалось на редкость противным. Ясным и по-зим-

нему морозным. Весна не спешила сменить на посту сестрицу. И солнце не грело, а только слепило глаза. Ему пришлось прищуриться, чтобы разглядеть фигуры, возникшие на его пути. Трое в долгополых черных рясах с капюшонами. Без сомнения жнецы, но кто конкретно не понять под облачением. У одного в руках оковы, у двух других – ритуальные косы. Вот и конвой. А пафосу-то сколько!

– Ты нарушил правила. – сказал один.

– Вмешался в судьбу человека. – продолжил второй.

– Тебя будут судить. – закончил третий и протянул ему наручники.

Оле на его месте начал бы оправдываться. Доказывать, что он не верблюд, переводить стрелки, требовать «своего авокадо» и стараться превратить все в фарс. Может даже попытался бы сбежать или полез в драку, как он это умеет. Он в красках представил себе эту картину и невольно улыбнулся, чем вызвал тихое «Хмм?» жнеца с оковами. Будь здесь Оле, возгласы были бы куда громче. Возможно, даже нецензурные. Хорошо, что его здесь нет.

Он не стал сопротивляться. Вытянул вперед руки, позволил защелкнуть на запястьях замки и скрестить перед грудью лезвия кос, хищно сверкнувших на ярком солнце. Свободный жнец провел рукой по боку мотоцикла и серебристо-серый конь нервно встал на дыбы под взглядом чужака. Жнец спокойно поймал уздечку и подвел жеребца к их живописной группе. Больше они не сказали ни слова. Только

Тьма поглотила весь мир, когда они сделали шаг в пустоту преисподней.

Глава 29

Март. Наши дни.

День не задался с самого утра. Надя с трудом продрала глаза, облилась горячим чаем, из-за этого разбила любимую чашку и чуть не навернулась на коварном весеннем ледке. Чудом не опоздала на работу, хотя и пришла впритык к началу смены. Яна встретила ее улыбкой сомнамбулы, будто пребывала в каких-то своих невеселых мыслях. Похоже, из-за них она забыла поставить в духовку круассаны и самых ранних посетителей ждал облом со свежей выпечкой. Интересно, что у нее случилось?

Надя навела порядок за стойкой, сунула выпечку в печь и с трудом успела нацепить фартук, когда начали приходить посетители. Сплошь обычные скучные люди и таким плотным потоком, что ей некогда было поесть. Пришлось вызвать в помощь недавно нанятого Джастина. Тот очень удивился, но с улыбкой встал за стойку. Он вообще был очень улыбчивый. И очень милый. Схватывал все на лету и умел найти подход к любому посетителю. И в этот раз он снова ее спас. Лишь под вечер поток иссяк. Под конец смены они откровенно бездельничали, так что Надя отпустила парня отдыхать и принялась убираться.

Ян пришел на удивление рано. И с тем же странным выражением лица, что было с утра у Яны. Может у них в семье проблемы? Родственник какой-то умер или типа того. Ясно же, что они брат с сестрой, хоть и отмалчиваются. Надя только дважды видела их вместе. И оба раза это были какие-то языческие праздники. Почему-то в эти ночи посетителей особо много и оба бармена встают за стойку. Правда, в Самую Длинную ночь, когда Ян внезапно пригласил Надю погулять на ярмарку, Яне пришлось отдуваться одной. От воспоминаний Надя невольно покраснела. Да, все вышло не так, как она рассчитывала, но все равно было здорово. Захотелось как в романтических комедиях прижать руки к груди и издавать смешные звуки умиления. Но это показалось ей совсем неуместным. К тому же в зал вошел посетитель.

Надя уже видела этот смешного мужичка в мятой фетровой шляпе. Он заходил редко, но всегда сидел допоздна. Садился обычно за стойку и долго болтал с Яном. А вот в смены Яны его никогда не было. Видимо, он как-то прознал расписание барменов и ходил к своему любимчику. Но сегодня он вел себя странно. Сел за столик в углу, ничего не заказывал и пялился на Надю, когда думал, что она не видит. С Яном даже не поздоровался.

– Я тогда пойду? – спросила Надя, снимая фартук.

Ян рассеянно угукнул в ответ, даже не взглянув в ее сторону. Не то, чтобы Надя чего-то ждала: она видела, что он влюблен в унылую девицу-медсестру. Но видеть бармена в

подобном состоянии было очень непривычно. А все непривычное заставляло ее нервничать.

– Близнецы не заходили? – спросил вдруг Ян, когда она уже почти зашла в подсобку за вещами.

– А должны были? Они обычно попозже приходят.

Надя прекрасно понимала, о ком идет речь и слегка удивилась вопросу. Братцы и правда обычно приходили позже. Точнее, это Ян сегодня пришел слишком рано.

– У тебя все хорошо? – не выдержала Надя напряженного молчания. – Яна с утра тоже была в расстроенных чувствах. Случилось чего?

– Все путем. – натянуто улыбнулся Ян. – Не обращай внимания.

– Как скажешь. – пожала плечами Надя. – Тогда доброй ночи.

Она забрала пальто и сумку, переобулась в уличную обувь и направилась к выходу. На прощание кивнула мужичку за столиком, который продолжал на нее пялиться. Жорж, его зовут Жорж. Ян в шутку называл его Наседкиным из-за слишком надоедливой жены. Кажется, она его совсем загнобила. Может, потому он и уселся в уголке, что не хотел рассказывать при Наде? И смотрел на нее, мечтая, чтобы она поскорее ушла. В любом случае, теперь ему никто не мешает. Обидно только, что Ян сегодня какой-то сонный.

Надя свернула в тихий переулок, чтобы срезать путь домой, и по ее спине пробежали мурашки. Обычно здесь горел

фонарь над служебным входом магазина одежды, но сегодня почему-то было темно. Лишь с улицы в арку пробивался свет и Надина тень унылой кляксой растянулась в желтом пятне на обледеневшей мостовой. Все-таки март в их краях считался весной лишь на бумаге. Надо бы ступать осторожно, чтобы снова не навернуться на льду.

Огни соседней улицы призывно маячили впереди. До них нужно было пройти каких-то тридцать или сорок шагов по темному проулку, но Надя не могла сделать и одного. Что-то словно мешало ей войти в темноту. Может лучше вернуться и обойти по нормальной дороге? Мало ли что там притаилось во тьме?

– Ты чего, мать? – вслух упрекнула себя Надя. – Просто лампочка перегорела, вот и все. С каких это пор ты боишься темных подворотен?

Надя их и правда не боялась. А с тех пор, как вступила в игру с Городом, воспринимала их как сундуки с сокровищами. Именно в таких невзрачных и неприветливых на вид местах скрывались самые удивительные секреты. И Надя быстро научилась их находить. Может и на этот раз Город приготовил ей новый сюрприз и погасший свет лишь проверка на прочность? Наверняка так и есть. Она всмотрелась в чернильную тьму, будто бы отгородившую ее от шумной многолюдной улицы. Словно она стояла на крошечном островке света в море мрака и смотрела на далекий берег. Почему-то Наде показалось, что стоит ей шагнуть во тьму и ноги поте-

ряют опору. Она полетит в пустоту непроглядной тьмы. Что тогда с ней случится?

Кончики пальцев похолодели, по спине скатилась капля пота, в ушах зашумела кровь. Страх, холодный и липкий, окутал ее с головой. Развернуться и бежать назад к свету! Пока тьма не заполнила все, поглотив ее крошечный остров. Она попятилась, не отрывая взгляда от огней на другом берегу, и внезапно во что-то уперлась спиной. Что-то мягкое и теплое.

– Прошу прощения. – заговорило «что-то». – Я вас не заметил.

Голос показался Наде знакомым. Она развернулась и с удивлением уставилась на Жоржа. А он-то что здесь делает? Вышел прямо вслед за ней из бара? Может сонный Ян не лучший собеседник?

– Ничего страшного. – она мотнула головой. – Это я тут пячусь, как задумчивый рак. Так что извиниться стоит мне.

– Надо же! – воскликнул Жорж. – Да вы же Надя! Мы же только что простились в баре. Вы тоже ходите этой дорогой?

– Да. Так короче. Правда, обычно тут не так темно.

– Это точно. – Жорж печально улыбнулся. Кажется, он по-другому просто не умел. – Ну теперь нас двое. Так что будет не так страшно.

Он решительным жестом приобнял Надю за плечи и слегка подтолкнул вперед. Ей даже мысли не пришло сопротивляться. Влекомая его движением, она сделала шаг в темно-

ту. Потом еще один и еще. Когда они были уже на середине темного проулка и их со всех сторон окружал непроглядный мрак, что-то в Жорже вдруг переменялось. Его рука на плече стала тяжелее, хватка – крепче, дыхание над ухом горячее и порывистее. Резким и на удивление грубым движением он развернул ее к себе лицом и вместе с ней шагнул к стене. Надя спиной ощутила холодный, чуть влажный кирпич.

Руки Жоржа прижимали ее плечи к старой кладке с такой силой, будто бы хотели проломить ею стену. Он смотрел ей в глаза и глаза его слегка светились в темноте за стеклами очков. Фетровая шляпа слетела, обнажив лысеющую голову. Его губы растянулись в улыбке и Надя ощутила на лице его ненормально горячее дыхание.

– Вот ты и попалось, порождение. – прошипел он замогильным голосом. – Теперь тебе не убежать и не спрятаться. Как же вкусно ты пахнешь!

Жорж втянул ноздрями воздух и Наде показалось, что из нее высасывают душу. Огоньки глаз Жоржа стали расплываться, в ушах опять зашумела кровь, по телу разлилась пугающая слабость. Надя поняла, что просто висит в руках мужчины, а ноги ее больше не держат. Она не могла отбиться, не могла даже позвать на помощь. Она растворялась во тьме, теряла ориентиры и саму себя. И сквозь ужас понимала, что ей это нравится. Как прекрасно стать ничем! Просто частью огромного черного моря. Без страха и боли. Без эмоций и несбыточных желаний. Частью первозданной

Тьмы, из которой она рождена. Тьма пела ей свою песню. Древнюю и вечную, как само Мироздание. Колыбельную для раненой души. Словно сотни колокольчиков звенели в унисон, создавая безупречную гармонию.

Но вдруг в эту чудную мелодию ворвался чей-то голос. Крик на незнакомом языке. Грубый и определенно угрожающий. Песня темноты прекратилась. Жорж истошно завизжал у нее над ухом, его руки ослабли и Надя медленно сползла по стене. Переулок осветился яркой вспышкой голубого пламени. Будто кто-то поджег алкоголь. Может это Ян готовит один из своих убойных коктейлей? Правда, его пойло горит не так ярко.

Надя повернула голову. На островке света у входа в переулок стоял человек. Свет из-за спины не давал разглядеть его как следует. Но судя по длинной бороде он был не молод. Он произнес еще какие-то слова и новые вспышки синего пламени сорвались с его рук. Они вонзились в тело Жоржа и тот с мерзким визгом выгнулся дугой под неестественным углом. Из рта, ушей и носа повалил вонючий дым. Глаза, зло глядящие во тьму, постепенно тускнели. Чтобы это ни было, оно погубило в языках этого жуткого пламени.

В наступившей тишине раздались шаги на улице. Высокая поджарая фигура вбежала в подворотню и застыла в круге света. Ян! Без куртки, в барном фартуке. В одной его руке светился посох, в другой – ключи на металлическом кольце. А на голове поверх волос сиял лавровый венок.

– Надя! – заорал он, выставляя вперед посох.

– Опоздал, демиург. – хрипло усмехнулся человек с бородой. Ну да, по голосу он точно старик. – Я уже все сделал за тебя. Так что убери свою палку, не пугай девчонку раньше времени.

Посох и связка ключей исчезли. Погас и лавровый венок. Ян уверенной походкой направился к ней, взмахом руки зажигая погасшую лампочку. Надя так обессилела, что даже удивиться не сумела. Зато наконец-то разглядела сцену боя. Рядом с ней неопрятной кучей лежало тело Жоржа. Признаков жизни он не подавал. У входа в переулок стоял старик такой яркой наружности, что его можно было разглядывать долго. Седая борода до пояса, дреды из седых волос, десятков бус и амулетов. И непроглядная живая тьма в глазах. Такая же, в какой она сейчас тонула.

– Ты в порядке? – Ян загородил ей обзор, опустившись рядом с нею на колени. – Как себя чувствуешь?

Чувствовала она себя не очень. Но отвечать на вопрос не хотела. Она хотела задавать свои.

– Ян, это что сейчас было такое?

– Ёкай. Или попросту демон. – вместо Яна ответил старик. – Злобный дух, пожравший тень этого несчастного и завладевший его телом. Он и твою тень хотел сожрать. Такие, как ты, для него особое лакомство.

– Такие, как я? Демон, сожравший тень? – Надя не поняла и половины сказанного. – А что теперь будет с Жоржем?

– Увы, он мертв. – Ян пощупал пульс мужичка, заглянул ему в потухшие глаза. – Когда демон съедает тень, жертва почти всегда умирает. Жаль.

– Тебе жаль, демиург? – прорычал старик. – А не ты ли сам довел его до этого? Зачем ты поил его своими зельями? Зачем перекраивал судьбу несчастного? Хотел поиграть со смертным, как вы это любите делать?

– Ян, о чем он? – спросила Надя. Но старик и слова не давал сказать.

– Видишь до чего ты довел этот город, Янус! Какую мерзость сюда приманил! Для чего? Просто от скуки? И порождение тоже от скуки себе прикарманил? Наслаждался ее безответной любовью! Может быть хотел пустить ее в очередной коктейль?

– Замолчи. – прошептал Ян. – Надя, не слушай его! Он сумасшедший. Я все объясню.

Но было уже поздно объяснять. Надя с ужасом смотрела на любимого и в голове ее крутился лишь один вопрос:

– Что вы такое, Ян? Что такое ты и Яна?

– Всего-навсего древний языческий бог, – поспешил ответить старик. – Янус Двуликий. Слышала про такого?

Надя слышала. А точнее, читала в учебнике истории. Древнеримский бог-демиург. Един в двух лицах. Выходит, он не человек?

– Значит ты все знал? – спросила Надя. – С самого начала знал, что в мире существуют демоны? И прочие потусто-

ронние создания. И когда я говорила, что живу как в сказке, ты тоже знал, что это правда. Но молчал и хитро улыбался. Выходит, мне не померещилось? Все эти ангелы, русалки и прочие фантастические твари действительно приходили к нам за кофе?

Ян молча кивнул и стыдливо отвел взгляд.

– Значит Оле, – вдруг осенило Надю. – Это тот самый Оле Лукойе из сказки? Настоящий? А его брат тогда выходит...

– Смерть. – закончил за нее Ян. – Да. Они все настоящие. Мы действительно бог. Я и Яна. Две личности в одном теле. Прости! Нужно было сразу тебе рассказать. Ты бы поняла. Ты бы...

– А я тогда кто? – прервала его Надя.

– Скорее, «что», а не «кто». – снова вмешался старик. – Ты, дорогая, порождение этого Города. Его воплощенная Надежда на светлое будущее. Можно сказать, его дочь. И при должном воспитании можешь стать почти что всемогущей сущностью.

– И ты это знал? – Надя повернулась к Яну. Она пыталась заглянуть ему в глаза, увидеть в них раскаяние, но он упорно отводил взгляд. – Знал и не сказал мне! Выходит, ты и в самом деле меня просто использовал?

– Зачем? – прошипел Ян. – Зачем ты это делаешь, Шаман? Чем мы тебе не угодили?!

Он явно обращался к старику, но тот исчез, будто его и не было. О нем напоминал лишь запах благовоний, витавший

в переулке. Ян развернулся, сел на землю и привалился спиной к стене. Он прикрыл глаза ладонями, словно смертельно устал. Надя молча сидела рядом. Впервые они были так близко и совсем одни. Раньше она бы этому обрадовалась. Сердце бы забилося чаще в предвкушении. Она бы постаралась вроде бы случайно прикоснуться к Яну, ощутить тепло его кожи. Но теперь ей хотелось отодвинуться подальше. Будто рядом с ней сидел опасный монстр. Жуткое чудовище, готовое проглотить ее в любой момент. Надю передернуло. Ян убрал ладони от лица, посмотрел на нее с сочувствием. Он хотел коснуться ее руки, но Надя резко отстранилась.

– Не трогай меня! Не смей ко мне прикасаться! И не вздумай меня преследовать!

На негнущихся ногах она вскочила и поковыляла вдоль стены. Так быстро, как могла себе позволить. Тело еще плохо ее слушалось. В глазах то и дело темнело. Но она упрямо шла к широкой освещенной улице, выходящей на набережную. Оттуда до дома рукой подать. А там она закроет двери на замок и не позволит никаким чудовищам к ней подобраться.

Она лишь раз оглянулась в переулок. Ян все так же сидел у стены, уткнувшись лбом в колени. Наде показалось, что он плачет.

Глава 30

Март. Наши дни.

Колокольчик мелодично звякнул и Ян нервно дернулся в сторону двери. Но это оказался всего лишь Миклаш-оборотень. Своей обычной неуклюжей походкой он протопал к стойке, заказал большой капучино и сендвич с овощами гриль (оборотень был вегетарианцем) и неспешно удалился по своим делам. Джастин помахал ему на прощанье, убирая чаевые в особую банку на стойке. Всю эту неделю он дежурил один – Надя так и не вернулась. Ян даже ходил к ней домой, но она не открыла. Он надеялся, что просто заперлась в квартире и никого не хочет видеть, а не попыталась уехать из Города. Потому что этот трюк может стать для нее смертельным. Порождения вне Города не живут.

«Не волнуйся», – попыталась успокоить его Яна. – «Раз кот Шамана ошивается поблизости, значит она дома».

Логика в ее словах определенно была. Рыжий котяра, всегда сопровождающий Шамана, действительно бродил неподалеку от квартиры Нади. Явно тоже ее караулил. Оставалось понять зачем: просто защищал или старику от нее что-то нужно? Хочет заслужить ее доверие, играя роль наставника? Ту роль, которую сам Ян не смог сыграть?

«Вот только не нужно себя грызть!» – вздохнула Яна. – «И без твоей депрессии проблем хватает. Сколько уже прошло?»»

Яна имела в виду близнецов. Братья не появлялись уже пять дней. С того самого странного утра. Тогда сначала Оле был в растрепанных чувствах из-за ссоры с соседями, а на рассвете жнец заехал сам не свой. Смотрел на Яну так, словно пытался на всю жизнь запомнить. Ян даже ментально покраснел от этой сцены. И очень остро ощутил себя здесь лишним. А еще он ощутил тревогу Яны и обреченность, исходящую от Смерти. Очень хотелось спросить «Что ты натворил?», но он бы точно не ответил. А в том, что этот белобрысый что-то натворил или как минимум планирует, можно было не сомневаться: с таким лицом приходят попрощаться. И, скорее всего, навсегда.

С тех пор братья не появлялись. А Яна заперлась в себе и отказалась выходить. Она не то, что не пыталась выиграть ни одну партию, она отказывалась играть, так что Ян уже неделю рулил их телом без перерывов. На третий день Ян не выдержал и отправился на поиски загулявших братцев. Дома у Оле обнаружилась лишь его девушка. Правда, она понятия не имела, о ком ее спрашивают и утверждала, что живет одна уже полгода. Похоже, повелитель детских снов изменил своей подружке память. Значит они расстались, а он переехал. Вопрос: куда? Рассудив логически, Ян поплелся в гости к Смерти. Жнец бы приютил близнеца в любом случае.

Вот только его квартира была пуста. И мотоцикла на парковке не было, что днем случалось крайне редко. Думая, что зря до сих не взял у Оле номер телефона, Ян вернулся в бар и стал просто ждать. Жнец телефоном не пользовался – в его смертоносных руках любая техника очень быстро выходила из строя окончательно и бесповоротно, поэтому его контактов в их с Яной общем смартфоне не было. А записать номер Оле как-то не приходило в голову. Кто ж знал, что однажды придется вот так вот искать двух внезапно пропавших белобрысых олухов? Конечно, можно было попытаться найти аккаунт сказочника в какой-нибудь социальной сети, вот только они сами соцсетями не пользовались, считая их бессмысленной тратой времени. Была бы здесь Надя, она бы точно нашла решение этой задачки. Ян тяжело вздохнул.

– Сегодня шестой день, – ответил он своей второй половине. – Не переживай, объявятся. Может просто по делам уехали куда-то. Мало ли какие у жнецов дела бывают?

«Они бы предупредили». – возразила Яна. – «Оле точно бы предупредил. Он не вынесет, если из-за него кто-то будет нервничать».

– Внезапно уехали, – гнул свою линию Ян. Хотя прекрасно понимал, что Яна права.

Все пошло кувыркком. Вслед за братьями пропала Надя. Но тут хотя бы было ясно, куда она делась. Неясно, что делать в этой ситуации. Девочка его возненавидела. И он эту ненависть вполне заслужил. Нужно было сразу заподозрить

неладное, еще когда она впервые заговорила о своих видениях. Но он был так одержим безответной любовью к Анжеле, что ничего вокруг не замечал. И даже когда Тод прямым текстом сообщил ему, что Надя не человек, даже не подумал как-то с ней об этом поговорить. Ясно же было, что девочка свято верит в свою обычность. И верила до последнего. Даже когда тварь в теле Жоржа ее чуть не съела.

Ян тогда ничего не успел сделать. Он даже не заметил, что с Жоржем что-то не так. Не сразу обратил внимание, что он пошел за Надей. Если бы не Яна, он бы и не шелохнулся. А так рванул за ними в чем стоял, да еще и своими путями. Замерз потом, как собака. Но Шаман все равно оказался быстрее. Он как будто знал, где все это случится, и опередил его с расправой над демоном. Не будь его, Ян спас бы Жоржа. Шансы еще были, но старик шарахнул мощным заклинанием, убивая, а не изгоняя. Хотя сам потом же и набросился на Яна с обвинениями. При Наде. Все ей выложил. В красках расписал картину мира и выставил его злодеем. Разыграл все, как по нотам и исчез.

Когда до Яна дошло, что случилось, у него началась истерика. Он с трудом дождался, когда Надины шаги затихнут, чтобы не расхохотаться при ней. Сидел, уткнувшись мордой в колени, и давился смехом. Его развели, как младенца! От досады захотелось биться головой о стену, что он и делал под мысленные вопли Яны, пока в ушах не зазвенело и искры из глаз не посыпались. Плюсы бытия богом – тебя весьма

проблематично убить. Раны заживают быстро, а смертельные не так-то просто получить. Так что о приступе спонтанного безумия напоминала только шишка на затылке. Да и та сошла через день. А вот последствия разыгранного стариком спектакля аукаются до сих пор.

«Думаешь, он все подстроил?» – озвучила Яна их общую мысль. – «Хотел отдалить от нас Надю? Но зачем?»

– Хотел бы я знать ответ. – Ян спрятал лицо в ладони.

– Чтобы получить ответ, сначала стоит задать вопрос. – Джастин улыбался во все тридцать два жемчужно-белых зуба прекрасного принца.

Этот милый воображаемый друг прижился здесь только благодаря Наде. Без нее он быстро затоскует и превратится в тень. Еще одно звено в цепочке разрушений. Будто кто-то хочет сломать все, что они с Яной долго и кропотливо создавали. Испортить им жизнь, выжить из Города. Если это дело рук Шамана, то зачем ему такие хлопоты? Неужели он считает их настолько серьезной угрозой для горожан?

«Ладно, с Надей он возможно и напакостил. Но на братьев-то он повлиять не мог? Или мог?».

Ян не ответил и ладоней от лица не оторвал.

– Что-то случилось? – встревожился Джастин. – Что-то с Надей? Я ее давно не видел. Может она заболела? Я могу сходить к ней после смены. Только адреса ее не знаю.

– Лучше не стоит. – усмехнулся Ян. Мало ли как она отреагирует на Джастина. Может она теперь всех чудищами счи-

тает? – Она просто попросила отпуск. Скоро вернется.

– Ах, ну тогда я буду ждать ее возвращения! – просиял прекрасный принц.

Колокольчик снова звякнул и Ян снова дернулся. На пороге стоял незнакомый совсем молодой парень и как-то подозрительно осматривался. Джинсы, ветровка, темные очки. С виду человек, но что-то в нем было неправильно. Он бросил взгляд на Яна и уверенно направился к стойке.

– Это ты Янус Двуликий? – с ходу выпалил он слегка дрожащим голосом.

– Смотря кто спрашивает, – огрызнулся Ян. Он не любил, когда к ним обращались полным именем.

– Меня к тебе прислал Шаман. Просил передать тебе это. – и парень вынул из кармана склянку с кровью. – Сказал, ты знаешь, что это такое. А если нужна обязательно свежая, можешь взять у меня сколько нужно.

Ян замер, не решаясь прикоснуться к склянке. Один из компонентов зелья: кровь человека, дважды избежавшего смерти. Отданная добровольно.

– Что ты сделал? – горло вдруг перехватило и получился тихий хрип. – Как ты избежал смерти?

– Не то, чтобы я его избегал. – пожал плечами парень. И ответ заставил их с Яной напрячься. – Он сам не стал со мной возиться. Вместо этого отдал Шаману в ученики. Сказал, что я особенный. А ты и правда бог?

– Кто за тобой приходил? – Ян проигнорировал вопрос.

– Смерть в пальто, – хихикнул парень. – Точнее, в кожанке. Байкер хренов. Чтоб я еще раз сел с ним вторым номером! Хорошо хоть шлем выдал. А их что, много?

– Твою ж то мать! – простонал Ян. – Давно это было?

– Дней пять назад. Не помню точно. Дед меня чем-то накуривал, чтобы я проникся всей этой духовной ахинеей. Я ведь раньше думал, что с ума схожу. А оказалось, духов вижу. Это мне Смерть объяснил. Не такой он и страшный, если подумать. Нормальный чел, хоть и мрачный.

Ян выхватил у парня склянку с кровью. Сжал в руке, аж пальцы побелели. К горлу подступала паника. Не его, Янина. Этот белобрысый идиот все-таки сделал глупость! Зачем? Точнее, по какой причине? Он ведь прекрасно знал, что этим нарушает правила. Знал и все равно нарушил? Что за это обещал ему Шаман? Или чем угрожал? Не стал бы он так рисковать ради компонента для зелья. Или стал? И что теперь с ним будет? Или уже случилось?

Вопросы роились в его голове. И задавал их истеричный голос Яны. Обычно она старалась сдерживать эмоции, но в этот раз потеряла контроль. Ян чувствовал, что голова сейчас взорвется. Он оперся руками на стойку, стараясь не выронить склянку. Вот тебе и «не мог повлиять». Если старший накосячил и огреб за провинность, младший пойдет за ним в любое пекло.

– Эй, ты в порядке? – с неожиданным участием спросил ученик Шамана. – Что-то случилось?

– Ничего особенного, – Ян поднял взгляд на парня. – Просто из-за тебя наш друг, возможно, мертв. А может и два друга.

Парень опешил. Даже отшатнулся, встретившись глазами с Яном. На его лице отразился испуг. Испуг от осознания того, что он стал причиной чьей-то смерти. Похоже, это было ему не впервой. Он уже подставлял кого-то под удар? Может так и избежал первой смерти? Вполне в духе Шамана взять себе такого ученика. С чувством вины и желанием все исправить. Чтобы лучше защищал людей от всяких тварей типа Януса.

– Я не знал, – прошептал парень. – Он что-то говорил про неприятности. Но так мельком, что я не посчитал это чем-то серьезным. Он сказал, что не может иначе. Что-то там про пиратскую черную метку и обманутых духов.

– Вот же тварь! – рявкнул Ян.

Пазл сложился. Шаман каким-то образом заставил жнеца заключить с ним духовный контракт. Теперь понятно, почему он накосячил. Защищал любимых. Вот же идиот сердо-больный!

Яна внутри замолчала. То ли силы кончились, то ли просто впала в ступор. Парень тоже молчал. Только виновато сопел. Ян осторожно убрал драгоценную склянку. Взять у парня кровь, конечно, можно. Вот только он не обещает, что рука случайно не дрогнет – так ему хотелось перерезать горло рыжему нахалу. А точнее, его учителю. Ян не верил, что

Шаман не в курсе отношений Яны со жнецом. Значит это не было случайностью. Еще один укол в больное место.

– Кажется, я не вовремя. – Анжела застыла на пороге. – Что у вас случилось?

Ян даже не услышал, как она вошла. Как всегда, усталый добрый взгляд, любимый безразмерный свитер и аура заботы и внимания. Ангел остается ангелом, даже если сам себя не помнит. Хоть что-то хорошее в этом гребанном дне.

Парень тоже повернулся на голос. Они с Анжелой взглянули друг на друга и та вся словно засветилась.

– Это вы! – воскликнула она с улыбкой. – Ян, этот тот парень, про которого я говорила! Помнишь, из поликлиники?

Забудешь такое, как же. Когда твоя любовь без умолку трещит об анонимном сопернике. Желание зарезать парня стало непреодолимым. Ян сам не понял, когда в руке оказался нож. Бритвенно-острый. Сам точил.

– Вы извините, что я о вас в третьем лице, – между тем щебетала Анжела, застенчиво краснея. – Просто я рассказывала Яну, что встретила вас в гардеробе поликлиники. Вы перчатку потеряли. Вот. – и она достала из сумочки кусок черной кожи. Неужели носила с собой все это время? – Ой, Ян, ты чего?

– Отойди от нее! – прорычал Ян, надвигаясь на мальчишку. – Не смей к ней даже прикасаться! Ты отобрал у нас уже достаточно. Ее я тебе не отдам!

Внутри все кипело от гнева. Будто напряжение, копивше-

еся все эти шесть дней, больше не влезало в одно маленькое человеческое тело. Это не было случайностью! Просто не могло ею быть! Почему преемником Шамана стал именно избранник Анжелы? Почему он пришел именно сегодня, когда у Анжелы ночная смена и она утром должна была зайти за кофе? А может быть и Анжела здесь появилась неслучайно? Кто знает, что еще задумал старый хрен?

«Ян, успокойся!» – проорала Яна. – «Не делай глупостей»!

Но он ее не слушал. Он хотел расквитаться с обидчиком. За все свои потери этих дней. Короткий, выверенный до автоматизма удар должен был рассечь мальчишке горло. От уха до уха. И пусть тогда Шаман ищет себе нового ученика. А может и не ищет. Может шаман будет следующим? Потому что не надо злить Бога!

– Нет!

Анжела влетела между ними, раскинув руки, словно крылья. Но Ян уже не мог остановиться. Все, что он смог, лишь изменить траекторию и вместо горла ударить в сердце. Девушка охнула, схватила его за руку и с удивлением уставилась на торчащий из груди нож. Потом подняла взгляд на Яна. В ее глазах читалось удивление и обида. Она пошатнулась и рухнула на так вовремя подставленные руки рыжего шамана. Тот был удивлен не меньше. Поддержал Анжелу и плавно опустил на пол.

– Как хорошо, что мы успели встретиться, – прошептала

Анжела с улыбкой на стремительно бледнеющих губах. – Кажется, что я тебя всю жизнь искала.

– Нет-нет-нет. – Ян рухнул на колени рядом с ними. Он глупо и беспомощно водил руками над телом девушки и не понимал, что нужно делать. – Прости. Я не хотел!

– Ничего страшного, – улыбнулась ему Анжела и глаза ее наполнились райским светом. – В этот раз я все сделала правильно. Теперь я буду хорошо его хранить.

– Ты вспомнила? – понял Ян. Но ему никто не ответил.

Тело девушки засветилось мягким золотым сиянием и рассыпалось на тысячи крошечных блесток. Они еще с минуту покружили в воздухе, после чего погасли. Ошарашенный парень смотрел на стаю светлячков и на упавший на пол чистый нож и явно не понимал, что происходит. А Яну просто хотелось выть. Что он и сделал, уткнувшись лбом в холодный пол.

– Ты убил человека, – зачем-то сообщил мальчишка.

– Не человека, а ангела. – прохрипел Ян. – И не убил, а освободил из плена человеческого тела. Это было ее наказание за какой-то проступок. Похоже, теперь она твой ангел-хранитель. Радуйся, щенок.

В его голосе больше не было злобы. В нем не было ничего. Как и в сердце, если чувства живут именно там.

– Ой, народ, а что тут происходит? Оно не взорвется?

Джастин, ставший свидетелем всей этой сцены, был напуган явно не убийством. Большими круглыми глазами он

смотрел на разрастающийся круг света из-под стойки. Оттуда, где хранились компоненты эликсира и банка с перышками Анжелы.

– Последний ингредиент. – прошептал Ян.

Он из последних сил встал, добрал до стойки и открыл аккуратную дверцу. Банка с перьями светилась. Вместо перьев в ней плескалась золотистая субстанция, похожая на жидкий мед. Свечение потихоньку гасло, а Ян смотрел, не отрываясь.

– Только какое теперь это имеет значение?

«Даже не думай!» – прорычала Яна, когда поняла, что он собирается вылить субстанцию в раковину. – «Если тебе терять больше нечего, подумай обо мне! Я все еще хочу попытаться вернуть остальных. Надю, Оле, Тода. Нет гарантии, что он мертв. Так что делай свое дело, алхимик!»

Их общие руки застыли, не позволяя Яну совершить задуманное. Несколько секунд он колебался, а потом согласно кивнул. Яна ведь ни в чем не виновата. Если у нее еще есть силы бороться за счастье, то пусть попробует. И по отдельности им будет куда проще с этим справиться.

– Джастин, иди отдыхай. Кофейня на сегодня закрывается. – бесцветным голосом распоряжался Ян, автоматическими движениями выливая и высыпая в золотую жидкость остальные компоненты. Нужно было успеть, пока свет не погас. – И ты иди. Доложи Шаману, что исполнил поручение.

– Я? – промямлил парень. – А как же девушка?

– Вон! – гаркнул Ян и на секунду вложил во внешний вид

и голос всю свою божественную мощь.

Парень пущенной стрелой вылетел за дверь. С его зрением картина явно получилась жуткая. Ничего, ему полезно. Джастин аккуратно закрыл кофейню и скрылся в своей комнате за баром. Ян влил в бурлящее зелье кровь из склянки. Цвет сменился с золотистого на сочно-фиолетовый. Жидкость пузырилась как шампанское и пахла мокрой от дождя сиренью.

– Будет больно. – сказал Ян, зайдя в подсобку и спешно избавляясь от одежды.

«С тобой сейчас куда больнее». – мысленно улыбнулась Яна. – «Я готова».

И Ян большими жадными глотками влил в себя еще дымящееся зелье. Он даже успел подумать, что кажется у него получилось, прежде, чем тело скрутила почти невыносимая боль.

Глава 31

Март. Наши дни.

Оле шел, не разбирая дороги. Просто переставлял ноги одну за другой. Правая, левая, повторить. Правая, левая, повторить. Все это было неправильно. Так не должно было быть. Почему же все так получилось и что теперь с этим делать? Ответы на эти вопросы Оле очень хотелось получить вот уже несколько дней, с того самого момента, когда он ступил на порог пустой квартиры брата.

С делами Оле разобрался ближе к полудню. Пока собрал свои вещи, пока изменил память Ольке и стер все упоминания о себе в ее смартфоне и соцсетях. Хорошо, что она была не очень медийной: делала сотни фотографий, но почти ничего не выкладывала и просто любовалась ими с экрана гаджета. Да и с друзьями его не знакомила, что сильно упростило задачу. Потом с чемоданами наперевес Оле наведалься к хозяйке квартиры и подправил память ей, чтобы ни у кого не возникло проблем. Он не жалел о принятом решении: все равно раз в пятилетку приходилось менять квартиру, а лучше сразу район, чтобы у соседей не возникло подозрений в его потусторонней сущности. Брат тоже часто переезжал

и сейчас снимал уютную однушку в новостройке на окраине. Оле пару раз был у него в гостях и прекрасно понимал, что без такси с вещами туда не доберется. Под осуждающим взглядом водителя он кое-как упихал в багажник и на заднее сиденье приехавшего седана три здоровенных чемодана и чехол с гитарой. А ведь забрал только одежду и личные вещи. Похоже, нужно завязывать с шопоголизмом.

Первый звонок тренькнул, когда таксист с явным облегчением высадил его у дома брата. На полупустой парковке рядом с домом не было мотоцикла. Оле покрутил головой в поисках железного коня, нигде его не увидел, пожал плечами и потащил свою ношу в подъезд. Мало ли, может с утра мест не было и брату пришлось оставить байк где-то поблизости. Код домофона он знал, так что дверь открыл без посторонней помощи. К радости Оле в доме был лифт, хоть брат и предпочитал им не пользоваться, пешком взбираясь на десятый этаж. Нелюбовь близнеца к технике была понятна – в его присутствии она регулярно ломалась. У Оле таких проблем не было, так что он преспокойно добрался до квартиры и позвонил в дверь. Ответом ему была тишина.

Потрезвонив пару минут для порядка, Оле нашел на своей связке ключ от квартиры брата. Замок слегка заедал, дверь мерзко заскрежетала при открытии, в тишине пустой квартиры монотонно капала вода из подтекающего крана на кухне. Оле невольно улыбнулся: подобные мелкие поломки постоянно сопровождали брата и жутко злили этого неисправив-

мого перфекциониста. Пока они жили вместе, Оле удавалось как-то нейтрализовать разрушительное влияние близнеца на окружающую действительность. Однажды они даже завели собаку. Красивую поджарую гончую, из-за которой пришлось снимать загородный дом, ибо брат заявил, что держать такое крупное животное в городской квартире это издевательство. Оле, конечно, бурчал, что совершенно одичает в этой глуши, из которой невозможно выбраться нормальными человеческими способами. Зато брат с откровенным наслаждением уезжал верхом в окрестные леса и поля в сопровождении собаки и пропадал там часами. Охотиться, конечно, не охотился, зато давал гончей вволю набегаться наперегонки с лошадью. Возвращались они усталыми, голодными и счастливыми. Правда, когда пес умер от старости, брат категорично заявил, что больше никаких домашних животных. И Оле был с ним солидарен. Теперь уравнивать брата было некому и следы энтропии то тут то там виднелись в этом царстве идеального порядка и безупречной чистоты. Здесь даже табаком не пахло. С учетом того, как много брат курил, это можно было считать чудом.

Оле аккуратно поставил кроссовки на коврик у двери, втащил чемоданы и плюхнулся на диван в просторной кухне, которую, судя по всему, владельцы квартиры некогда объединили со второй комнатой. Диван угрожающе скрипнул под его скромным весом, Оле откинулся на спинку и окинул интерьер придирчивым взглядом. Слишком чисто и однотон-

но. Если в одежде брат предпочитал черный, то здесь властвовал белый с легкими вкраплениями серого. Никаких ярких пятен и ничего лишнего: ни безделушек на полках, ни мусора, ни оставленных где ни попадя вещей. Ни брата. Если поначалу Оле решил, что близнец, к примеру, принимает душ и поэтому не слышит звонок, то теперь убедился, что квартира пуста. Интересно, где его черти носят? Оле с сожалением отодрал тощую задницу от мягкой кожаной подушки и отправился на обход жилплощади. Мокрой посуды на сушилке нет, мусора в ведре тоже, в холодильнике пусто, постель заправлена идеально, ни складочки. То есть брат еще не возвращался после смены? Оле уже выходил из спальни, когда взгляд зацепился за цветное пятно: на прикроватной тумбочке лежал кулон. Слишком крупный и яркий для брата, но очень знакомый. Янин. Выходит, брат приводил ее сюда? С другой стороны, куда им еще идти в такую погоду. Оле снова улыбнулся. Похоже, ему придется решать жилищный вопрос очень быстро. Но для начала стоит решить вопрос с едой.

Брат не умел готовить, поэтому обычно обходился чем-то вроде пельменей. Оле с тоской посмотрел на почти полную пачку в морозилке и пошел в магазин за продуктами. Будет забавно взглянуть на рожу близнеца, когда он вернется и обнаружит на столе нормальный обед. Но брат не вернулся. Ближе к вечеру Оле даже наведалься в бар-кофейню к Янчику. Там хозяйничали Надя и Джастин. Надя пыталась

не утонуть в заказах, а прекрасный принц носился по залу между занятыми столиками. На вопрос Оле он ответил, что Тода сегодня не видел, и побегал дальше. Оле не стал их отвлекать. Даже кофе просить не стал, у Нади и так хватало работы. Он вернулся домой и стал ждать. Прождал до утра. Все равно в таком паршивом настроении его не стоило подпускать к детям. Чуть не умер со скуки, потому что в квартире брата даже телека не было, а в домашней библиотеке оказалась только художка. Оле уже давно перестал даже пытаться читать вымышленные истории – он мог легко предугадать развитие сюжета и концовку после пары абзацев. По той же причине он не смотрел фильмы и сериалы. В соцсетях тоже было тухло. Неудивительно, в общем-то. В такое время большинство людей спит, а не посты выкладывает. Кажется, он тоже задремал на пару часов. Вообще, им не нужно было спать. Вполне хватало двух-трех часов отдыха после смены, чтобы восстановить силы и привести в порядок голову, но сон был отличным способом убить время.

Под утро Оле снова заглянул к Янчику. С удивлением обнаружил табличку «Закрыто» на двери и темноту за стеклами. Это было странно и даже немножко страшно. Словно Оле стал персонажем хоррора или жертвой тупого розыгрыша. Не придумав ничего лучше, он поплелся домой. И наткнулся на Шамана, удобно рассевшегося у входной двери квартиры.

– Если ты пришел к брату, то его нет. – вздохнул Оле.

Шаман ему не очень нравился, но у брата с ним были какие-то дела. Правда, после них брат был сам не свой и из-за этого Оле еще больше невзлюбил старика. И его кота, после которого все вокруг было в рыжей шерсти.

– Я знаю, – Шаман затянулся трубкой. – Более того, я знаю куда он делся. Тебе ведь интересно? Ты же ищешь его.

От слов Шамана Оле вздрогнул. Почему-то ему показалось, что ничего хорошего этот старикан ему не расскажет. С братом что-то случилось? Может прямо сейчас он где-то нуждается в его помощи, пока Оле тупо нарезает круги по Городу.

– Где он?! – вскрикнул Оле. – Чем я могу ему помочь?

– Не думаю, что ты теперь можешь что-то для него сделать, – покачал головой Шаман. – Но я отведу тебя туда, где видел его в последний раз. Возможно, там ты сможешь быть полезен.

Оле похолодел. Слова Шамана можно было воспринять по-разному, но он боялся задать вопрос напрямую. Боялся лишиться себя надежды, что брат жив и с ними все будет хорошо. Пока старик вел его к симпатичному маленькому отелю в старой части Города, Оле все время озирался по сторонам в поисках знакомого байка. Не нашел. Зато нашел на парковке около отеля красный «Хаммер» Войны и черный «Бентли», принадлежавший Голоду. А на крыльце их встретил низкорослый рыжий Жнец в военной форме с сигарой в зубах и отвратительной ухмылкой на лице. Все, что было

дальше, Оле почти не помнил. Как не помнил и сколько времени прошло с того утра.

«У меня больше нет брата», – думал Оле, тупо переставляя ноги. – «Как он мог так со мной поступить? Бросить меня совсем одного. И ради кого? Ради незнакомого мальчишки, которого попросил спасти Шаман! Почему в этот раз он не вспомнил про правила, про невмешательство жнецов в ход истории? Почему брат повторял эти бредни только когда я просил его кого-нибудь спасти? Кого-то действительно важного. Это нечестно! Брат поступил нечестно! И не только со мной. А как же Яна? Ну ладно я, но что будет с ней?»

Дорога сама вынесла его к тихой пешеходной улице, где прятался от лишних глаз бар Янчика. Только оказавшись перед дверью, Оле понял куда попал. А ведь это идея! Он ведь может попросить помощи у настоящего демиурга, пусть и в отставку! Оле дернул дверь, но она оказалась заперта. Табличка «Закррито» и темные окна все так же сообщали посетителям, что заведение не работает. Тогда Оле глубоко вдохнул и со всей дури забарабанил в дверь.

Глава 32

Март. Наши дни.

Кажется, у Яна получилось. По крайней мере, Яна предпочла считать, что зелье работает, а не пытается их убить. Такой боли она еще никогда не испытывала. Тело разрывалось на части, словно чьи-то огромные руки сначала скатали его в комок, а потом стали резать на ломтики. Кости с громким хрустом ломались, сосуды лопались, застилая все перед глазами красной пеленой. В нос ударил металлический запах крови, а рот наполнился горячей солью. Когда боль стала невыносимой и разум был готов отправиться в бессрочный отпуск, они наконец-то потеряли сознание.

Яна очнулась на полу в подсобке. Голая, дрожащая от холода и слабости. Обнаженная кожа горела и даже прикосновение воздуха причиняло боль. Как и каждый вдох, обжигающий легкие. Суставы ломило, мышцы мерзко ныли и слегка вибрировали, готовые в любой момент скрутиться в судорогах. Пересохшие губы потрескались до крови и во рту стоял медный привкус. О том, чтобы открыть глаза, она даже подумать боялась. Наверное, так чувствует себя бабочка, только что выбравшаяся из кокона. Или новорожденный младенец.

Рядом раздался хриплый стон, сменившийся захлебывающимся кашлем. Яна открыла глаза и сквозь мутную пелену рассмотрела Яна. Его тело сводило судорогой, на губах выступила кровавая пена, глаза закатились, оставив видимыми только белки. Похоже, для него процесс проходил тяжелее. Может потому, что именно он был у руля, когда они выпили зелье? Яна собрала свои скромные силы для рывка, подползла к своей второй половине, перевернула его на бок и крепко сжала в объятиях. Она понятия не имела, что нужно делать в таких случаях, но, как минимум, не позволит ему задохнуться. Не после всего, что пришлось пережить ради этой минуты. Прикосновение чужой кожи было подобно растиранию наждачной бумагой. Казалось, что еще немного и выступит кровь. Но она изо всех сил сжимала тело Яна, пока он содрогался в конвульсиях. И ослабила хватку, лишь когда приступ закончился и его дыхание стало спокойным и ровным. Он накрыл ее руку своей ладонью и легонько сжал пальцы. То ли с благодарностью, то ли просто в знак поддержки. Теперь им придется научиться понимать друг друга, как двум отдельным людям.

Мягчайший плед казался грубым рубищем. Яну все еще потряхивало и кожа оставалась омерзительно чувствительной, но тело начинало потихоньку приспособливаться к жизни. Она смогла подняться с пола, оглядеть себя со всех сторон, накинуть плед и даже заварить травяной сбор. Ян заста-

вил себя натянуть штаны, но на рубашку был пока что не готов. Поэтому сидел напротив с голым торсом и дрожащими руками сжимал чашку с чаем. Выглядел он неважно: синяки под глазами, нездоровая бледность кожи, губы в глубоких трещинах, влажные от пота волосы. И Яна понимала, что сама такая же.

Оба молчали. На слова пока что не хватало сил. Оба с подозрением косились друг на друга, словно опасаясь, что второй сейчас исчезнет. Яна никогда не чувствовала себя так одиноко. Даже в редкие ночи, когда они разделялись, между ними сохранялась связь. Да, они не могли читать мысли друг друга и не делили на двоих воспоминания, но они друг друга чувствовали. Между ними будто пролегла нить. Теперь же вместо нити пролегла пропасть. Похоже, Ян это тоже чувствовал. Он отводил глаза, уткнувшись взглядом в чашку.

– Итак, у тебя получилось. – прошептала Яна, напрягая еще непослушные связки. Просто потому, что кто-то должен был начать разговор. Пусть и так тупо.

В ответ Ян молча кивнул. Потом откашлялся и прохрипел:

– И как ощущения?

– Мне тебя не хватает. – честно ответила Яна. – Надеюсь, это взаимно?

Она улыбнулась, пытаясь разрядить обстановку шуткой.

– Извини, придется потерпеть. – криво улыбнулся Ян. – Я пока не знаю зелья с обратным эффектом.

– Думаю, я это переживу. – голос становился все послушнее и перестал походить на крик простуженной вороны. – Хочешь еще чаю?

Ян молча протянул пустую чашку. Яна вылила в нее остатки травяного отвара из любимого стеклянного чайничка. Руки почти не дрожали. Сейчас бы в душ. Вот только мысли о воде на коже вызвали первобытный ужас. Пришлось смириться с ощущением липких волос и терпким ароматом собственного пота. Свобода требует жертв.

В дверь заколотили. Да с такой силой, что задребезжали стекла в окнах. Они с Яном молча переглянулись. В баре кроме них был Джастин, но из его комнатки удары в дверь не слышно. Значит придется встать и пойти посмотреть. Ян поднялся первым. Поставил на пол чашку, морщась, влез в рубашку и босиком вышел в зал. Яна замоталась в плед, как в тогу и притаилась у дверей подсобки, откуда было отлично видно зал и входную дверь. Встречать гостей в таком виде она была морально не готова. Ян выглянул в окно, метнулся к двери, открыл замок и пропустил непрошенного гостя, пятясь, словно от чумного.

На пороге стоял Оле. И представлял собой довольно жуткую картину. Его как будто окунули в ванну с осветлителем, который вымыл из него все краски. Или присыпали пылью. Цвета его одежды потускнели, словно выцвели, у них появился пыльный оттенок. Волосы сменили цвет на пепельный, кожа посерела. Но больше всего изменились глаза. Вме-

сто льдисто-голубых стали черными. Черным был и зонт, который он сжимал в руке. Сердце Яны ухнуло куда-то в пятки и на его месте тут же появился комок из битого стекла. Острые осколки вонзились ей в нутро, заставляя забыть сделать вдох. На негнущихся ногах она вышла в зал и с ужасом уставилась на Оле.

– Что с ним? – прошептала Яна. – Что Они с ним сделали? Где твой брат?

Оле обернулся и окинул ее пустым взглядом. Похоже, он не очень-то соображал, что происходит. Глаза опухшие и красные от слез. Нос тоже покраснел и Оле им все время шмыгал. Зато подойдя ближе Яна лучше рассмотрела зонт. Это был его зонт. Его, а не Тода. Просто вместо радуги теперь он состоял из всех оттенков черного.

– У меня больше нет брата. Они превратили его в чудовище. Он не хочет со мной разговаривать. – Оле стоял, слегка пошатываясь, и жуткая улыбка расплзалась по его лицу.

Яна наконец-то смогла вдохнуть. Раз он не хочет разговаривать, значит может. Значит жив. Вот только что Оле имел в виду под «чудовищем»?

– Так, спокойно. – Ян пришел в себя первым. – Давай-ка обо всем по порядку. Садись. Сейчас кофе сделаю.

Он силой усадил Оле за стол и ушлепал за стойку варить кофе. Яна опустилась на соседний стул. Губы Оле дрожали, словно он готов был разрыдаться. Яна осторожно коснулась его ладони, сжатой на ручке зонта. Он вздрогнул, будто толь-

ко что ее заметил. Ян вернулся с большой чашкой ванильного латте, поставил ее перед Оле. Тот даже не взглянул на любимый напиток.

– Так что произошло? – Ян опустил перед ним на корточки.

– Они его забрали. – всхлипнув, начал Оле. – Брат нарушил правила и Они его наказали. Я не знаю, что Они с ним сделали, но это больше не мой брат. Он стал другим. Жестоким, безразличным. Таким, как все остальные жнецы. Я пытался с ним поговорить, но он даже слушать меня не хочет. Я подумал, может он тебя послушает? – и Оле с мольбой посмотрел на Яну.

– Где он? – Яна вскочила со стула. Тога-плед упала на пол. Оле даже не отреагировал. – Отведи меня к брату сейчас же!

– Ты бы хоть оделась для начала. – Ян подобрал с пола плед и набросил ей на плечи как плащ. – Сходи наверх, оденься. Я побуду с Оле.

Яна будто на автопилоте поднялась в их квартиру над баром, влезла в первые попавшиеся вещи, нацепила на ноги ботинки. Уже в дверях поняла, что неплохо бы накинуть куртку. Когда она спустилась в зал, там ничего не изменилось. Оле так же безучастно пялился перед собой. Полная чашка кофе так же остывала на столе. Ян сидел верхом на стуле, уткнувшись подбородком в перекладину на спинке. Похоже, он о чем-то усиленно думал. Заметил Яну, тяжело вздохнул.

– Я пойду с вами. – сказал Ян, поднимаясь на ноги. – Мне

нужно на это взглянуть. Возможно, что-то еще можно исправить.

Яна кивнула и он скрылся в подсобке чтобы одеться.

– Отведи нас к брату. – сказала Яна Оле, когда Ян вернулся из подсобки. – Просто дай мне руку и подумай о нем.

Оле подчинился. Яна сжала его на удивление холодную ладонь. Обычно руки у него были теплые. В отличие от брата. Ян положил руку ему на плечо и таким странным образом они подошли к двери. В свободной руке Яны появилась старинная связка ключей на ржавом металлическом кольце. Она выбрала один и вставила в замок входной двери. Дверь изменилась. Превратилась в зияющий черный провал. Короткий путь, доступный только Янусу. Похоже, после разделения способности не пострадали. Хоть одна хорошая новость. Яна глубоко вдохнула и сделала шаг в пустоту, увлекая мужчин за собой.

Путь вывел их на крышу замка на холме. Здание времен средневековья помнило еще основателей Города и самых первых его жителей. С крыши открывался чудный вид на город и Яна невольно вспомнила ночь, которую провела здесь с Тодом. Ночь летнего солнцестояния, полную огня и страсти. Одна из немногих ночей, которые у них были. Тогда у них в запасе был всего лишь час и этого часа им было безбожно мало. Жнец оказался на удивление пылким любовником. Особенно с учетом внешней сдержанности. Правду говорят про тихие омуты. Хотя поначалу его и приходилось расше-

веливать. В их дуэте Яна играла ведущую партию: направляла, предлагала что-то новое, подбадривала. Тод же был ведомым. Зажатым, недоверчивым, немного деревянным. Зато когда входил во вкус, становился удивительно чувствительным. Хотя и временами грубоватым. Встречайся они чаще, ей пришлось бы все время ходить с синяками от его холодных пальцев. Яна вспомнила его прикосновения, горьковатый вкус его губ с легким ароматом табака, чуть выпуклый узор татуировки, от прикосновения к которому он вздрагивал и покрывался мелкими мурашками. Она так и не поняла, что он испытывал: удовольствие или боль. Но он никогда не запрещал ей трогать замысловатую черную вязь. Да это было бы и сложно сделать: татуировка покрывала почти всю спину и руки до самых запястий. И продолжала разрастаться.

Теперь перед ней стоял совершенно другой мужчина. Внешне он почти не изменился. Разве что глаза слегка западали и стали, кажется, немного ярче, а кожа казалась особенно бледной, будто покрытая инеем. Но чувство было, словно перед нею незнакомец. Поза, жесты, выражение лица – все было чужим. Он смотрел на них, слегка нахмурив лоб, словно на досадную помеху на пути. Вместо привычного мотоэкипа черная мантия с капюшоном, вместо мотоцикла – бледно-серый конь с горящим злобным взглядом. Хорошо хоть зонт не превратился в косу.

– Зачем ты вернулся? – без долгих вступлений процедил сквозь зубы жнец. – Я вроде внятно объяснил, что не желаю

тебя видеть. Да еще и группу поддержки с собой приташил. – он окинул взглядом их с Яном. – Вижу, ваш эксперимент удался. Поздравляю.

В его голосе не было и намека на радость. Только раздражение и замогильный холод.

– Брат, послушай меня, пожалуйста! – выпалил Оле чуть не плача. – Ты же не такой! Они тебя заколдовали! Нужно все исправить, пока ты не наделал бед.

– Тебе нужно, ты и исправляй. – он небрежно пожал плечами. – А меня все устраивает. Кажется, я даже счастлив. Впервые в жизни, между прочим. Так что не лезь ко мне с этой лирикой. И вообще не лезь. Мне не нужна твоя забота. Хватит строить из себя заботливого родича. Ты мне не брат и никогда им не был. Начни уже жить своей жизнью, Оле. Пора повзрослеть и оставить меня в покое. Я же к тебе не лезу.

Губы Оле задрожали, на глаза навернулись слезы. Яна с удивлением следила, как его волосы чернеют, будто от корней их постепенно заливала тьма.

– Зачем ты так говоришь? – Яна хотела продолжить, но жнец угрожающе поднял палец.

– Даже не начинай, богиня. Все это с самого начала было глупо. Наша связь была ошибкой. Зато теперь я четко это вижу и больше не желаю быть твоей игрушкой. Прощай и без обид.

Яна задохнулась от нахлынувших эмоций. Она никогда не считала его своей игрушкой, а их отношения игрой. Она лю-

била его. Любила всем сердцем, как никогда и никого не любила до этого. И он это знал. Почему же теперь он швыряет ей в лицо эти слова? Что с ним случилось?

– Что с тобой случилось? – вслух повторила она свой вопрос, давась подступившими к горлу слезами.

– Я понял, где и с кем мое место. – ответил жнец. – Извините, мне нужно работать. Люди сами по себе не умрут, придется мне об этом позаботиться.

Он черной птицей взлетел в седло, сжал ногами лошадиные бока. Конь взвился на дыбы, угрожающе фыркнул и с места сиганул в закатное небо. Только искры из-под копыт полетели. Бледный всадник, также называемый Смертью, растворился в багряном мареве.

Оле шагнул вперед, будто хотел дотянуться до брата. У края крыши он остановился и злобно посмотрел на город. Его плечи вздрагивали от беззвучного плача. Волосы почернели, а глаза наполнила тьма. Она поглотила белки и казалось вот-вот выплеснется наружу. Яна никогда не видела Оле таким. Она даже не знала, что он на такое способен. Что с ним происходило? Что он собирался сделать?

– Все из-за них! – прошипел он, глядя на вечерний город. – Брат стал таким из-за них! Люди не достойны его жертвы! Они не достойны жизни! Если брат желает их смерти, я должен ему помочь.

Оле замер на краю крыши, картинно раскинув руки. Черные глаза широко раскрыты, на лице безумная улыбка, воло-

сы треплет внезапно поднявшийся ветер, а у ног копошатся жуткие тени.

– Стой! – крикнул Ян и попытался схватить свихнувшегося Оле.

Но тень у ног сказочника хлестнула демиурга, будто плетью, отшвырнув его назад. Ян ударился о камни и скорчился от боли.

– Ян! – Яна подбежала, опустилась рядом на колени. – Ты цел?

– Угу, – ответил тот не очень-то уверенно. – Похоже, нам к нему не подобраться. Эти твари его защищают.

– Что он делает?

– Призывает кошмары. Хочет наслать их на Город. До смерти замучить горожан.

Яна похолодела от ужаса. Если Оле и правда на это способен, его нужно остановить. Любыми способами. Но как это сделать? Тени оплели его плотным коконом. Их тонкие щупальца зловеще шевелились, ощупывая ночь. То и дело клочья тьмы отделялись от кокона, словно черные протуберанцы, и улетали в небо. Город заволакивало Тьмой. Она вытягивала краски, делала все вокруг черно-белым. Именно это произошло и с самим Оле. Его поглотила внутренняя Тьма.

– Идем, здесь оставаться нельзя. – Ян ухватил ее за руку. – Это становится просто опасно. Открывай проход, ключи теперь у тебя. Кажется, я знаю, что делать. Но мне нужно время.

Яна молча кивнула и огляделась в поисках двери. Здесь недалеко был выход на чердак. Воспоминание об этом факте потянуло за собой другие и сердце неприятно кольнуло. Ничего. Ян сказал, что знает, как все исправить. Раньше он никогда не ошибался. И если она может ему хоть чем-то помочь, то сделает все возможное. Ключ провернулся в замке, открывая проход и они шагнули под защиту стен родного бара.

Глава 33

Март. Наши дни.

Надя с трудом разлепила опухшие от слез глаза. Она даже не заметила, когда уснула. Вся эта неделя слилась для нее в один сплошной страшный сон, который никак не хотел заканчиваться: ее пыталась сожрать какая-то тварь, на ее глазах убили знакомого человека, она узнала, что в этом мире есть чудовища, боги и прочая нечисть, она и сама оказалась какой-то нелюдью. Но самое страшное – Ян ей врал. Все то время, что они были знакомы, он ей врал. Наверняка этот коварный божок с первого взгляда понял, кто она. И решил использовать в своих интересах. Иначе с чего вдруг он так внезапно предложил работу первой встречной девушке без опыта и хоть каких-то рекомендаций? А она ведь считала, что ей несказанно повезло. И с местом, и с начальством. Надя вспомнила, как Ян учил ее пользоваться кофе-машиной, совершенно невинно прижимаясь к ее спине, чтобы показать, как правильно забивать кофе в холдер, как взбивать молоко и как красиво наливать пенку в чашку. Стоя у нее за спиной, он направлял ее руки своими, глядя ей через плечо, практически прижимаясь щекой к щеке. У него всегда были такие теплые руки. И такая мягкая кожа, пахнувшая солн-

цем. Выходит, все то время он ее просто использовал? Приручал, как дикую зверушку. На глаза снова навернулись слезы. Надя подтянула колени к животу, обхватила себя руками и готова была снова разрыдаться. Уже в который раз за эту треклятую неделю. Но что-то на самой границе внимания не давало ей покоя.

Вернувшись домой после встречи с демоном, Надя заперла двери и забила в самый дальний угол квартиры, завернувшись в огромный толстый плед. Ей хотелось спрятаться от всего мира, который оказался далеко не таким прекрасным, как ей представлялось. В голове снова и снова проносился разговор Яна с тем странным стариком. Кажется, он называл его шаманом. А ее старик назвал порождением Города. И Надя даже примерно не представляла, что это значит. Что значит быть порождением? Почему старик сказал, что она дочь Города? У нее ведь были родители и обычное человеческое детство. Или родители ей не родные, а она об этом просто не знает? Может именно поэтому ее так тянуло в этот Город? Надя поняла, что если не узнает ответ на этот вопрос прямо сейчас, ее голова лопнет. Она схватила телефон и набрала номер мамы.

«Набранный вами номер не существует» – заявил автоответчик. Надя повторила процедуру с номером отца и получила тот же результат. Но ведь они же буквально вчера болтали с мамой и обсуждали идею совместного отпуска через

пару месяцев! Надя залезла в журнал звонков и не обнаружила там ни одного разговора с родителями. Разговоров с друзьями детства и бывшими однокурсниками тоже не было. В журнале сиротливо висела парочка вызовов от Яна – он пару раз просил что-то купить по дороге на работу. Получается, всех тех людей просто не существовало? Но так не бывает! Надя бросилась проверять соцсети. В современном мире есть куча способов оставить свой след в истории. Пусть и не очень выдающийся, но определенно существующий. Увы, и здесь ее ждало разочарование: все ее страницы были созданы в день приезда в Город, а в друзьях обнаружили лишь те, с кем познакомилась уже здесь. Ни родственников, ни одноклассников и однокурсников, ни друзей из танцевальной студии, в которой занималась последние три года.

По всему выходило, что до прошлой осени Нади просто не существовало! Что все ее воспоминания фальшивые и что она действительно не понимает, что она такое. Когда и как она появилась на свет? Фотографии в телефоне начинались со дня ее приезда в Город. Знакомые, которых она завела уже здесь, никуда не делись из телефонной книги и мессенджеров. Вот только теперь все они вызывали у нее суеверный ужас. Что если шуточные подписи вроде «Русалка», «Домовенок» и тому подобное, которые она давала контактам, были правдой? Как теперь вообще смотреть на людей и не искать в них признаков нечистой силы? И не шараться от всех на улице. Как продолжать жить с этими знаниями?

Как вообще продолжать жить?

Ян начал звонить где-то через пару часов после ее возвращения домой. Звонки шли один за другим, перемежаясь оповещениями о сообщениях в мессенджерах. Надя не брала трубку, глядя на телефон, как на хтоническое чудище. Пропущенные вызовы, СМС, сообщения в чатах, голосовые. Голосовые! От Яна! Который ненавидит все эти модные примочки! Неужели волнуется? Одна часть Нади хотела схватить трубку и сообщить, что с ней все в порядке, что она хочет поговорить и во всем разобраться. Вторая словно мантру повторяла «Ты мне врал!» и заставляла злобно коситься на прибывающий поток уведомлений. Победила вторая. И Надя просто выключила телефон. Смотрела на погасший экран смартфона и рыдала в голосину, чего никогда раньше не делала. Хотя она теперь была не в чем не уверена.

А утром раздался звонок в дверь. И приглушенный стальной перегородкой голос Яна просил с ним поговорить. Надя молчала. Сидела на кровати, уткнувшись подбородком в колени, до побелевших пальцев сжимала в руке выключенный телефон и молчала. Он стал барабанить в дверь и громко звать. На шум высунулась соседка из квартиры напротив, ругалась, грозилась вызвать полицию. Ян извинялся, говорил, что волнуется за подругу, которая не берет трубку. В ответ соседка заявила «Сам, небось, напортачил, раз девка видеть тебя не хочет» и ушла к себе. Надя почему-то улыбнулась. Напортачил, так напортачил. Лучше и не скажешь.

Она сама не поняла, как оказалась у двери. Видимо, та самая половина, которая хотела поговорить и во всем разобраться, ненадолго взяла верх. Когда ее пальцы против воли уже сжали ключ, чтобы открыть дверь, Ян заговорил.

– Слушай, я знаю, что был неправ, – сказал он полупшепотом, судя по всему уткнувшись лбом в дверь. – что врал тебе и теперь ты имеешь полное право не верить ни одному моему слову. Но, пожалуйста, послушай. Сейчас я говорю правду. Делай, что хочешь. Можешь меня игнорировать, можешь ненавидеть нас всех, можешь сидеть взаперти, если хочешь. Только не пытайся покинуть Город. За его пределами ты исчезнешь. Порождения не существуют вне города, который их создал. Тебе может показаться, что ты мне безразлична, но это не так. Да, я не могу ответить на твои чувства взаимностью, но ты очень дорога нам всем. И мне, и Яне, и всем остальным. Возможно, ты сейчас считаешь нас всех чудовищами. Да мы и есть чудовища, что уж там. Но мы тоже хотим простого человеческого счастья. В том числе и для тебя. Пожалуйста, поверь. И не пытайся уехать. Ну и если захочешь вернуться в кофейню, мы тебя ждем.

Ян ушел. Надя слышала, как его шаги затихают на лестнице. Она с трудом сдержалась, чтобы не открыть дверь и не побежать следом. Никакой жалости! Никаких вторых шансов! Нельзя идти на поводу у абьюзеров и позволять и дальше себя использовать! Он ведь даже не извинился! Да, признал, что был не прав. И что с того? Мог бы хотя бы попро-

свить прощения! Или боги считают себя выше этого? В таком случае, ей с ними явно не по пути. И Надя твердо решила, что не вернется в кофейню. Вот только не решила, что делать дальше. Как вообще живут порождения? Чем занимаются? Ян, наверное, мог ответить на эти вопросы, но он был последним, кому бы она стала их задавать. Тогда кто? Может тот странный дед? А если ему от нее тоже просто что-то нужно? Кажется, они с Яном были не в ладах. Враг моего врага – мой друг, так что ли? Но даже если так, где его искать?

Задавая себе все эти вопросы, Надя вернулась в постель и провела неделю в состоянии сомнамбулы. Она то забывалась беспокойным сном, то снова принималась рыдать над своей «загубленной жизнью». Почему-то эта формулировка ей очень нравилась – было в ней что-то трагично-романтичное. Когда желудок напоминал о себе громким урчанием, она брела к холодильнику и подъедала свои скромные запасы провизии. О том, чтобы сходить в магазин или заказать продукты, она даже не думала. Зато пару раз думала о том, чтобы уехать. Просто проверить, правду ли говорил Ян. И будь что будет. Но каждый раз на выходе из дома ее одолевали сомнения и она возвращалась. Все-таки просто взять и исчезнуть было слишком страшно. Даже теперь.

Несколько раз Надя видела на карнизе за окном здоровенного рыжего кота. Кажется, того самого, которого встречала в самом начале своей жизни в Городе. То есть в самом начале всей своей жизни. Похоже, он за ней наблюдал. Вот и

сейчас кот маячил за окном, истошно орал и скребся в стекло. Спросонья Надя даже не сразу сообразила, что происходит и что именно его громкий крик ее и разбудил. За окнами сгущались сумерки и в них перепуганные кошачьи глаза казались еще больше. Надя кое-как добрела до окна, открыла створку и кот рыжей молнией ворвался в комнату и забился под кровать. Интересно, что его так напугало?

Ответ обнаружился на улице. Окна Надиной квартиры выходили на набережную. Из них не было видно Город и возвышающийся над ним замок на холме. Зато было отлично видно море. И сейчас оно приобрело ненормальный темно-фиолетовый оттенок. Надя подняла глаза к небу и с ужасом смотрела, как по нему со стороны Города расплзается зловещая черная туча. Будто черный песок засыпает весь мир. От тучи то и дело отрывались клочья и уносились в ближайшие дома, протягивались к крышам, словно смерчи, рассерженными призраками кружили над Городом. Надя никогда не жаловалась на здоровье, но сейчас поняла, что у нее болит сердце. Да и дышать стало как-то сложно, будто в воздухе внезапно не осталось кислорода. Чувство, очень похожее на то, что она испытала несколько дней назад в переулке, навалилось на нее неподъемной бетонной плитой. Всепоглощающий, животный страх.

– Что происходит? – дрожащими руками закрывая окно, спросила Надя то ли себя, то ли кота. – Что случилось с Городом?

Кот в ответ сверкнул глазами из-под кровати, истошно завопил и метнулся к входной двери.

Глава 34

Март. Наши дни.

Закрыв проход, Яна села на пол, сжалась в комок и разрыдалась в голос. Ян застыл, как истукан, не зная, что лучше сделать: попытаться утешить или просто оставить в покое. Он никогда не был хорош в утешении – обычно этим занималась Яна. И никогда еще ее саму не приходилось утешать. Как же непривычно оказалось существовать по отдельности, не понимая чувств друг друга! Если люди живут так всегда, неудивительно, что между ними вечно все так сложно. К этому придется привыкнуть. Но сейчас есть заботы поважнее.

Ян потер поясицу, еще саднившую после удара о булыжник. Нормально так его приложило, аж зубами клацнул. С такой защитой не имеет смысла даже пытаться пробиться к Оле. Единственный, кого он, может быть, не тронет – его брат. Который не хочет его видеть. Значит придется тащить жнеца силой. И в придачу к синяку на спине получить по голове копытом. Незавидная перспектива, конечно. Но, кажется, теперь Ян понял, что конкретно произошло с Тодом. И к счастью эффект был обратимым. Только нужно было время, чтобы все подготовить. Время, за которое Оле утопит все в кошмарах и доведет до смерти полгорода. Нужно это оста-

новить. Если не самого Оле, то распространение его заразы. Или хотя бы затормозить. Вот только кто на это способен?

Он перебрал в уме всех сущностей, которым это было бы под силу, и в голову пришли только двое: Шаман и Надя. Старик был сильным заклинателем духов. Его подручные вполне могли дать бой кошмарам Оле. А Надя... Надя была порождением. Эти существа становились удивительно сильными, когда речь заходила о безопасности Города и горожан. Нужно было срочно найти их обоих. Да, со стариком они немного не в ладах, но личные разборки подождут на фоне общего несчастья. Лишь бы он согласился помочь. Он и сам уже должен был почувствовать тот ужас, которым накрывало Город.

Ян вытянул вперед руку и в ладонь привычно лег пастуший посох. Значит боевая магия осталась у него. Выходит, при разрыве разделились их способности: ему достались посох и призрачные псы, а Яне – ключи. У Яна вызвать второй артефакт никак не получалось, как бы он не старался. А это значило, что Яна беззащитна. Она способна открывать проходы, но отбиваться в случае чего ей будет нечем. Значит к Шаману он пойдет один. А Яна пойдет искать Надю. Вряд ли девушка на нее набросится. Вот только для начала нужно как-то успокоить Яну.

Он спрятал посох, осторожно подошел и сел рядом на пол, обняв свою вторую половину за плечи. Почему-то вспомнилось, как несколько часов назад Яна обнимала его, пока он

бился в конвульсиях. Несмотря на страх и боль, воспоминание было теплым и наполненным нежностью. Он сильнее сжал объятия и Яна уткнулась лицом ему в грудь, размазывая по рубашке слезы, сопли и слюни. Черт с ней, с рубашкой – можно надеть другую. А вот другой Яны нет и не будет. Значит нужно беречь эту. Беречь и защищать от всяких белобрысых идиотов.

– Нам нужно разделиться. – сказал Ян, заметив, что Яна притихла. – В смысле действовать по отдельности. Раз нас теперь двое, мы можем делать два дела разом. Я пойду за помощью к Шаману, а ты попробуй поговорить с Надей. Может она хоть тебя послушает? Это я для нее жуткое коварное чудовище.

– Я уже слышала сегодня что-то подобное. – шмыгнула носом Яна. – Как видишь, не помогло. Но я попробую. Я так понимаю, ты нашел решение?

– В теории. – не стал он врать. – На практике мне нужно подтверждение и время. Ты сможешь отвести меня к Шаману?

Яна молча кивнула.

Тьма казалась почти непроглядной. С непривычки глаза не различали ничего вокруг. Только всполохи света от кружащихся в воздухе духов то и дело разрывали черноту. Ян вытянул перед собой руку с посохом, стараясь ни на что не налететь. По бокам от демиурга почти бесшумно шагали две

здоровенные черные овчарки, призванные на случай непредвиденных обстоятельств. И как старик здесь живет? С другой стороны, он ведь слеп, ему и в темноте нормально.

– Шаман! – позвал Ян. – Я знаю, ты здесь. Оле свихнулись! Он хочет утопить Город в кошмарах. Ты, вроде, говорил, что должен защищать людей от тварей, вроде нас. Кажется, сейчас самое время исполнить долг. Помоги мне спасти горожан!

– Поздно, демиург. – голос старика звучал, казалось, отовсюду. – Ты уже ничего не исправишь. Скоро живые станут завидовать мертвым, ведь за дело возьмутся всадники. А они уже совсем близко. И одним Городом они не ограничатся.

– Какие еще всадники? – прошептал Ян, не очень понимая, о чем говорит Шаман. И тут до него дошло. – Всадники Апокалипсиса? Ты что, решил устроить конец света?!

– О нет, что ты. – снова раздалось отовсюду. – Кто я такой, чтобы что-то решать? Они сами решили. По их мнению, человечество давно этого заслуживает. Оно зашло в тупик, свернуло не туда. И пора устроить нам перезагрузку, стереть с лица Земли. Но вот беда: для этого нужно единое решение всех четверых. А один не в меру сентиментальный жнец никак не соглашался. Пришлось принять меры.

– Так вот зачем ты подтолкнул его нарушить правила? – понял Ян. – Чтобы всадники могли избавиться от неугодного жнеца и заменить его другим?

– Увы, это так не работает. – вздохнул Шаман. – Он ведь

не простой жнец. Он и есть сама Смерть. Неумолимая и милосердная. Когда-то давно, когда он перестал один справляться со своей работой, он создал свои копии. Можно сказать, разорвал себя на части, разбил на осколки и вылепил из них других жнецов. Разных, для разных целей. Последним осколком был Оле. Он получился случайно, его не должно было быть. Как будто Смерти нужен был якорь, чтобы окончательно себя не потерять, и он его неосознанно создал. Вот только подобные шутки не проходят бесследно. Он все забыл. Забыл кто он и почему отличается от остальных. И всегда считал себя просто бракованным жнецом. При этом оставаясь единственным и неповторимым Бледным Всадником. Поэтому его не убили, а лишь вернули на путь истинный. Удалили те ненужные эмоции, которые ему всегда мешали. Жалость, человеколюбие, сострадание, любовь.

– Поцелуй Зимы, – выдохнул Ян.

Он продолжал тихонько пробираться в лабиринтах логова Шамана, освещая себе путь пастушьим посохом. Судя по плотности круживших рядом духов, он был близок к цели. Не то, чтобы его шокировала правда о Тоде. Где-то в глубине души Ян давно подозревал что-то подобное. Значит вот что означала фраза «ты мне не брат и никогда им не был».

– Да, поцелуй Зимы, – усмехнулся Шаман. – Кстати, Зима приняла для него облик твоей сестры. Или кем вы теперь друг друга считаете? Даже не знаю, сможет ли он когда-нибудь снова подпустить ее к себе. Сможет ли позволить Яне

к себе прикоснуться. Хотя, вряд ли это будет иметь значение. Ведь вы умрете вместе с человечеством. Боги, созданные людьми, исчезнут вместе с нами.

– Созданные людьми? – удивился Ян.

– Именно. Это мы вас создали, а не вы нас, как ты привык считать. Людям всегда хотелось познать непознанное, понять неизведанное. Так и появились боги и мифы о сотворении мира. Так что скоро твой путь закончится.

– А тебе-то что это даст? – Ян притаился у входа в комнату, в которой бесновались духи и угадывались очертания чьей-то фигуры. – Или ты решил красиво уйти в расцвете сил? Зачем тебе апокалипсис?

– Все очень просто, демиург. – в голосе Шамана звучала неподдельная грусть. – Меня обманули. Ненависть и уязвленная гордость застили мне глаза и я не заметил подвоха. Я совершил ужасную ошибку.

– Я в курсе. Но хотелось бы конкретики. Кто надоумил тебя подтолкнуть жнеца нарушить правила?

– Чума. Она клялась, что не причинит ему вреда. Что лишь избавит его от страданий и так для него будет лучше. Кто ж знал, что человеколюбие, что причиняет ему столько боли, на самом деле предохранитель от конца света? И я своими руками помог его сорвать.

Ян слышал про Чуму от Оле. Судя по всему, он ревновал к ней брата, так что не стеснялся в выражениях и красочных эпитетах. По его словам, она была чокнутой нимфоманкой,

одержимой жадной убийства. И долгое время именно Тод сдерживал ее порывы. Почему же теперь он пошел на поводу у всадников?

– Почему он согласился понести наказание? – спросил Ян.

– Потому что считал себя виноватым. И не знал, что суд сплошная фикция. Он же наивный, как ребенок. И такой же доверчивый. – внезапно голос старика изменился. – Долго ты еще там стоять собираешься? Мне не мешает помощь.

Ян перешагнул порог и замер в нерешительности. Шаман стоял на коленях в центре комнаты, всем весом прижимая к полу своего ученика. Парень брыкался, отбивался, рычал и, кажется, пытался его укусить. При этом не открывая глаз.

– Ты че творишь?! – рявкнул Ян, поднимая посох.

– Пытаюсь спасти ему жизнь. Убери свою палку и отзови собак, мы с тобой не враги. По крайней мере, сейчас. Подержи его пока я готовлю отвар.

– Что с ним такое? – Ян очень медленно опустил посох и осторожно подошел на несколько шагов. Овчарки с едва различимым шелестом растворились в темноте.

– Кошмаров наглотался. – выплюнул Шаман. – Полез спасать какого-то бедолагу и не сдюжил. От горшка два вершка, а туда же: нужно помочь горожанам, раз уж виноват в случившемся.

– Это ведь из-за него жнеца наказали? – на всякий случай уточнил Ян. – Откуда вообще взялся этот пацан? Столько неприятностей от одного человека.

– Всадники указали мне на него. Сказали, что он может стать моим преемником. Я ведь говорил, что это сейчас редкость. Вот и согласился им помочь. А еще они обещали помочь от тебя избавиться. Сказали, что в этом наши цели совпадают.

– Значит вы с четверкой подружились против нас? – Ян опустил на колени, прижал беснующегося парня к полу. – Точнее, с тройкой. Четвертый явно был не в курсе. Решили выжить нас из Города любыми способами? Отобрать все, что нам здесь было дорого, чтобы мы сами ушли и не захотели возвращаться?

Шаман ушел в темный угол комнаты и там загремел посудой. Он долго молчал, погруженный в работу. Ян слышал, как шуршат сухие травы, хрустят и скрипят, перетираясь в ступке. Как шумит вода в закипающем чайнике, звякает стекло бутылок и банок с компонентами. В неверном свете призванных Шаманом духов все это казалось настоящей магией. Должно быть и посетители бара испытывают что-то подобное, когда Ян смешивает для них коктейли. Раздался звонкий щелчок и Ян невольно зажмурился: Шаман включил свет. Тусклая лампочка под потолком едва освещала комнату, но после подсвеченной духами тьмы свет показался нестерпимо ярким. Пришлось опустить голову и как следует проморгаться. Реши старик от него избавиться, это был бы самый подходящий момент для удара чем-нибудь тяжелым по голове.

– Я не знал, что он знаком с той ангелицей. – сказал Шаман, рисуя мелом на полу защитный круг. – Сказал бы, что это была случайность. Но понимаю, что это не так. Те, кто мне его подсунул, явно знали о твоих к ней чувствах. И что она была его ангелом-хранителем, пока не проштрафилась и не угодила в человеческое тело. И знали, что если они встретятся, то она его обязательно вспомнит.

– Ты знаешь, что она натворила? – удивился Ян.

– Знаю. Заглянул в прошлое парня, когда он мне рассказал о случившемся. Она была его ангелом-хранителем и подопечный ее мягко говоря бесил. Парень-то с характером. Типичный мажор, привыкший к безнаказанности. Вечно влезал в неприятности и других за собой тащил. Три года назад связался с опасными людьми и те пытались убить его и его друга. По всему выходило, что друг должен погибнуть. Но твоя взбалмошная ангелица рассудила по-своему и подставила под пули подопечного, спасая невинную жизнь. Парень получил пулю в голову, должен был умереть. Но наверху решили, что так не пойдет. Его спасли. Врачи говорили, что произошло чудо, не иначе. А девчонку разжаловали, стерли память, запихнули в человеческое тело и отправили работать медсестрой в больнице. Пока не искупит вину, спасая жизнь бывшему подопечному. Такая вот история. Я только не понял, зачем ты ее убил?

– Я был на взводе из-за Нади. Она ведь так и не вернулась на работу. И вообще со мной не разговаривает. А тут этот

тип рассказал про Тода. Вот я и взбесился. Решил, что лучше его прикончу, но не позволю забрать у нас еще и Анжелу. А в результате сам ее ему отдал.

– Мы все совершаем ошибки, о которых потом жалеем всю жизнь. Не ты первый, не ты последний. – старик закончил рисовать и указал на центр круга. – Так, клади его сюда.

Ян с трудом перетащил беснующегося парня в указанное место. Шаман закатал левый рукав своей застиранной рубашки и резким, точным движением полоснул себя по вене. По руке заструилась темная стариковская кровь.

– Ты чего удумал? – опешил Ян.

– Я передам ему свои знания и свою силу. – Шаман сливал кровь в миску с бурой кашицей из перетертых трав и черт знает чего еще. – Надеюсь, этого хватит, чтобы отбиться от дряни, что его мучает. Мои духи-хранители станут его духами и примут бой. Извне его не спасти. – он окунул пальцы в получившуюся смесь и нарисовал магическую руну у себя на лбу. Потом скомандовал: – Сними с него футболку.

Ян стащил с парня футболку, обнажая тощее бледное тело. Парень явно не был фанатом спорта и здорового образа жизни. Шаман умело и споро покрывал это тело рунами. На лбу, на руках, на груди, на животе. Ян не знал этот язык и впервые видел этот ритуал. Он вообще редко сталкивался с работой шаманов и старался держаться от старика подальше. От его магии у него сводило нутро. Даже от едва уловимых отголосков, которые иногда ощущались в Тоде.

– Кстати, ты ведь дружил со жнецом? – невпопад спросил Ян, наблюдая как старик пытается влить в рот парню какой-то отвар. – Как же тебе хватило наглости сотворить с ним такое? Ты же его считаешь покалечил.

– Мне это не впервой. – со вздохом ответил старик. – В смысле не впервой его калечить. Правда, обычно он сам об этом просил. Но в этот раз я и не думал причинять ему боль. Как раз наоборот: я надеялся, что так он наконец-то от нее избавится и мне больше не придется проводить для него тот ритуал.

– Что еще за ритуал? Что ты с ним делал? – от слов старика у Яна похолодели пальцы. Так вот откуда были те отголоски магии Шамана.

– Это не твое дело. – отрезал Шаман. – Захочет, сам расскажет. Если будет кому рассказывать, конечно. Ну-с, готово. Можно начинать. – он на секунду замер, а потом продолжил: – Хочу, чтобы ты понял: я не хотел конца света. Я не знал что именно задумали всадники, когда согласился им помочь. Надеюсь, ты сможешь меня простить и позаботишься о парне. Хотя бы первое время. Ему будет сложно без меня в новой жизни. Я передам все, что смогу. Но этого все равно будет мало. Да, мы с тобой не всегда ладили, но сейчас не время для личной вражды. Я не знаю никого другого, кто смог бы расхлебать ту кашу, которую я помог заварить.

Ян сглотнул подступивший к горлу комок. Выходит вот что задумал Шаман. Во время ритуала он отдаст ученику

не только своих духов-хранителей, но и свою жизнь. Парень станет новым полноценным шаманом. Со всеми плюсами и минусами обретенной силы. Например, с отсутствием простого человеческого зрения. И пока он не научится смотреть глазами духов, он будет совершенно беспомощным. Значит так старик решил расплатиться за свои грехи? Обменяв свою жизнь, которой так дорожил, на жизнь парня, которого втянул во все это из глупости и гордыни. Достойная цена.

– Ладно, я за ним присмотрю. – он с трудом сохранил безразличие в голосе. – Если, конечно, выживу.

– Выживешь. – ухмыльнулся Шаман. – Ты ведь уже придумал, как все исправить. Не так ли, двухголовый?

Ян кивнул. Шаман кивнул в ответ. И начал ритуал. Духи окружили их плотным кольцом, будто формируя кокон. Ян остро чувствовал себя лишним в этом тускло мерцающем шаре, но он не мог отпустить парня и позволить ему сорвать ритуал. Шаман достал варган и тихо наигрывал заунывную жутковатую мелодию, от которой по спине то и дело пробегала толпа мурашек. И чем громче становился звук варгана, там плотнее сжималось кольцо. Яну пришлось пригнуться, припасть к парнишке всем телом, чтобы голова не торчала из светящейся сферы. Шаман тоже придвинулся ближе. Теперь они касались друг друга и Ян чувствовал, как холодеет тело старика. Его кожа побледнела, черты заострились и он все больше походил на покойника. Когда духи слились в один сплошной светящийся поток, Шаман прекратил играть,

склонился к лицу ученика и то ли поцеловал его в губы, то ли просто вдохнул в него свою жизнь. Тело старика застыло, а потом стало медленно рассыпаться мелким серым песком. Даже трупа не останется, чтобы похоронить.

Когда последние крупинки упали на пол, парень перестал дергаться и открыл глаза. Он вдохнул полной грудью и во все горло заорал. По щекам текли кровавые слезы, а в глазах клубилась первозданная живая Тьма. Ян крепче прижал его к полу от греха подальше и прошептал в самое ухо:

– Тише-тише, все будет хорошо. Точнее, все уже намного лучше, чем было. Ты жив и считай здоров. Я сейчас тебя отпущу, а ты не будешь меня бить или пытаться вскочить и убежать. Мы спокойно поговорим, а потом я помогу тебе с этим жить. Идет?

Парень замолчал. Похоже, в его рыжей голове потихоньку структурировалась впихнутая Шаманом информация. Его знания, воспоминания, чувства. Кусочек его личности, который теперь станет частью этого оболтуса. Остается надеяться, что он способный ученик и быстро все освоит. Иначе жертва старика будет напрасной. Вот же блин! И ведь еще вчера Ян готов был убить их обоих. А теперь заделался нянькой. И что ему делать с этим рыжим олухом?

Все еще тихонько всхлипывая, парень согласно кивнул и Ян ослабил хватку.

Глава 35

Март. Наши дни.

Кот бесновался у двери, отчаянно царапая когтями искусственную кожу обшивки. «Антивандальное» покрытие пока еще сопротивлялось кошачьим когтям, но держалось из последних сил. Все это сопровождалось душераздирающими воплями, способными свести с ума.

– Хочешь, чтобы я тебя выпустила? – Надя вышла в коридор и непонимающе смотрела на рыжую тварь.

Кот прекратил издеваться над дверью и принялся тереться о ботинки, легонько подталкивая их к Наде.

– Я должна обуться и пойти с тобой? – сообразила она. – Куда, если не секрет?

Кот посмотрел на нее, как на умалишенную. На круглой морде отчетливо читалось: «Ты что реально ждешь, что я отвечу»?

– Извини, но я бы совсем не удивилась, – вздохнула Надя. – Ты ведь явно не простой кот. Ты встречал меня на вокзале, помог найти эту квартиру и с самоката уронил прямо под ноги Яну. Признавайся, чей ты фамилльяр?

Кот, конечно же, не ответил. Только громко заорал и снова подтолкнул к ней ботинки. Надя пожалала плечами, обу-

лась, накинула пальто и вышла из квартиры. Кот стрелой помчался вниз по лестнице, иногда оглядываясь. Выходит, он и правда вел ее куда-то. Но куда? На улице он ринулся вперед. Надя припустила за ним совершенно незнакомой дорогой. Кот петлял и вилял по узким улочкам и подворотням, время от времени останавливаясь, чтобы Надя не потеряла его из виду. Путь, которым они шли, был незнакомым, но привел ее в знакомые места. Неожиданно для себя, Надя вышла к дверям своей кофейни. Кот застыл на пороге, деликатно пиная лапкой дверь.

Надя замерла в нерешительности. Еще вчера она клялась себе, что больше никогда не ступит на порог этого ужасного места. Что как бы Ян ее не уговаривал, она не будет иметь с ним ничего общего. К тому же на двери висела табличка «Закрыто», а внутри царил неприветливый мрак. Но оставаться на улице, под чернеющим небом, оказалось куда страшнее, чем зайти внутрь. И Надя робко толкнула такую знакомую дверь. Дверь, на удивление, поддалась и открылась. Приветливо звякнул колокольчик. Забыли запереть, когда уходили? Она вошла в зал и только сейчас заметила тусклый свет из-под двери подсобки.

Яна вышла из подсобки, словно привидение из склепа. Бледная, помятая, с синяками вокруг покрасневших глаз, опухшим носом и трещинами на губах. Она зябко куталась в куртку, словно только что вошла с улицы. Или собиралась уходить. Надя никогда еще не видела ее такой. Обычно Яна

была безупречно опрятна, аккуратно причесана, в меру накрашена и очень стильно одета. Сейчас же она словно одевалась не глядя. А потом от души повалялась в грязи. А еще в ней что-то изменилось. Будто бы чего-то не хватало во взгляде.

– Яна? – Надя неуверенно переминалась с ноги на ногу. – Ты ведь только Яна, да? Или этот врун прячется за твоей спиной?

– Нет. – Яна покачала головой. – Яна здесь нет. А я как раз собиралась тебя искать. Городу нужна твоя помощь. Это он тебя привел? – Яна указала на кота.

– Да. Ворвался ко мне в окно, перепугал соседей своим криком, заставил идти за ним. Что вообще происходит? Ваш очередной фокус, чтобы привлечь мое внимание?

– Увы, но нет. – Яна тяжело опустилась на ближайший стул. Она выглядела смертельно усталой. – Это Оле. Он немножко разозлился и решил отыгаться на Городе.

– Разозлился? Из-за чего? – Надя не могла себе представить злого Оле. Этот улыбчивый весельчак всегда излучал позитив. Неужели он способен злиться?

– Его брата превратили в бездушную тварь.

До Нади постепенно стало доходить, что происходит. Брат Оле – Тод. Они с Яной встречаются. И если с ним что-то случилось, неудивительно что Яна сама не своя. Если бы с Яном случилась беда, она бы тоже... Стоп! А где, собственно, Ян?

– Где Ян? – вслух спросила Надя.

– Пошел искать хозяина этой рыжей бестии. Мы теперь по отдельности, так что успеваем в два раза больше. – Яна попыталась улыбнуться.

– А это хорошо или плохо? – Надя не знала, как на это реагировать: поздравлять или сочувствовать.

– Наверное, хорошо, с учетом того, что мы сами этого хотели. Но пока что очень непривычно.

– В таком случае поздравляю, – промямлила Надя.

– Спасибо. – Яна встала и направилась к кофе-машине. – Надя, прости нас, пожалуйста. Моя вторая половина даже не додумался извиниться за все, во что тебя втравил. Мы правда не знали о твоей природе. Точнее, узнали совсем недавно. Хочешь кофе?

– Нет, спасибо. – Надя нарезала круги по залу, не решаясь сесть. – Почему вы раньше мне все не рассказали? Я ведь всю жизнь мечтала о чем-то подобном! Ну, то есть, все то время, которое я себя помню. Волшебные создания, магия, чудеса всякие. Я бы не испугалась.

– Это ты сейчас так говоришь, – вздохнула Яна. – Люди редко рады встрече с потусторонним, даже если всю жизнь об этом мечтали. Как правило, очень быстро приходит осознание, что раз в мире есть феи и единороги, то злые колдуны и драконы тоже есть. А это пугает. В прошлом у нас было несколько неприятных случаев, после которых мы решили больше никому ничего не объяснять, если человек сам не начнет задавать вопросы. Ты не задавала. Нужно было на-

плевать на правила хорошего тона и самой тебе все рассказать, а не ждать пока Ян разродится.

– Я, конечно, на вас дико зла! – Надя присела на краешек стола. – Но сейчас немножко не до этого, ведь так?

– Хорошо, что ты это понимаешь. – Яна налила себе чашку эспрессо, выпила залпом и поморщилась. – Сейчас нам важнее всего спасти горожан от кошмаров, которыми их пичкает Оле. Если вдруг тебе ужасно страшно, то это из-за него. И я ума не приложу, что с этим делать. Ян должен попытаться уговорить Шамана нам помочь. Его духи могли бы сразиться с кошмарами и сдержать их наступление. Но нет гарантии, что старик согласится и что они не опоздают. Он совсем недавно ушел.

– Слушай, я понимаю, что времени мало, – Надя подошла к Яне. – но могла бы ты хоть в двух словах объяснить мне, что вообще происходит? Я, знаешь ли, всегда считала, что Оле Лукойе это такой милый гномик в колпачке, который приносит детям добрые сны. Не хотелось бы накосячить по незнанию.

И Яна рассказала ей все. Про них с Яном, про Оле и Тода, который на самом деле Смерть, про Шамана, который очень хотел, чтобы они уехали из Города. Про то, что Тод нарушил какие-то там важные правила и за это его наказали. А Оле взбесился и наслал на Город свору кошмаров. А еще про то, что она, Надя, может все это остановить, потому что порождение и должна защищать горожан.

– Вот оно что, – вздохнула Надя. – Не то, чтобы я многое поняла, но мне в голову пришла идея. Было бы логично бороться с кошмарами с помощью добрых снов. Что? Я в мультике видела! – огрызнулась она на недоверчивый взгляд Яны и тут же осеклась. Когда-нибудь она привыкнет, что все ее воспоминания о детстве ложные, но любимый мультик она пересматривала пару месяцев назад. Так что была в нем уверена.

– Мультик это, конечно, ценный источник информации, – вымученно улыбнулась Яна. – Хотя, с другой стороны мы имеем дело с Оле. Оставить подобную подсказку на случай кризиса вполне в его стиле, – и она улыбнулась уже более искренне, кажется каким-то своим мыслям.

– Ну в таком случае нам просто нужен кто-то, кто умеет создавать приятные сны. – улыбнулась Надя.

– На твоё счастье, у нас есть целый демиург, способный создать что угодно. – Яна картинным жестом засучила рукава куртки. – Но мне понадобится помощь. Я способна воплотить в жизнь любую фантазию или изменить уже существующую форму жизни, но я не смогу заставить её сражаться. Для этого мне понадобится ты. Идем, нам нужен оперативный простор.

Жахнув ещё одну чашку эспрессо, Яна достала непонятно откуда древнюю связку ключей и открыла одним из них входную дверь. Дверь превратилась в чёрный провал. Яна ухватила Надю за руку и вместе с ней шагнула во тьму.

Они вышли на крыше замка, венчающего город. Здесь концентрация кошмаров была особенно высока. Черные тени кружились, подобно торнадо, готовые подхватить и унести в неведомые дали, как бедолагу Дороти из Канзаса. И в центре этого теневорота копошилось нечто, напоминавшее клубок черных змей.

– Там внутри Оле, – крикнула Яна, пытаясь перекрыть шипение, от которого волосы вставали дыбом. – К нему не подобраться. Эти твари его охраняют. Но я подумала, что действовать лучше вблизи источника. Дай мне руки и сосредоточься на своей любви к этому Городу. Попробуй вспомнить все приятные эмоции, которые он тебе подарил.

Они встали лицом к лицу, взялись за руки и Надя закрыла глаза. Вспомнить все приятные эмоции, говорите? Что ж, она попробует. Хотя сейчас это будет непросто. События последних дней умудрились сильно испортить впечатления от Города и от Яна. Ян... Надя невольно вспомнила улыбку смуглого бармена, тепло его рук, ловкие пальцы. Как он смешивает компоненты коктейлей и выглядит при этом настоящим волшебником. И как посетители бара с восторгом следят за процессом и наслаждаются результатом. И как Яна варит пунш, от которого становится легко на душе, и может часами слушать о чужих проблемах, подбадривая и помогая советом. Тепло и уют их крошечного бара. Запах кофе, сушеных апельсинов, корицы и свежей выпечки. Звонкий, заразительный смех Оле и едва заметная улыбка Тода. И Джа-

стин с его кукольным личиком и манерами сказочного принца. Все проведенные в кофейне дни и ночи. И рождественская ярмарка, на которой они с Яном веселились почти до рассвета. И огромная живая елка, украшенная старыми игрушками. И все секреты, которые открыл ей Город. Потрясающе вкусные трдельники в неприметном кафе за углом, карусели на набережной, запах Моря.

С каждым таким воспоминанием внутри Нади поднималась волна тепла. И тут она вспомнила светлячков посреди заснеженного города и мелодичный звон колокольчиков в волосах Яны в Самую Длинную Ночь. И внутри нее будто лопнул огромный мыльный пузырь. С тихим звоном тысячи золотистых искр рванули в черное небо. Как звездопад, только наоборот. Звон становился все громче, а потом к нему добавилось шипение. Словно раскаленные угли падали в холодную воду. Надя открыла глаза и ахнула от восторга: они стояли посреди потока золотых искр, будто в центре фейерверка. Совсем летний ветер трепал их волосы, шевелил полы одежды и кажется легонько поднимал над землей. Глаза Яны светились теплым зеленым светом, на лице блуждала добрая улыбка. Богиня занималась тем, чем и должна была – она творила. Искры собирались в образы причудливых зверей и птиц, врезались в черное марево кошмаров и те с шипением растворялись, оставляя прорехи в беспросветном мраке. Прорехи становились все больше, небо заволакивало светло-зеленым светом, так похожим на северное сияние.

Оно расплзлось, заменяя собой пелену черного песка. И вот уже мрачные тени остались только вокруг взбесившегося Оле. Черный кокон, ощетилившийся хищными щупальцами. Они никак не хотели отступать и продолжали защищать своего хозяина. Хотя и поредели. Фигура Оле была уже хорошо различима за полупрозрачной завесой тьмы.

На лице Яны блестели капельки пота. Она закусила нижнюю губу, а руки стали мелко подрагивать. Похоже, и богиня имеет свой предел. Еще бы! Избавить целый Город от кошмаров! Сколько они уже так стоят? Минуту? Десять минут? А может час? Надя совсем потеряла счет времени. Вот только источник проблемы все еще оставался на месте и в любой момент мог перейти в контрнаступление.

– Спасибо за помощь, – прозвучал над ухом тихий низкий голос и на плечо легла тяжелая холодная рука. – Дальше я сам.

Надя повернулась на голос и почувствовала, как дрогнули руки Яны. Рядом с ними стоял Тод, своими ладонями словно прижимая их к земле, чтобы не улетели. Бледный, растрепанный, по левой щеке стекает кровь из рваной раны на скуле. Яна всхлипнула, разжала руки и бросилась ему на шею. Он на секунду замер в нерешительности, поморщился, словно от боли, и крепко сжал ее в объятьях.

– Ты вернулся! – шептала богиня, уткнувшись носом ему в ключицу, – Я так испугалась! Я думала, что потеряла тебя навсегда.

– От меня не так просто избавиться, – криво ухмыльнулся он, ласково глядя ее по волосам.

И внезапно для всех (похоже, в том числе и для самих себя) они стали целоваться. Страстно, жадно, будто после долгой разлуки. Надя поняла, что краснеет и отвернулась. Она никогда еще не видела, чтобы эти двое публично проявляли свои чувства. Они даже за руки почти никогда не держались, а тут такое.

– Кажется, мы здесь лишние, – Ян вынырнул из темноты. Точнее, вошел в поток света, все еще кружащий над ними. – Пойдем, не будем их смущать.

Они отошли на пару шагов и застенчиво уставились в другую сторону. Надя украдкой посмотрела на любимого. Да, она по-прежнему его любила, несмотря на все пережитое. Правую руку Яна покрывали мелкие порезы, будто он разбивал ею стекла. В остальном же он выглядел вполне здоровым. И очень смущенным.

– Прости меня за все, – промямлил он, упорно глядя в пол. – Я вел себя по-свински. Обещаю исправиться.

– Только попробуй не исправиться. – буркнула Надя в ответ. – И я уроню тебе на голову кирпич с ближайшего дома. Теперь я точно знаю, что на это способна. Я ведь Хранитель Города, так что могу не церемониться.

Они смерили друг друга негодующими взглядами и рассмеялись.

– Не хочу прерывать вашу идиллию, – Тод оторвался от

Яны и подвел ее к ним. – Но вам пора уходить. Дальше будет нелицеприятная сцена домашнего насилия. Это не для посторонних глаз.

– У тебя кровь идет. – озвучила Надя очевидную вещь. – Ты в порядке?

Тод явно был не в порядке, и дело вовсе не в ране на щеке. Он двигался как-то скованно и время от времени морщился.

– Угу. – ответил он, вытирая щеку рукавом. – Просто кое-кто радикально вернул меня в чувства. И подсказал отличную идею, как призвать к порядку расшалившегося брата. Возвращайтесь в бар, мы скоро придем.

Яна уже открыла дверь своими странными ключами и они с Яном собирались шагнуть в темноту. Надя пошла за ними когда за спиной раздался голос Смерти.

– Младший! – рявкнул он, направляясь к жуткому кокону Оле. – Кончай дурить! Быстро собирай свои игрушки, иначе оставлю без сладкого!

Кто-то дернул Надю за рукав и втащил во тьму прохода.

– Что ты сделал? – спросила Яна, когда они шагнули на знакомый до боли шахматный пол родной кофейни. – Как ты его вернул?

– Это долгая история. – пожал плечами Ян.

– Не то, чтобы мы куда-то торопились. – Яна обессилено уселась на пол. – Так что выкладывай.

Глава 36

Март. Наши дни.

Ян практически на руках втащил обессиленного юного шамана в темный зал кофейни. Хорошо, что Яна оставила ключ от пути. Иначе пришлось бы вызывать такси и выдумывать что-нибудь про пьяного друга. Благо хоть в логове Шамана нашлось чем оттереть с кожи руны и перевязать все еще кровоточащие глаза. И одежда парня во время ритуала не пострадала. Можно было не думать хотя бы об этом.

– Побудь пока здесь, – Ян осторожно усадил слегка ошалевшего парня в удобное кресло за столиком в углу. – Если честно, я понятия не имею, как ухаживать за ранеными. Тебе бы сейчас поесть чего-нибудь, но тут такой раздрай, что могу предложить разве что сладкий кофе с молоком. Это лучше, чем ничего. Будешь?

Парень кивнул. Он довольно быстро пришел в сознание и не впал в ступор, что Яну однозначно понравилось – не придется приводить в чувства еще и этого и можно спокойно заняться другими делами. Он сделал капучино, бросил в чашку три кубика сахара и направился к своему внезапному подопечному.

– Давай сразу проясним один момент, – Ян сунул чашку

парню в руки. – Ты сейчас что-нибудь видишь?

– Тебя, – ответил он, удивленно озираясь по сторонам. Похоже, тот факт, что он может видеть что-то через повязку, его слегка шокировал. – И бутылки на полке.

– Янины творения. В них есть часть нашей духовной силы. Значит ты можешь видеть духовную энергию. Скорее всего, сможешь различать всех живых существ и что-то, в чем есть магия. Это не совсем зрение, но тоже неплохо.

Похоже, рыжий не разделял его оптимизм. Он с каменным лицом пил кофе и молчал. Увы, Яну некогда было его подбадривать.

– Я тут внезапно понял, – сказал он, возвращаясь за стойку и гремя посудой в поисках подходящей емкости, – что не знаю твоего имени. Как тебя зовут-то?

– Даниил, – буркнул рыжий. – Но лучше Нил. Не люблю, когда называют полным именем.

– Я тоже, – Ян выбрал достаточно глубокий противень и с грохотом водрузил на стойку. – Поэтому, будь добр, зови меня просто Ян. Ага, вот ты-то мне и нужна! – зазвенели бутылки на полке. Ян снял одну, некогда с коньяком, а теперь с искрящейся янтарной жидкостью, с характерным «чпок» откупорил пробку. Когда-то Яна поймала сюда смех Тода. Пришла пора использовать ее творение.

– Что ты делаешь? – Нил повернулся на звук.

– Готовлю подарочек для Смерти, – Ян вылил содержимое бутылки в противень. – Хочу вернуть его в чувства, чтобы

угомонил озверевшего братца. Иначе к утру в Городе может не остаться живых.

– И как ты собираешься это сделать? – парень неуклюже поставил пустую чашку на стол. – В смысле, может тебе помощь какая нужна? Просто я чувствую себя маленько виноватым во всей этой фигне.

– Сказку про Снежную королеву знаешь? – Яну очень хотелось огрызнуться в духе «спасибо, ты уже помог», но он сдержался.

– Про Кая и Герду? Кто ж ее не знает? А при чем здесь сказка?

– При всем. С Тодом случилось то же, что с Каем. Это называется «поцелуй Зимы». Сердце жертвы как будто замерзает, покрывается ледяным панцирем. Ну не в физическом плане, конечно. В духовном. Все чувства запираются внутри панциря, снаружи остается только холодный разум. И растопить эту дрянь можно только любовью, как бы сказочно банально это не звучало.

– Ты собрался его целовать? – ухмыльнулся недошаман.

– Нет. Герда Кая тоже не целовала. – Ян кончиком пальца проверил остроту ножа. – Просто никто не захотел бы читать эту историю в первоизданном виде, вот ее и переиначили.

– И что же там на самом деле случилось?

– Она как следует ему врезала, – буркнул Ян и полоснул ножом себе по правой ладони.

Ну да, никто бы не захотел читать сказку, в которой влюб-

ленная девушка избивает своего любимого, а потом разворачивается и уходит, потому что больше не испытывает к нему никаких чувств. Потому что всю свою любовь она вложила в зелье, в котором намочила руки перед ударом. Любовь, нежность, преданность, общие воспоминания. Все, что способно растопить, а точнее разбить, слой льда, покрывающий сердце, растворилось в зелье. Том самом, которое сейчас готовил он сам. И очень надеялся, что чувства не обязательно должны быть к избиваемому. Потому что чувства, которые он испытывал к жнецу, были очень странными. Наверное, так можно относиться к парню младшей сестры – гремучая смесь недоверия, настороженности и ревности. И злости за то, что этот гад разбил ей сердце. Как минимум, бить Ян будет от души и в полную силу.

– А как же зеркало тролля, из-за которого Кай стал жестоким? – спросил Нил.

– Это называется пубертат. – ответил Ян. – Мальчик начал взрослеть, вот его все и бесило. Хочешь сказать, сам таким не был?

Ян опустил порезанную руку в противень с настойкой и зашипел, когда спирт заполнил свежую рану. Алая кровь смешалась с янтарной, слегка газированной жидкостью, по поверхности прошла рябь. Он опустил в раствор вторую руку и подумал об Анжеле. Если и были в его сердце достаточно сильные чувства, то именно к ней. И будет только лучше, если он от них избавится. Пусть его несчастная любовь сде-

дает хоть кого-то счастливым.

– Надеюсь, такая жертва подойдет? – прошептал Ян, глядя на свои руки, искаженные мутным зельем.

Ян ждал, но ничего не произошло. Он в чем-то ошибся? Или его любовь была фальшивой? Просто игрой, которую он себе придумал, чтобы не отставать от Яны. Действительно ли он любил Анжелу? Или просто хотел ею обладать и бесился, что она не поддавалась на его обаяние? Что он на самом деле чувствовал все это время? Обиду и одиночество, когда Яна впервые отказалась делить с ним свои чувства. Ревность и злость, когда она уходила в ночь в компании жнеца и возвращалась счастливая. Алчность при встрече с Анжелой и ненависть к совершенно незнакомому человеку, который посмел встать между ними. И раздражение, что у него не получается понять Яну и те эмоции, которые ее переполняют при общении с Тодом и даже при воспоминании о нем. Это были совершенно другие чувства, не похожие на его слепую жажду обладания. И он не понимал, почему Яна испытывает их к кому-то другому. Ведь раньше они предназначались ему. И он отвечал на них взаимностью. До сих пор отвечал. Желание оберегать, радовать, отдавать все самое лучшее, делить на двоих радости, и хоть частично забирать чужую боль, поддерживать друг друга. И острая физическая необходимость быть вместе. Выходит...

– Выходит, я люблю Яну. – выдохнул Ян. – И всегда любил. Вот значит, как. В таком случае я ничуть не умнее ду-

рочки Герды. А может даже глупее.

Зелье легонько засветилось и будто ожило. Оно поползло вверх по рукам, до самого локтя покрывая их пленкой, словно прозрачными бурыми перчатками, пока все не оказалось на коже. Ян поднес руки к лицу, покрутил перед глазами, рассматривая странную пленку, сжал и разжал кулаки. Покрытие было гибким, словно вторая кожа, и не стесняло движений. Ян постучал пальцами о столешницу и услышал мелодичный звон, будто руки были стеклянными. Интересно, насколько эта штука прочная? Он со всей дури саданул кулаком в стойку: на лаке остались царапины, а пленка на руке даже не треснула. Похоже, этим можно убить. Ну или, как минимум, переломать кости. Ничего, парочка переломов пойдет кое-кому на пользу. Оклемается, куда он денется.

– Судя по странной фигуре на руках, у тебя все получилось? – внезапно подал голос Нил. – Что это вообще такое?

– То, чем я буду выбивать дурь из Смерти, – зловеще ухмыльнулся Ян. – Если, конечно, поймаю.

Это была вторая проблема, которую предстояло решить. Самый надежный способ отловить жнеца во время работы – поджидать его у смертного одра следующей жертвы. Вот только для этого нужно либо точно знать такого человека, либо организовать его самостоятельно. На долю секунды Ян даже вообразил, как накачивает слепого и беспомощного недошамана конской дозой снотворного и спокойно ждет появления Тода. Возможно, не дай он старику обещание при-

смотреть за парнем, он бы так и сделал. Теперь уже не имело смысла гадать. Поэтому он просто достал из кармана еще один ключ, который дала ему Яна. Хорошо, что ключей на связке добрый десяток, а он хоть и потерял способность открывать свои пути, но может пользоваться уже открытыми. Этот путь вел к Смерти. Где бы жнец не находился, Ян выйдет точнехонько к нему.

– Оставайся здесь и попробуй поспать. – бросил он Нилу, открывая дверь. – Я скоро вернусь. Надеюсь, не один.

И снова какая-то крыша. Вот же верхолаз-любитель, блин! И чего ему на земле не сидится?

– Наслаждаешься видом? – Ян уверенной походкой направился к Тоду, стоящему у края крыши новенького бизнес-центра. – Или собираешься прыгнуть от осознания собственной подлости?

– Что тебе от меня нужно? – голос Смерти был холоден и спокоен.

– Да так, пришел наказать тебя за плохое поведение. – пожал плечами Ян, – Так что отойди от края дабы чего не вышло. Убивать тебя в мои планы не входит.

Кажется, ему удалось удивить Смерть. Жнец обернулся и внимательно на него посмотрел. Его конь раздраженно всхрапнул и топнул копытом.

– Не припомню, чтобы заслужил наказание. – Тод смотрел на Яна слегка светящимися льдисто-голубыми глазами. – Я

просто делаю свою работу. Кто ж виноват, что моя работа убивает людей.

– Знаешь, если честно, мне плевать на людей. – Ян старался говорить спокойно. – И всегда было плевать. Пусть хоть все вымрут, как динозавры и мамонты. Я все равно не верю в байку Шамана, что исчезну вместе с человечеством. Так что можешь делать с ними все, что считаешь нужным. Но ты, отморозок, умудрился обидеть Яну. Единственное существо, которое мне действительно дорого. И за это я тебя накажу.

– И как же? – на холодном лице жнеца не появилось и тени улыбки. – Прогонишь меня посохом, как врага рода людского? Или натравишь своих псин? А сможешь?

– Нет, все гораздо проще.

Ян ударил без предупреждения. Со всего размаху, прямо по морде. Угодил в левую скулу, чуть ниже глаза. Жнец был выше где-то на полголовы и более худощавый, но даже не попытался увернуться. То ли просто не ожидал от Яна такой вопиющей грубости, то ли «поцелуй» заморозил не только чувства, но и реакцию. Он потрогал окровавленную щеку и с каким-то детским удивлением уставился на грязные пальцы. Ян не стал дожидаться, когда оппонент осознает происходящее, и ударил второй раз. В центр груди, туда, где соединяются ребра, защищающие сердце. Раздался звонкий хруст, похожий на бьющееся стекло. Тод с легким присвистом выдохнул воздух, покачнулся и упал на четвереньки, глядя перед собой выпученными глазами и пытаясь вдохнуть. Ян по-

дошел и замахнулся для следующего удара. Он выбьет из него всю дурь. Будет бить, пока жнец не осознают свою вину и не начнет молить о прощении. Его и Яну.

Но ударить в третий раз ему не удалось. Тод перехватил занесенную для удара руку, перекинул Яна через себя и прижал его к полу лицом вниз, заломив руки за спину.

– Хватит! – уже далеко не так спокойно прохрипел жнец у него над ухом. – Уймись уже. Янка не обрадуется, если мы друг друга покалечим.

Ян выдохнул с облегчением и перестал дергаться. У него получилось. Тод ослабил хватку, встал и протянул ему руку. Ян перевернулся, ухватился за ледяную ладонь жнеца и только сейчас заметил, что его правая кисть вся в порезах. Вот, значит, как это работает. Жнец дернул его на себя, поднимая с земли и, судя по лицу, с трудом сдержал крик. Он ощупал грудину, поморщился и медленно, пошатываясь побрел к своему коню.

– Ты как? – спросил Ян. – Выглядишь неважно.

– Жить буду. – Смерть нежно погладил животное по светло-серой шерсти между глазами, прижался лбом к лошадиному лбу, что-то тихо прошептал и конь превратился в хорошо знакомый Яну мотоцикл. – Спасибо, что вернул меня в чувства.

– Скорее, я вернул чувства в тебя. – нервно хохотнул Ян. – Если честно, не был уверен, что получится. Что ты намерен делать?

– Провести воспитательную беседу с братом. А то он совсем расшалился.

Ян посмотрел на Город. Небо озаряли вспышки золотисто-зеленого света. Свечение расплзлось и черные тени потихоньку отступали. Тод, уже усевшийся в седло, на секунду замер, глядя на источник света. Яну показалось, что он едва заметно улыбнулся. А потом до упора выжал газ и с ревом унесся в ночное небо. Ну да, зачем Смерти спускаться на землю, когда можно и так?

– Мог бы и подвезти. – пробурчал Ян, направляясь к ближайшей двери.

Глава 37

Март. Наши дни.

– Просыпайся, Оле! Тебя ждет целый мир! Давай, братишка, не ленись.

Чей это голос? И чьи руки трясут его за плечо? Почему они такие холодные? Он сказал «братишка»? Точно! У него же есть брат-близнец! Его зовут Тод, но чаще называют Смертью. А он тогда кто? Оле? Точно, Оле – сказочник, приносящий людям сны. Кому-то добрые, а кому-то – не очень. Люди разные бывают и заслуживают разных снов. Брат прав: его ждет целый мир.

Оле с трудом открыл глаза. Его окружала Тьма. Черная, непроглядная, дышащая Тьма. И в ней, будто на экране синематографа, мелькали яркие картинки. Кадры из его жизни.

– Эй, Тод! – Оле свесился через парапет самой высокой крыши города и восторженными глазами смотрит на площадь внизу. – У них сегодня праздник! Давай отдохнем одну ночь и повеселимся со всеми? Мир не рухнет, если сегодня

никто не увидит снов и не умрет. Смотри, как там здорово!

На площади горят костры, длинные столы ломаются от угощений, люди водят хороводы под веселую музыку, кричат и смеются. Девушки сбились в стайку и ждут, чтобы их пригласили в круг танцевать.

– Иди, если хочешь. – брат стоит рядом, повернувшись спиной к краю крыши, и смотрит в небо. – Я должен работать. Жнецам нельзя нарушать ход истории. В том числе и бездействием.

– А вот и пойду. – дуется Оле. – А ты и дальше сиди тут один, как сыч. Хотя ты больше на ворону похож.

– Ты можешь хоть один вечер провести дома, в тишине и покое? – Тод старается себя сдерживать, но льдисто-голубые глаза блестят от злости. – Желательно, без посторонних.

– И чем тебе так не угодили мои друзья? – Оле смотрит в лицо брата и понимает, что выглядит сейчас точно так же. – Они все интересные и приличные люди. Мог бы вести себя с ними повежливее!

– Они люди. – огрызается Тод. – А мы нет. – и уже спокойнее добавляет. – Просто я не хочу, чтобы ты ходил туда сегодня. Побудь дома. Со мной.

В глазах брата читается мольба. И страх. Чего он боится? Почему не хочет отпускать Оле на бал к губернатору? Брат

что-то знает?

– Ты что-то знаешь? – спрашивает Оле. – Что-то случится сегодня во дворце?

В ответ брат молча кивает.

– Что случится? Откуда ты это знаешь?

– Будет пожар. Многие погибнут. – Тод опускает глаза и внимательно изучает носки своих сапог. – Я видел их смерти.

– Ты что? – не понимает Оле. – Что это значит? Ты можешь видеть чужие смерти?

– Я не могу их не видеть. Я жнец, Оле. Жнецы видят смерть каждого человека, на которого смотрят. От этого невозможно как-то закрыться. Оно просто есть.

– Тогда мы должны всех предупредить! – Оле бросается к двери. – Там мои друзья!

– Нельзя! – брат хватает его за руку и рывком отбрасывает назад. – Нам нельзя нарушать ход истории. Все, что мы можем, это смотреть и не вмешиваться. Или не смотреть.

– Так ты поэтому не любишь людей. – Оле чувствует, что краснеет. – Тебе просто неприятно на них смотреть. Я не знал. Правда, не знал.

– Оле, пожалуйста, верни мне зонт. – брат устало трет глаза. – Без него я не могу работать.

– Ты еще скажи, что не успеваешь выполнить план. – Оле

вертит в руке черный зонт Смерти. – Верну, когда отдохнешь. Хотя бы пару дней. Ты уже сам похож на покойника. Эти психованные бабы совсем тебя не щадят. Почему Война с Чумой напару устраивают бардак, а ты за ними разгребашь? Пусть другие жнецы поработают, если уж вам так не терпится отправить человечество на тот свет.

– Другие не могут сделать то, что делаю я. – вздыхает Тод. – У каждого из нас свое предназначение. У тебя, между прочим, тоже. Так что отдай зонт. Я не хочу с тобой драться.

– Ну и нахрена ты с ними связался? – пропитанная спиртом ватка легонько прижимается к разбитой губе. Оле шипит от боли, а брат тяжело вздыхает и продолжает свою экзекуцию, которую почему-то называет первой помощью. – Со всем мозгов нет?

Ему тоже досталось: под глазом у Смерти красуется темно-фиолетовый фингал. Но Оле по сравнению с близнецом просто этюд в багровых тонах. Хорошо, хоть нос уцелел и кожа не повреждена. Шрамы, конечно, украшают мужчин, но не всех.

– Они говорили про тебя гадости. Как я мог промолчать?

– Тебе нужно научиться сдерживать эмоции, – брат смотрит на него с укоризной. – Я, конечно, ценю твою братскую любовь и заботу, но тебе стоит чаще думать о себе и соб-

ственном благополучии. А если бы этот козел пырнул тебя ножом? Как думаешь, я был бы счастлив везти тебя в больницу и сидеть потом у твоей постели? Или чего похуже.

Оле обиженно сопит, а Тод продолжает:

– Знаешь, мне совершенно не нравится постоянно вытаскивать тебя из потасовок. И еще больше мне не нравится, что ты влезаешь в них якобы ради меня. Мне не нужна нянька, Оле.

– Ты в этом так уверен? – из-за разбитой губы улыбаться больно. – Ты же совершенно не умеешь постоять за себя. Да и вообще один не выживешь. Готовить не умеешь, в магазин сходить не можешь. Помрешь с голодухи.

– Не все так плохо, как ты расписываешь, – едва заметно улыбается брат. – Прокормить себя я вполне способен. Ну а то, что я не бросаюсь с кулаками на каждого, кто косо на меня посмотрел, признак здравомыслия, а не беспомощности. Тебе бы тоже не помешало обзавестись этим качеством. В первую очередь, ради моего спокойствия.

– Иногда мне хочется стать таким же, как все остальные жнецы, – брат смотрит на залитый зимним солнцем город, в покрасневших на морозе пальцах тлеет позабытая сигарета. – Безразличным к человеческим жизням, считающим их просто цифрами в отчетах. Чтобы перестать каждый раз чув-

ствовать себя трусливым эгоистом, который может помочь, но боится за свою драгоценную шкуру.

Оле делает вид, что разглядывает птиц на соседнем карнизе, чтобы не смотреть в лицо близнецу. Они стоят на крошечном балконе квартиры брата и Оле в очередной раз очень неуютно от того, что нужно приходиться к брату в гости, а потом уходить, оставляя его одного. Но близнец сам так решил. Ему так проще. Проще свести свое общение со смертными к минимуму.

– Ты не эгоист, – почти шепчет Оле, поворачиваясь к брату. – А люди даже не представляют, как им с тобой повезло. Что будет, если ты станешь работать так же грубо, как, например, прихвостень Войны? И пусть только кто-то попробует обвинить тебя в эгоизме. Я ему морду набью.

– Может этого я и боюсь, – криво ухмыляется близнец. И поясняет для застывшего в недоумении Оле: – Боюсь, что если нарушу правила и меня накажут, на мое место придет кто-то другой. Не такой сердобольный. Потому и сдерживаюсь каждый раз. Вот же хрень собачья! За столько лет мог бы уже иммунитет выработать. Но нет, всякий раз как в первый.

Оле снова сверлит взглядом птиц. Брат редко бывает настолько откровенен. С другой стороны, Оле редко удается напоить его до такого состояния. Ничего, иногда это нужно. Им обоим. Сегодня как раз такой случай.

– Ты слишком много куришь, – укоризненно бурчит Оле, глядя как брат закуривает очередную сигарету. Он уже сбил-

ся, которую по счету. – Это вредно.

– Не волнуйся, это меня не убьет, – улыбается близнец. – Я скорее сдохну от чувства вины перед всеми, кого побоялся спасти. Или в один прекрасный день сам попрошу меня утилизировать, чтобы больше этого не чувствовать.

– Не носи чушь! – Оле смотрит в глаза брату и видит в них свое отражение. Рекурсия, блин. – Они того не стоят. Слышишь? Люди не стоят того, чтобы ты из-за них так поступал. Если ты выкинешь что-то подобное, я за себя не отвечаю!

– Вот значит как. – Оле смотрит на брата, застывшего напротив с безразличным лицом. – А как же правила? Ты же всегда говорил, что жнецы не должны вмешиваться в ход истории! Ты твердил это всякий раз, когда я просил кого-то спасти! Кого-то действительно важного! А теперь ты нарушаешь правила, чтобы привести Шаману ученика? Ради чего? Чем этот пацан такой особенный?

– Это не твое дело, Оле. – голос брата непривычно холоден. – Я сам принимаю решения и сам несу за них ответственность. Пожалуйста, не мешай мне работать.

– Что с тобой случилось? – до Оле начинает потихоньку доходить. – Что Они с тобой сделали? Тебя наказали, ведь так? Наверняка это можно исправить! Я что-нибудь придумаю! Я попрошу Янчика помочь! Мы...

– Не суй нос не в свое дело, Оле. И не смей впутывать в это Януса. Это не ваша забота. Просто оставь меня в покое.

– Брат, послушай меня, пожалуйста! – Оле с трудом сдерживает слезы. – Ты же не такой! Они тебя заколдовали! Нужно все исправить, пока ты не наделал бед.

– Тебе нужно, ты и исправляй. – брат небрежно пожимает плечами. – А меня все устраивает. Кажется, я даже счастлив. Впервые в жизни, между прочим. Так что не лезь ко мне с этой лирикой. И вообще не лезь. Мне не нужна твоя забота. Хватит строить из себя заботливого родича. Ты мне не брат и никогда им не был. Начни уже жить своей жизнью, Оле. Пора повзрослеть и оставить меня в покое. Я же к тебе не лезу.

Слова Тода эхом мечутся в тишине. «Ты мне не брат и никогда им не был». А если не брат, то кто тогда? Кем Тод его считает? Что он вообще такое? А как же все эти дурацкие воспоминания? Все эти годы жизни. Печали и радости, которые они делили. Или это все ему просто приснилось? Ему, пленнику живой непроглядной Тьмы. Если так, то пусть этот сон не кончается.

Оле снова закрыл глаза и кадры-воспоминания исчезли. Но счастливый сон не хотел возвращаться. Его разум заполняла пустота. Она переполняла его, лилась через край, гро-

зила затопить с головой, вызывала лишь страх и отчаяние. Никогда еще ему не было так страшно. И одиноко. И больно. словно его вывернули наизнанку, как старый чулок, и вывесили под проливным дождем и холодным ветром. Совсем одного, без защиты и поддержки, потрохами наружу. Он попытался найти хоть что-то, за что можно было уцепиться, во что можно было завернуться, чтобы согреться. Но даже окружающая его Тьма расплзлась на лоскуты, ускользая из рук.

– Младший! – раздался в пустоте смутно знакомый голос. – Кончай дурить! Быстро собирай свои игрушки, иначе оставлю без сладкого!

Это еще кто? Чего он орет? Он к нему обращается? Неужели не видит, что Оле очень занят – он пытается собрать эти дурацкие обрывки Тьмы, чтобы хоть немного согреться.

Кто-то бесцеремонно встряхнул его за плечи и проорал в самое ухо:

– Оле! Да очнись же ты! Ты же их всех нахрен убьешь, идиотина!

Кого это он убьет? Он и не думал никого убивать. Он просто хотел помочь брату. Точно! У него же есть брат! Это же он его зовет! Он трясет его за плечи своими вечно холодными руками. И он... Мысль прерывает резкая боль. Что это? Почему щека горит и пульсирует? И левый глаз с трудом открывается. И в голове звенит. И спине холодно от прикосно-

вения чего-то твердого. Камни? Он лежит на камнях?

– Давай, братишка, приходи в себя! – Тод легонько похлопал Оле по щекам. – Не заставляй меня снова тебя бить.

– Зачем же так грубо? – простонал Оле, осторожно ощупывая стремительно опухающую щеку.

Левый глаз не менее стремительно заплывал, так что на брата, сидящего рядом с ним на корточках, приходилось смотреть одним правым. Тод выглядел не лучше: бледный, растрепанный, на левой скуле свежая, еще кровоточащая рваная рана. Ему тоже кто-то врезал по роже? Неужели он?

– Это я тебя? – Оле с трудом сел и потряс тяжелой пустой головой.

– К счастью, нет. – ухмыльнулся брат. – Просто один несносный демиург напомнил мне, кто я такой. И что у меня есть не в меру вспыльчивый близнец. Надеюсь, теперь ты успокоился?

И тут Оле с ужасом вспомнил, что он натворил. Он посмотрел на брата с немым вопросом и Тод в ответ легонько потрепал его по волосам.

– Все не так плохо, как могло бы быть. Девчонки отлично справились и не позволили тебе уморить горожан кошмарами. Но давай ты больше так не будешь, ладно?

Брат пытался шутить, но Оле видел, что он и сам не в своей тарелке. Похоже, он жутко перепугался. И за него, и за себя. А еще, похоже, брату было больно. И он с трудом дер-

жался, чтобы не упасть.

– Обещаю больше так не делать, – криво улыбнулся Оле. – если ты пообещаешь хотя бы сегодня отдохнуть. Ночь ведь только началась, да?

– Уболтал, – близнец встал и протянул Оле руку. – Прости меня за все, что я тебе наговорил. На самом деле я так не думаю.

– Я знаю, – Оле поднялся на ноги. – Ты тоже меня прости. За то, что вел себя как конченный эгоист. Мир?

– Мир. – и брат ему улыбнулся.

В бар к Янчику они ввалились, подпирая друг друга, как парочка запойных алкоголиков. И сразу заслужили вопро- сительные взгляды всех собравшихся. Еще бы! Зрелище со стороны должно быть то еще! Оле поискал свое отражение в одном из зеркал на стенах и его единственный зрячий глаз полез на лоб. Что с ним произошло? Когда он успел превра- титься в брюнета, облаченного в пятьдесят оттенков серого?

– Не волнуйся, это временно. – успокоил его брат. – Во- лысы у корней уже светлеют. К утру снова станешь блондин- кой. А вот гардероб придется обновить.

Тод и сам был одет непривычно. Впервые на памяти Оле он сел на байк без шлема и экипировки. Видимо, одежда осталась там, где его наказали. Это конь может принимать любую форму, а вот с одеждой такой фокус не пройдет. При- дется покупать новую. Ну ничего. Это не самая страшная в

мире потеря. Главное, что брат снова стал собой. И что вся их милая компания жива и здорова. Ну как «здорова»... Оле потрогал синяк под глазом и невольно ойкнул. Какая тяжелая, оказывается, у Тода рука. Раньше брат никогда его не бил. Только вытаскивал из потасовок, в которые Оле угодил по глупости. Ему всегда было приятно знать, что брат неплохо дерется и в случае чего придет на помощь. А вот испытать его удар на себе оказалось не очень приятно. И вообще слишком много новых впечатлений для одной ночи.

– Похоже, нам пора переквалифицироваться в лазарет. – усмехнулась Надя, оглядывая их живописный дуэт. – Кофе будете?

Оле оглядел собравшихся и тихонько присвистнул. В кресле у дальнего столика свернулся калачиком рыжий парнишка с окровавленной повязкой на глазах. У него на коленях уютно устроился хорошо знакомый рыжий кот. Выходит, это и есть тот самый ученик Шамана? Почему он здесь и где сам старик? У Яна правая кисть перевязана и пальцы в пластырях. Яна выглядит так, будто вагоны разгружала. То, что эти двое разделились, Оле смутно помнил. Только Надя бодрa и весела. Ну или хочет казаться веселой.

Они с братом уселись на высокие табуреты возле стойки. Яна выдала Оле пакет со льдом приложить к синяку, достала аптечку и бутылку водки, поставила на стойку такую привычную пепельницу-черепушку и направилась к Тоду. Брат достал из кармана сигареты, положил на стойку, но не стал

закуривать, а с выражением смиренной покорности отдался в руки Яны.

– Хорошо бы зашить. – вздохнула Яна, обрабатывая водкой рану на скуле Тода. – Иначе останется некрасивый шрам.

– Не надо. – прошипел Тод, побелевшими пальцами впинаясь себе в колено. – Оставь как есть. Не люблю иголки.

– Сказал человек, покрытый татуировками, – удивилась Яна.

– Потому и не люблю.

– Ой, да просто заклей пластырем. – улыбнулся Оле. – На нас все быстро заживает. К утру будет как новенький.

– Не уверен, что сломанные ребра заживут к утру. – нахмурился Тод. – Пару дней придется отлежаться.

– У тебя ребра сломаны и ты молчишь?! – набросилась на него Яна. – Тоже мне, великий превозмогатор!

– Сильно помял? – впервые с момента их появления подал голос Ян. Похоже, он сегодня принял у брата эстафету молчунов.

– Я все еще дышу и не плююсь кровью, – пожал плечами брат. – Значит внутренности целы. А пару трещин как-нибудь переживу.

– Идем! – скомандовала Яна, чуть ли не силой увлекая его за собой. – Нужно тебя осмотреть и наложить тугую повязку.

– Просто приложи к нему себя! – сложив ладони рупором, проорал им вслед Оле. – Мы не обидимся, если вы задержитесь. Что?!

Он удивленно посмотрел на оставшихся, глядящих на него не то с умилением, не то с облегчением.

– С возвращением, – высказал Ян видимо общую мысль.

– Спасибо.

Оле покраснел и опустил глаза. Ему стало стыдно и одновременно очень тепло на душе.

Глава 38

Март. Наши дни.

Тод проснулся уже засветло и долго лежал, боясь не только пошевелиться, но и слишком глубоко вдохнуть. Но боялся он не боли в сломанных ребрах и треснувшей груди, а того, что все это может исчезнуть в любой момент. Робкий лучик весеннего солнца на щеке, приятная прохлада шелковых простыней, уютный и немного непривычный аромат чужого дома и такой знакомый запах Янки, ее теплая рука на его груди и тихое дыхание около шеи. И он сам, лишь недавно осознавший себя в полной мере. За прошедшие шесть дней он успел забыть, что можно чувствовать что-то, кроме холода и почти мертвецкого спокойствия. Ни боли, ни чувства вины, ни бессилия, ни злости на себя из-за неспособности что-то изменить. А заодно, ни радости, ни любви, ни тепла. И ведь казалось, что все нормально. Даже лучше, чем было до. Спокойствие и холодный расчет. Потом Ян от души ему врезал, и Тод понял, что жил на автопилоте. Как-то работал, что-то ел, с кем-то спал, ничего при этом не чувствуя. Наговорил гадостей брату и Янке, абсолютно уверенный, что говорит искренне. И чуть не угробил все человечество из-за своей глупости и слабости. Может ли он после такого быть

любимым, желанным и просто счастливым? Имеет ли на это право? Как оказалось, может. Как минимум, на одну ночь.

Это была самая странная ночь в его жизни. Даже более странная, чем когда Оле притащил брата с завязанными глазами в бордель. Тогда Тод просто ощущал себя немножко потерянным. А в этот раз в полной мере прочувствовал, что для страсти нет преград. Даже когда наслаждение сопровождается болью, а каждый вдох и выдох – скрежетом сломанных костей. Конечно же, они с Янкой не сдержались. И оставшись наедине вцепились друг в друга, как мартовские кошки. Правда, только после того, как богиня упаковала его в эластичный бинт, что хоть немного облегчило участь Смерти. А потом Янка видимо решила последовать совету Оле и прилипла к Тоду, не хуже лечебной примочки, положив ладонь ему на центр груди. Он чувствовал как из-под ее руки расползается волна тепла, смывая боль и усталость. Так они и уснули.

Жнец еще немного полежал с закрытыми глазами, балансируя на грани сна и яви и пытаюсь понять, что же ему мешает снова уснуть. Какое-то навязчивое чувство на самом краю восприятия, будто легкий, едва различимый зуд где-то внутри. И тут до него дошло: зверски хотелось курить. Когда он вообще в последний раз брал в руки сигареты? И куда дел пачку? Кажется, оставил на стойке, когда Янка промывала ему рану на скуле. Надо бы забрать. И покурить. Смерть с никотиновой зависимостью. Глупее не придумаешь, конечно.

Тод облизнул пересохшие губы и не сдержал тихий смешок. Ребра тут же отозвались болью. Правда, уже не такой резкой, как вечером. И мерзкий скрежет костей пропал. Значит Янка его и правда лечила. Какая же она у него умница. Он не удержался и легонько чмокнул ее в макушку. Янка неразборчиво пробормотала что-то во сне.

Можно было и дальше валяться в постели, чувствуя рядом тепло любимой женщины, однако стоило закончить одно неприятное дельце. И чем быстрее, тем лучше. Дельце, которое по силам только ему – Смерти собственной персональной. Единственному и неповторимому Бледному Всаднику. Если он не сделает хотя бы это, то уж точно никогда себя не простит.

Он осторожно встал, бережно переложив Янкину руку на опустевшую подушку. Она тут же вцепилась в него мертвой хваткой.

– Ты куда? – сонно пробормотала его богиня, не открывая глаз. – Не уходи.

– Скоро вернусь, – он погладил ее по голове.

– И только попробуй не вернуться, – Янка разжала пальцы и свернулась калачиком. – Я тебя найду и голову тебе оторву. Про богомоллов слышал?

– Спи, богомолушка, – улыбнулся он. – Никуда я от тебя не денусь.

В баре обнаружился Ян. Слегка помятый и непривычно растрепанный. В мятой рубашке, с кое-как собранными во-

лосами и щетиной на щеках. Похоже, демиург так и не ложился. Неудивительно, что в баре царил бардак, а на двери висела табличка «Закрито».

– Ты хоть спал вообще? – спросил Год, обретя вожаделенные сигареты и с наслаждением закуривая.

– Подремал пару часов на диване в подсобке. – Ян возился у кофе-машины, забивая свежемолотый кофе в холдер. – Кое-кто занял мою кровать. Кофе хочешь?

– Не откажусь. Можно просто двойной эспрессо без изысков, – он докурил и сразу же достал вторую сигарету. – Извини, что отобрал у тебя койко-место.

– Извинения приняты, – Ян поставил перед ним чашечку с дымящейся черной жижей. – Хотя я бы все равно не стал спать в одной постели с Яной. Если честно, я думал, вы только к вечеру соизволите проснуться. Ты куда намылился в такую рань?

– Пообщаться с семьей, – он залпом проглотил кофе и в пыль растер в пепельнице окурочок. – Нужно прояснить наши взаимоотношения раз и навсегда.

– И ты пойдешь к ним один? – Ян недоверчиво поднял бровь. – Тебе прошлого раза не хватило?

– Без моего согласия они мне ничего не сделают. Как минимум, я на это надеюсь. В любом случае, нужно хотя бы попробовать, иначе я окончательно в себе разочаруюсь. Я и так наворотил дел, за которые меня стоило бы не кофе поить, а прибить медленно и мучительно.

– Как сказал один наш знакомый заклинатель духов, к сожалению уже покойный, мы все совершаем ошибки, о которых потом жалеем всю жизнь. Не ты первый, не ты последний. Так что не смей себя грызть и не вздумай решить, что не достоин Яны. Оставь это право за ней.

– Значит Шаман мертв, – Тод покрутил в пальцах незажженную третью сигарету. – Жаль. Что случилось?

Ему и правда было жаль старика. Жнец помнил Шамана еще совсем юным. Как и его учителя и тех, кто был до него. Все шаманы старались дружить с высшими силами, а один не в меру дружелюбный подсадил Тода на иглу лет триста назад. Все они были его клиентами. Кроме этого. Интересно, на что старик променял тихую смерть во сне?

– Пожертвовал собой, спасая ученика, – Ян налил себе чашку эспresso и проглотил, как горькое лекарство. – Так что Город временно остался без Шамана. И ты тоже. Надеюсь, ты сможешь обойтись без него какое-то время.

– Старик все рассказал?

– Нет. Сказал, что это только твое дело. А я не считаю нужным лезть к тебе в душу. Мы не настолько близки. Ты взрослый мальчик и сам в состоянии решать, что тебе нужно.

– Кажется, это мне больше не нужно.

– Тебе виднее. Кстати, как долго ты ходил с клеймом договора?

– Почти две недели.

– И молчал. Похоже, насчет взрослости я поторопился.

Почему ты ничего не сказал нам? Я бы легко тебя от него избавил.

– Не хотел вас втягивать. Думал, что сам разберусь. Если честно, надеялся, что Шаман не соврал и начальству сейчас не до моих проступков.

– Думал он, – буркнул Ян. – Тоже мне мыслитель. Ты уж постарайся больше так не делать. Семья для того и нужна, чтобы друг другу помогать. А мы, вроде как, одна семья. И вообще хорошенько запомни то, что я тебе скажу, – Ян выпрямился и грозно скрестил на груди руки. – Если ты еще раз обидишь Яну, сломанными ребрами не отделаешься. Даже если умудришься сдохнуть, чем безусловно ее расстроишь, я достану тебя из любой преисподней и лично оторву тебе голову.

– Придется встать в очередь, – ухмыльнулся жнец. – Перед тобой будет Янка. Видимо, желание меня обезглавить у вас семейное. Кстати, о семье. Ты случайно не знаешь, где Оле?

– Убежал сразу после вашего ухода. Выпил кофе и умчался в ночь. Сказал, что ему нужно срочно переодеться и бежать исправлять последствия его выходки. Что он и так засиделся.

– Так и знал, что он только и ждет, когда я отвернусь, – вздохнул Тод. – Оле пытался убедить меня отпустить его, как только очухался. Но я решил, что ему нужно хоть немного выдохнуть. Кошмары рассеялись когда он пришел в себя, так что хуже уже не стало бы. Но он считает, что должен хоть

как-то улучшить психическое состояние горожан. Раз уж сам довел их до паники.

– Видимо, у вас семейное неумение прощать себя за ошибки. Поумерили бы вы свой юношеский максимализм.

– Не получится. У Оле так уж точно. Таким уж он уродился: вечный подросток с завышенными требованиями к себе и безграничной привязанностью ко мне. Его не изменить. Разве что он сам этого захочет.

– С ним точно все будет в порядке?

В ответ жнец лишь кивнул, поблагодарил за кофе и направился к выходу, спиной чувствуя непривычно тяжелый взгляд Яна. Что-то в демиурге изменилось. И дело было не в отделении от Янки. Он стал холоднее и жестче. Интересно, чем Ян его вчера так саданул? От удара голыми руками чары бы не развеялись. Тут явно была какая-то магия. Нужно будет потом спросить. Но сначала он закончит с делами.

Отель, где поселились его так называемые сестры и брат, поражал безвкусной роскошью. Мрамор, лепнина, ковры, мебель в стиле барокко, пасторальные пейзажи на стенах, хрустальные люстры. На пустой парковке у входа красовались красный «Хаммер» Войны и черный «Бентли» Голода. Рядом с ними байк Смерти смотрелся мягко говоря скромно. В коридоре Тода встретил рыжий Жнец в военной форме, дежуривший у двери «семейного» люкса. Все как всегда. Война не считала своего прихвостня равным и ему была уго-

тована роль лакея. Увидев его, рыжий сначала ехидно улыбнулся. Но улыбка сползла с конопатого лица, когда их взгляды пересеклись. Жнец уставился на Тода с неммым вопросом «Как?» и попытался преградить путь к двери.

– Отойди. И не мешай. Иначе распылю на атомы. Ты мне никогда не нравился.

Рыжий испуганно попятился. Видимо, было во взгляде и голосе Смерти что-то, что заставляло поверить: распылит и не поморщится. Тод едва заметно ухмыльнулся и распахнул дверь номера.

– Братик, ты вернулся! – Чума отшвырнула в сторону девчачий журнал, который листала с ногами сидя в кресле, и вскочила навстречу Смерти.

– Сядь на место, – сухо бросил он, даже не повышая голоса.

Чума озадаченно замерла, склонила голову набок и вопросительно прищурилась. На ее кукольном личике не осталось и следа бурных девичьих эмоций. Война, сидевшая в соседнем кресле, оторвалась от полировки ногтей и смерила Тода любопытным взглядом золотистых глаз. Всадники расположились в гостиной номера в мягких креслах вокруг журнального столика. Война в центре, справа от нее Чума, слева – Голод. Живописная компания, ничего не скажешь. Компания, в которой он всегда чувствовал себя лишним.

– Где мои вещи? – спросил он, усаживаясь прямо на стол, чтобы держать всю компашку в поле зрения, и сложив руки

на рукоятке зонта.

– Ну надо же, – вздохнула Война – как быстро ты вернулся в чувства. Наверняка не обошлось без посторонней помощи. Кто это тебя так разукрасил? Неужели твоя мятежная богиня распускает руки?

За ночь рана на скуле зарубцевалась, утром Тод отодрал наклеенный Янкой пластырь и свежий шрам вызывающе алел на бледной коже.

– Это вас не касается. Я пришел забрать свои вещи и попросить вас больше не лезть в мою жизнь. А лучше всего вообще не попадаться мне на глаза. Иначе я за себя не отвечаю. Уезжайте из Города и больше здесь не появляйтесь.

– Зачем ты так, братик? – Чума снова натянула маску любящей младшей сестры. – Мы же одна семья!

– Моя семья это мой единственный брат Оле, моя любимая женщина и ее вторая половина, – он уверенно смотрел в черные глаза Чумы. – А вы лишь кучка маньяков, одержимых желанием уничтожить род людской. И чем они вам так не угодили?

– И ты еще спрашиваешь? – искренне удивилась Война, кокетливым жестом убрав за ухо прядку кроваво-красных волос. – Да они же совсем от рук отбились! Посмотри на них! Человечество зашло в тупик. Они топчутся на месте, променяв мечту о покорении космоса на смартфоны и виртуальную реальность. Они спасают обреченных, называя это гуманизмом, и не способны принять законы эволюции. Они

борются за толерантность, но не готовы терпеть тех, кто не разделяет их мнение. Они не доверяют собственным лидерам, откровенно поддерживают врагов, называя это свободой слова и демократией. Да они вообще ничему не верят! Если завтра на Землю рухнет метеорит, половина не поверит в его существование, а другая обвинит во всем заговор тайного правительства или пришельцев. И это не считая тех, кто решит извлечь из этого выгоду, наплевав на всех. Хотя таких и без метеоритов полно. Я уже не помню, когда последний раз отдыхала. Задержали своими бесконечными разборками. То ресурсы делят, то территорию, то бодаются из-за какой-нибудь глупости. А что они творят с планетой, с экологией, с природой? Человечество обречено. И мы лишь хотим прервать его агонию. Разве это не милосердно?

– Даже если это и так, – жнец обвел собравшихся тяжелым взглядом, – даже если человечество действительно заслуживает смерти, это решать не тебе. И не мне. И даже не нам четверым вместе. Они имеют право сами вершить свою судьбу. Даже если их действия приведут к вымиранию вида или уничтожению планеты, что вряд ли. Мы не должны в это вмешиваться. И уж тем более, не имеем права ускорять процесс.

– А разве не для этого мы созданы? – вмешалась Чума. – Разве Всадники Апокалипсиса не должны устроить человечеству перезагрузку, когда посчитают, что время пришло?

– Мне похрену, кто и для чего нас создал. Но пока я воз-

главляю нашу веселую компашку, этого не будет. Считайте, что люди под моей защитой. И если кого-то наверху такая ситуация не устраивает, пусть скажет мне об этом лично, а не через вас. Желаящие меня сместить, могут попробовать хоть прямо сейчас.

Ну да, так и есть. Смерть не просто один из Всадников. Он главный из них. Первая и самая неотвратимая из сил разрушения. Если войну, чуму и голод еще можно победить, то от смерти не уйти никому. И даже этим троим вместе взятым в бою против него не выстоять. Теперь он это помнил. Помнил, как осознал себя вместе с появлением на свет первого человека, как встретил сначала Голод, потом Войну и наконец Чуму, как они менялись и развивались по мере развития человечества и постепенно постигали свое предназначение. И как он разбил себя на осколки, создав жнецов. Разных, для разных целей. Теперь он помнил, почему сам стал таким, какой есть сейчас. И откуда взялся Оле. Заклятие отобрало у него чувства, зато вернуло память.

– Я начинаю жалеть, что мы вернули тебе память о себе, – нахмурилась Война. – Ты стал неуправляемым. А так хорошо все шло. И все бы получилось, если бы не вмешался этот несносный божок. Интересно, как ты запоешь, когда они с тобой наиграются?

– Так вот кто вдолбил Шаману эту идею. – Тод тяжело вздохнул и невольно поморщился от тупой боли в ребрах. – Если такое произойдет, это будут мои проблемы. И они кос-

нуться только меня, а не всего человечества. А если кто-то из вас навредит моим близким, я лично вас уничтожу. И пусть потом меня наказывают, если посчитают нужным. Мне будет уже плевать. Возражения есть?

Он внимательно посмотрел на каждого всадника, остановившись на Голоде. Тот молча сидел в кресле, невозмутимо почитывая свежий номер «Форбс». Грузный чернокожий мужчина лет пятидесяти на вид. Как всегда, безупречный черный деловой костюм, черная рубашка, черный галстук, начищенные до блеска черные туфли, блестящая лысина и гладко выбритое лицо.

– Что? – Голод поднял на жнеца безразличный взгляд голубоко запавших светло-серых глаз. – Мне все равно. Куда все, туда и я. Как по мне, люди и без нашей помощи отлично справляются. Новости почитай, если не веришь.

– Жалкий трус! – рявкнула Война и в ее холеных руках сверкнул меч. – Выходит, только у меня здесь есть яйца?

Она вскочила с кресла, босая, в красной шелковой пижаме, с распущенными волосами. Полуторник смотрелся неуместно в руках этой роскошной ухоженной женщины, такой обманчиво хрупкой на вид. Она замахнулась и жнецу пришлось рухнуть спиной на стол, чтобы увернуться от удара. Хорошо хоть зонт уже был в руке. Он подставил его под лезвие меча, от удара разлетелись искры. По правде говоря, Тод надеялся на мирный исход переговоров – драться в таком состоянии было не лучшей идеей. Но Война, как всегда,

решила оставить за собой последнее слово. Сцепив зубы и стараясь не выдать своей слабости, он оттолкнул женщину и вскочил со стола. Столик отлетел в сторону, отправленный в полет метким ударом босой ноги с ярко-красным педикюром. Получилось что-то вроде ристалища в окружении кресел.

– Дерись как подобает, а не отмахивайся от меня зонтиком! – прорычала Война, замахиваясь мечом.

Как же Смерти не хотелось менять форму оружия! Он не умел пользоваться мечом, а коса требовала размаха и больше свободного пространства. Они просто разнесут весь номер к хренам собачьим! Война нападала грубо и прямолинейно. По-другому она просто не умела. Он уворачивался, при каждом движении получая приветы от сломанных ребер. На четвертом или пятом увороте снова заскрежетали кости. К тому же из-за повязки было тяжело дышать. Чума забралась в кресло с ногами, закрыла лицо руками и громко верещала на высокой ноте. Голод просто отодвинулся подальше вместе с креслом, отложив журнал. Распахнулась дверь, рыжий жнец хотел вмешаться в драку, но был послан в два голоса и ретировался, закрыв за собой дверь. Теперь, как минимум, сюда не вломится персонал отеля. Меч Войны свистел у Тода перед лицом. Кажется, она пыталась тупо и безыдейно отрубить ему голову. Он неуклюже отбивался зонтиком с каждым движением теряя самообладание и покрываясь холодным потом от боли и усталости. Ян был прав – он

идиот, что сунулся сюда сейчас и в одиночку. Несмотря на кажущуюся хрупкость и неумелость, Война была сильным и выносливым бойцом. И выглядела жутко: растрепанные волосы, вздувшиеся вены на руках и шее, перекошенное яростью лицо, горящие глаза. Хорошо, хоть пена с клыков не капала.

Однако, сила не всегда решает исход битвы. Особенно битвы со Смертью. Очередной удар нашел свою цель. Зонт выпал из онемевшей руки. Тод зашипел, когда меч обрушился на правое плечо, рассекая ключицу, и застрял в кости. А потом схватил Войну за руки, пытавшиеся вырвать лезвие из его плоти, и улыбнулся самой милой из своих улыбок. Презрительное недоумение на лице женщины сменилось ужасом, когда она поняла, что он делает. А он продолжал улыбаться, вытягивая из нее жизненную силу. Кожа Войны покрывалась морщинами, волосы седели, тело увядало. Вскоре ее руки ослабли и меч выпал из мгновенно затянувшейся раны на плече – остался только свежий рубец на коже и окровавленный разрез на одежде. Ребра тоже срослись. Тод отпустил постаревшую лет на пятьдесят женщину и та обессилено рухнула на колени. Посмотрела на свои руки и жалобно, отчаянно завывала. Похоже, она поняла, что произошло. Жуткая, бесчеловечная способность отнимать чужую жизнь, чтобы подлечить себя. Способность, которой он никогда до этого не пользовался и считал, что никогда не воспользуется. Ему стало противно, захотелось срочно помыться или хотя

бы вымыть руки. Вместо этого жнец аккуратно поднял меч и положил его в пустое кресло. Пошевелил правой рукой, проверяя работоспособность плечевого сустава и мышц, поднял с пола зонт.

– Еще желающие есть? – спросил Тод, в упор глядя на переставшую скулить Чуму. Ответом была тишина, нарушаемая только тихими всхлипами Войны. – Видимо, нет. Где мои вещи? Отдавайте и выметайтесь из Города. А мне пора домой, меня семья ждет.

– Посмотри в шкафу у двери, – глубоким басом прогудел Голод, возвращаясь к чтению журнала. Жнец благодарно кивнул в ответ.

Окровавленную мантию с дыркой от клинка он оставил на полу номера. Надел куртку, застегнул поверх перевязь для зонта, взял в руку шлем и вышел в коридор. Рыжий караулил под дверью. Смерил его негодующе-трусливым взглядом и поспешил проведать госпожу. Тод успел выйти из отеля и дойти до припаркованного байка, когда рыжий его нагнал.

– Да как ты посмел сотворить с ней такое! – голос низкорослого диктатора сорвался на визгливый крик. – Я убью тебя, мразь!

– Попробуй, – с тяжелым вздохом ответил Смерть, поворачиваясь к рыжему лицом.

Личный жнец Войны стоял шагах в пяти, целясь в него из револьвера. Каждый из них сам выбирал форму своей косы

и рыжему нравился огнестрел. Он предпочитал «снимать» клиентов издалека, желательно со спины. Жнец взвел курок, но палец на спусковом крючке нервно дрожал, будто ему не хватало сил для нажатия. Рыжий побагровел от натуги, подержал оружие второй рукой, тихо и грязно выругался, но крючок не двинулся с места.

– Что, не можешь? – Год подошел вплотную, позволил холодному стволу упереться в грудь, защищенную лишь тонкой футболкой и парой слоев эластичного бинта. – И не сможешь. Потому что ты всего лишь часть меня и никогда не сможешь мне навредить. Как бы не пыжился. Если подумать, я был тем еще гадом, когда вас создавал, и неплохо подстраховался на случай бунта. Ты ничего мне не сделаешь. Более того, ты даже не сможешь сопротивляться, когда я, к примеру, отберу у тебя оружие, – он вынул револьвер из послушно разжавшихся пальцев рыжего жнеца, – или сломаю тебе руку.

Ярко-голубые глаза рыжего округлились от ужаса, кости предплечья звонко захрустели, правая рука согнулась под неестественным углом. Рыжий вскрикнул, прижимая покалеченную руку к груди, и попятился, невнятно бормоча про «бесчеловечных чудовищ». Смерть с кривой ухмылкой смотрел ему в глаза, вращая на пальце взведенный револьвер. Ну да, куда страшнее, когда жестокие поступки совершает кто-то, от кого этого совсем не ждешь.

– Не волнуйся, через недельку заживет. Если не будешь

дергаться. Знаешь, я бы мог легко тебя убить, – устало вздохнул Тод. – Но мне чертовски не хочется потом выполнять и твою часть работы. Мне своей хватает выше крыши. Возвращайся к Войне и помоги ей смириться с произошедшим. Должна же от тебя быть хоть какая-то польза. И постарайся больше не попадаться мне на глаза.

Он швырнул рыжему револьвер. Рыжий на удивление ловко поймал ствол здоровой рукой, глянул ему за спину и как-то недобро ухмыльнулся, пятясь в сторону отеля.

– Что за фигня тут происходит? – голос Оле дрожал то ли от испуга, то ли от злости. Близнец стоял у него за спиной и сверлил брата тяжелым взглядом.

Глава 39

Март. Наши дни.

– Оле, какого хрена ты тут делаешь? – в голосе брата не было злости, только бесконечная усталость.

Он повернулся к Оле полубоком, одним глазом приглядывая за отступающим к зданию отеля коллегой, смерил холодным взглядом и, видимо заметив страх в глазах близнеца, тяжело вздохнул:

– Я в норме, не переживай. Просто не ожидал тебя здесь увидеть. И надеялся, что ты не увидишь это, – брат кивнул в сторону беглеца и развернулся к Оле лицом. – Как ты меня нашел?

– Зашел утром в бар, а Ян рассказал, куда тебя понесло.

– И ты, конечно же, решил, что я без тебя не справлюсь? – улыбнулся брат. – Как видишь, справился. Подбросить тебя?

Оле посторонился, когда близнец обходил мотоцикл. Он выглядел на удивление бодрым и здоровым. В отличии от самого Оле, у которого вчерашний синяк только начал желтеть. Вот только...

– У тебя кровь на шее, – Оле поймал брата за воротник куртки, отогнул, открывая пятно еще влажной крови и разрез на футболке. – Ты ранен?!

– Уже нет, – брат застегнул куртку.

– Что значит «уже»?

– Рана уже зажила, – он встретился взглядом с непонимающим Оле и добавил: – Потом как-нибудь объясню. Поехали, я обещал Янке, что скоро вернусь.

– Ты! – раздалось за спиной у Оле. В процессе разговора они с братом умудрились поменяться местами, так что здание отеля теперь было у него за спиной, в поле зрения Тода. – Это ты во всем виноват! Ты внушил братику, что убивать людей плохо! Ты настроил его против меня! Ты познакомил его с этой проклятой старухой! – вопила Чума и лицо брата становилось все более напряженным с каждым ее словом. – От тебя одни беды! Недоразумение, побочный эффект! Сейчас я все исправлю и братик снова будет только моим!

Брат отшвырнул его в сторону. Уже сидя на грязном асфальте парковки, Оле услышал грохот выстрела и увидел как дымится в руках у Чумы револьвер. Тот самый, который брат отдал рыжему жнецу. На кукольном личике Белой всадницы происходила странная перемена эмоций: ярость уступала место ужасу. Через силу Оле повернулся к брату. Близнец медленно оседал на землю, прижимая руку к центру груди. Его пальцы были красными и тонкая алая струйка стекала из уголка губ по подбородку. Оле с трудом успел подхватить брата у самой земли, чтобы он не приложился башкой об асфальт, аккуратно уложил его себе на колени. Пуля прошла навывлет и по штанам Оле под спиной брата распол-

залось красное пятно. Руки тоже были в крови. И без того бледное лицо брата стало белее снега и на фоне этой белизны кровь на губах выглядела неестественно красной. Брат часто и мелко дышал, судорожно зажимая рукой рану, захлебывался собственной кровью, смотрел на Оле широко раскрытыми перепуганными глазами. Совсем маленькая дырочка в куртке. Откуда же столько крови? Сердце или легкое? Что там вообще находится?

Чума подошла очень тихо, медленно опустилась на колени напротив Оле, наклонилась к брату. На белом платье тут же расцвели красные цветы. Красное на белом. Красиво. Она молча уронила револьвер на асфальт, обхватила лицо брата ладонями, прижала палец к губам, шептала «Тише, тише», будто бы пыталась его утешить. Похоже, она не очень-то понимала, что произошло и чем все это закончится. Зато Оле уже понял. Он видел, как тускнеют глаза брата.

– Не трогай его, – рявкнул он, отталкивая всадницу. – Оставь его в покое хотя бы сейчас.

Чума отшатнулась, прикрыла рот окровавленными руками. Кровь тут же оказалась на лице и на волосах. Теперь она была похожа на вампиршу из дешевого ужастика. Брат ухватил Оле за прядь волос на виске, довольно грубо нагнул его голову к своему лицу, вцепился в него взглядом мутнеющих глаз.

– Присмотри за Янкой, – почти беззвучно попросил он, – Передай, что я ее...

Пальцы, сжимавшие волосы Оле, разжались, лицо брата расслабилось, глаза закрылись. Оле похлопал близнеца по щекам, легонько встряхнул за плечи. Кажется, он что-то говорил. Или даже кричал, пытаясь растормошить брата. Потом взгляд невольно упал на лежащий рядом револьвер. И на сидящую напротив Чуму. Одной рукой прижимая к себе брата, другой Оле поднял оружие рыжего жнеца, уперся дулом в лоб перемазаной чужой кровью женщины и взвел курок. Она смотрела на него огромными черными глазами, мокрыми от слез, алые губы дрожали, руки сжимали подол когда-то белого платья. Оле почувствовал под пальцем податливый холод спускового крючка. Одно движение и справедливость восторжествует. Он отомстит.

Что-то острое вонзилось в предплечье. Рука дернулась вверх и пуля ушла в голубое весеннее небо. Оле скосил глаза на руку: на предплечье висела здоровенная черная овчарка, ощутимо сжимая челюсти. Смуглая мужская рука разжала его пальцы и вынула из них пистолет. Оле узнал этот запах: кофе, цитрусовые и южное море. Какого черта здесь делает Янус?

– Не делай глупостей, Оле, – тихо сказал Ян, опускаясь рядом на колени и положив тяжелую теплую руку ему на плечо, – Этим ты ему не поможешь. Все-таки опоздали. Черт!

Чума перепугано смотрела куда-то Оле за спину и отползала, тихо поскуливая. Овчарка Януса разжала челюсти и теперь грозно скалила клыки в сторону Белой всадницы. Вто-

рая такая же псина неслышно подошла с другой стороны. Но Чума испугалась не собак. Оле понял это только когда Яна, аккуратно переступив через ноги брата, подошла к ней, отгородив от остальных. Она была спокойна. Слишком спокойна. Даже не взглянула на Оле, даже не прикоснулась к Тоду. Ее глаза были сухими, губы не дрожали. Оле сглотнул подступивший к горлу комок. Он уже видел такие лица. У родителей на похоронах детей. Выходит, надежды нет. Вчера Яна паниковала, истерила, плакала. Вчера, когда еще не понимала, можно ли как-то вернуть любимого. Сегодня она уже знала ответ.

– Теперь ты довольна? – спокойно спросила Яна, садясь перед Чумой на корточки. – Ты добилась своего: твой брат больше не принадлежит ни мне, ни Оле. Он больше никому не принадлежит. Ты рада?

Чума в ответ только заскулила чуть громче. Яна погладила ее по щеке, ухватила за подбородок, потом резким движением, похожим на бросок змеи, сжала пальцы на горле. Чума попыталась вырваться, слабо шлепнула Яну по руке. Теперь и на ней была кровь Тода.

– Я не могу тебя убить, хотя и очень хочу, – Яна грустно вздохнула. – Я демиург, а не убийца, мое призвание создавать жизнь, а не отнимать ее. Но я придумала для тебя кое-что интересное. В прошлую нашу встречу ты назвала меня старухой. Тебе так нравится строить из себя наивную девочку, которая просто играет и не понимает последствий своих

действий. Так пусть так и будет.

Рука Яны засветилась теплой зеленью. До этого Оле никогда не видел, как демиург использует свою магию. В других обстоятельствах он бы восхищенно следил за процессом, но сейчас ему было плевать на процесс. Важен был только результат. И он не заставил себя долго ждать. Чума закричала. Ее голос становился все выше и тоньше, пока не превратился в детский плач. Яна склонилась до самой земли, сжимая пальцы на тонкой шейке годовалого младенца, барахтающегося в платье Чумы.

– Ты, – Яна разжала пальцы и посмотрела куда-то перед собой. Только сейчас Оле заметил стоящего неподалеку рыжего жнеца. Он был здесь все это время? Прибежал на звук выстрела? Странно, что он один, а не все постояльцы отеля. Или из-за всадников тут никто не живет? Впрочем, какая разница. – Забери ее. Постарайтесь на этот раз воспитать ее получше и научите выбирать правильные игрушки. Я дарю вам всем второй шанс. Третьего не будет. Убирайтесь из Города и впредь держитесь от меня подальше.

Жнец осторожно подошел, кое-как поднял ребенка одной рукой. Яна помогла поудобнее усадить ревущую девочку на сгибе локтя. Оле почувствовал, что рука Яна пропала с его плеча. Демиург подошел к рыжему, протянул ему оружие. Вместо пистолета на смуглой ладони блеснул кинжал с тонким трехгранным лезвием.

– Это называется мизерикорд. Хотя ты, наверняка, зна-

ешь. – Ян сунул кинжал в кобуру от револьвера. Каким-то чудом он в ней держался. – Научись смотреть в глаза тем, кого забираешь. Иди.

Рыжий уныло поплелся к зданию отеля. Интересно, как остальные всадники отреагируют на случившееся? И кто теперь будет выполнять работу брата? И куда девать его байк и его вещи? И вообще, что теперь делать и как дальше жить? Яна подошла, опустилась на колени напротив Оле, сгребла в охапку Тода и уткнулась лицом ему в волосы. Вот теперь она плакала. Оле видел, как по щекам катятся крупные капли, слышал, как она шепчет что-то, захлебываясь слезами. Она тихонько раскачивалась, прижимая к себе неподвижное тело.

– Все из-за меня, – шмыгнул носом Оле. – Это я во всем виноват. Если бы я не потащился за братом, ничего бы не случилось. Чума права: от меня одни проблемы.

– Идем, – Ян рывком вздернул Оле на ноги, подтолкнул в спину. – Дай им побыть наедине. Псы за ними присмотрят, а мы тут сейчас лишние. Вот же, черт! Похоже, это чувство входит у меня в привычку. Ненавижу чувствовать себя бесполезным!

Оле медленно кивнул и обернулся через плечо, насколько позволяла хватка Яна. Ему показалось, что воздух вокруг Яны дрожит и легонько мерцает зеленым, а безвольно лежащая на ее коленях рука брата едва заметно дернулась. Но Ян не позволил ему рассмотреть получше, грубо запихнув в

черный провал короткого пути.

Эпилог

Апрель. Несколько лет спустя.

– Вот же блин! – простонала Надя. – Похоже, духовка совсем накрылась. И че теперь делать?

– А то ты не знаешь? – Яна с улыбкой приложила ладонь к многострадальному агрегату и тот весело замигал лампочками и зашумел вентилятором. – За пять лет так и не привыкла, что у тебя под боком действующий демиург, способный вернуть к жизни что угодно? Ладно, пойду собираться.

– Ой, я такая забывчивая, – рассмеялась Надя, запихивая в оживленную духовку противень с круассанами.

На самом деле, за пять лет она привыкла ко многому. И к своей природе порождения. И к идущей в комплекте ответственности за благополучие Города. И к тому, что можно смело и не скрываясь болтать с посетителями на потусторонние темы и расспрашивать о жизни мифических созданий. И к тому, что в Городе их появляется все больше и время от времени приходится защищать их от людей и наоборот. Благо, силы Хранителя позволяют делать это эффективно и не оставлять заметных следов. Не хотелось бы превратить Город в Мекку для искателей чудес. Хотя слухи все равно расползутся. Но пока на уровне городских легенд и баек. А

такое Городу только на пользу. Больше туристов.

Привыкла Надя и к ежедневным встречам со Смертью. Теперь жнец каждый вечер привозил Яну на работу, а по утрам забирал домой. После той истории с кошмарами они стали жить вместе и до сих пор вели себя как юные влюбленные. Надя им даже немного завидовала. Она привыкла видеть Оле одного, без брата. Теперь близнецы лишь иногда пересекались по вечерам, когда сказочник заходил за кофе. И к Джастину Надя привыкла. Парень прижился в заведении и стал неотъемлемой частью команды. И даже к молодому рыжему шаману привыкла. А еще она, кажется, привыкла к тому, что Яна с ними теперь нет.

Ян ушел через пару дней после той злополучной ночи. Сказал, что обещал Шаману присмотреть за Нилом и что тому нужно в какую-то глушь для завершения обучения. Мол, слепой парень один туда не доберется, придется идти с ним. Вот только Надя прекрасно понимала, что это только предлог. Почему-то Ян больше не хотел находиться в их компании. Видимо, поэтому, около года назад Нил вернулся в Город один. Ян отправился дальше путешествовать. Иногда от него приходили открытки из разных уголков мира. Немного старомодно, но очень трогательно.

Рев движка вернул Надю в реальность. На пороге, стаскивая неизменный шлем с черепом, стоял Год. Жнец привычно коротко кивнул и направился к стойке. Надя привычным

жестом извлекла из-под стойки пепельницу. Он уже даже перестал спрашивать разрешения. Тоже привык.

– Кофе будешь? – Надя приветливо улыбается Смерти.

В ответ он молча качает белокурой головой. После удара Яна на скуле у Тода остался рваный шрам. Белое пятно под левым глазом отчетливо виднеется даже на его бледной коже. Интересно, оно когда-нибудь пройдет или жнец специально сохранил его на память?

– Янка дома сварит. – едва заметно улыбается Тод, выдыхая ароматный табачный дым.

За прошедшие годы Надя научилась разбираться в его полуулыбках и даже научилась не замирать каждый раз, когда встречалась с ним взглядом.

– Знаешь, я наверное никогда не привыкну к тому, что ты действительно Смерть, – смеется Надя. – Хорошо, хоть капсом не разговариваешь.

– Капителю, – все с той же улыбкой отвечает Тод. – Смерть у Пратчетта разговаривает капителю, а не капсом. Просто в кириллице она не используется, вот и получился капс. Почитай в оригинале, поймешь разницу.

– Не думала, что ты читаешь такие книжки, – Надя удивленно хлопает глазами.

– Почему бы и нет? Всегда интересно узнать, каким меня видят потенциальные клиенты. А ты вообще большая молодец. Отлично держишься с учетом всего произошедшего.

– Это сейчас. А первый год у меня от вас всех был жуткий

стресс. Хронический.

– Хорошо, что не хтонический, – Яна выходит из подсобки, размахивая шлемом. – Я готова, поехали домой.

Как же ей идет мотокуртка! И узкие мотоджинсы идут, и ботинки. И даже серебристые ниточки седины, кое-где блестящие в черных волосах, заплетенных в тугую косу, тоже идут. Они с Тодом приветствуют друг друга легким касанием пальцев. С той ночи Надя ни разу не видела, чтобы они публично проявляли чувства. А вот засосы на шее то у него, то у нее видит регулярно. Похоже, совместная жизнь не охладила их страсть. Иногда Наде кажется, что тогда произошло что-то посерьезнее мордобоя, но ей никто ничего не сказал. А она не стала совать нос туда, куда не просят.

– Кстати, младший еще не заходил? – уже с порога спрашивает Тод.

– Неа, пока не было, – отвечает Надя. – Я передам ему от вас привет.

Жнец кивает в ответ. Надя невольно улыбается, провожая их взглядом. Здорово, что у них все хорошо. Эти двое необходимы друг как другу, как воздух. Они друг для друга что-то вроде спасательных кругов, позволяющих держаться на плаву и не кануть в личную бездонную пучину. Яна тяжелее всех переживала уход ее второй половины, а Тод чуть не угробил человечество, как он считал, по глупости. И до сих пор себя за это не простил. Без взаимной поддержки они бы не продержались и года. А так живут. И вполне себе счаст-

ливы, судя по всему.

Оле заявился через час. Как обычно, яркий, шумный, фонтанирующий позитивом. Кислотно-зеленая толстовка, оранжевые джинсы, желтые ботинки. Вот кто точно не изменился, так это он. За последнее время Надя довольно сильно сблизилась со сказочником. Оле взял на себя роль ее наставника. Все время таскал ее по Городу своими тропами, показывал недоступные обычным людям чудеса. Пару раз даже брал с собой на работу. На поверку он оказался куда серьезнее, чем обычно выглядел. И куда внимательнее к чужим чувствам. Или же он стал таким после той ночи. Тогда не обошлось без жертв. Несколько горожан погибли, многие получили серьезные психические травмы. И Оле почти год устранял последствия своей выходки, работая сверхурочно. Под конец он больше походил на Смерть, чем сам Бледный всадник. Яне пришлось отпаивать сказочника кофе с сиропом и откармливать пирожными.

– Слушай, – Оле отпивает свой любимый ванильный латте из термокружки. – завтра в парке будет потрясающий концерт в честь первой капли. Ты такого еще точно не слышала. Давай сходим? Ты завтра свободна?

– Ага, свободна, – улыбается Надя. – Пойдем, конечно. А потом я покажу тебе свою любимую кондитерскую. Там такие обалденные бельгийские вафли! Тебе понравится.

И они вместе смеются. Как оказалось, у них много обще-

го. Куда больше, чем было у нее с Яном. С год назад Надя даже была готова рискнуть превратить их дружбу во что-то большее. Вот только не была готова терять друга, с которым можно обсудить что угодно. В том числе и любовные неурядицы. А теперь она совсем запуталась. И причина этой путаницы ее одновременно манила и пугала.

– Ой, мне пора! – вдруг вскакивает Оле. – Сюда сейчас набегут мои клиентки. Не хочу им показываться при свете дня. Они сейчас такие любопытные стали, просто жуть! Не скучай и до завтра!

Оле мило чмокает Надю в щеку и вприпрыжку выбегает из кофейни. Надя весело смеется ему вслед. Нет, все-таки он просто друг. Самый лучший друг на свете!

– Привет, Надин! – раздается от двери звонкий девичий голос.

Марго, одетая, как всегда, по последней моде, в компании подружек вваливается в зал. Яна знает, что ей двенадцать, но выглядит красотка лет на пять старше. И подружки не отстают. Акселерация, блин.

– Джас! – орет Надя на всю кофейню. – Марго пришла!

Из комнатки за баром выскакивает Джастин. За прошедшие годы парень ни на день не повзрослел, хотя освоился в современной молодежной моде и теперь больше похож на поп-идола, чем на прекрасного принца. И Марго расплывается в блаженной улыбке от одного вида своего когда-то во-

ображаемого друга, а теперь вполне реального парня. Оказалось, что в ту злополучную ночь, когда Оле затопил Город кошмарами, девочка вспомнила о своем друге и стала звать его на помощь. А Джастин услышал и ломанулся к ней через полгорода. Все в баре были так заняты своими проблемами, что вспомнили о Джастине только утром, когда он довольный вернулся в кофейню. С тех пор они с Марго частенько виделись. И по мере того, как девочка росла, менялись и их отношения. Даже интересно, что из этого выйдет в итоге. Сегодня они компанией идут на аттракционы. И Надя чувствует себя немножко старшей сестрой, отправляющей брата на свидание. За пять лет они все стали чем-то вроде семьи.

Вслед за Марго, которая стала регулярно приходить в кофейню сначала с мамой, а потом и одна, к ним потянулись ее одноклассницы. Пришлось добавить в меню молочные коктейли и мороженое. Если дальше так пойдет, двери их заведения станут видеть все горожане. Правда, пока Надя с Яной еще не решили, хорошо это или плохо.

Будто выдернув невидимую пробку, Марго с подружками открыли путь потоку посетителей. Гости стали приходить один за другим. И лишь когда Наде захотелось есть, поток немного иссяк. Все-таки удобно быть хранителем. И здорово, что такая сила досталась ей, а не кому-нибудь другому. Потому что пока что ее злодеяния заканчивались тем, чтобы на пару часов заставить горожан не заходить в любимую

кофейню. А если бы хранитель оказался более властолюбивый? Это ж жуть, что могло бы получиться! Надя улыбнулась собственным мыслям и уже привычным жестом растрепала и без того взъерошенные волосы. За эти годы она тоже изменилась. Повзрослела, обзавелась парой ярких татуировок на предплечьях, десятком сережек в ушах и на лице и сделала короткую стрижку. А цвет волос меняла под настроение. И сейчас, в честь наступившей весны, была ярко-салатовой с солнечно-желтыми прядками.

Источник ее смятений и страхов появился ближе к вечеру, где-то за час до конца смены. Посетители на тот момент уже закончились и Надя спокойно наводила порядок за стойкой. Рыжий парень тихо вошел в зал в сопровождении рыжего кота. За прошедшие пять лет молодой шаман изменился сильнее всех. Просто потому, что был обычным живым человеком, подверженным влиянию времени. Они с Надей были ровесниками (если, конечно, считать ее воспоминания о детстве реальными) и сейчас шаман был, что называется, в самом расцвете сил. Высокий, широкоплечий, с копной огненно-рыжих дред ниже лопаток и аккуратной бородкой, придающей солидности. Не портили впечатление даже круглые зеркальные очки и белая трость в руках. В пределах хорошо знакомого зала кофейни он двигался вполне уверенно, так что трость казалась скорее причудливым аксессуаром, чем необходимостью. К тому же, он обвешал ее амулетами и рас-

писал защитными рунами, что лишь усиливало впечатление. И только поиск табурета заставил его на пару секунд использовать ее по назначению.

– Привет, – улыбается Нил, устраиваясь за стойкой. – Как дела?

Рыжий кот по-хозяйски взгромоздился на стойку, свернулся клубком и заурчал. Надя не сдержалась, чтобы его не погладить. Фамильяр шамана был отчасти и его глазами. Между ними сформировалась крепкая духовная связь. И почему-то Надя была уверена, что кот вполне способен передавать хозяину эмоции окружающих.

– Устала немного, – в ответ улыбается Надя. – Посетителей сегодня толпа. Тебе как обычно?

Нил агакает и она принимается заваривать чай. Еще одно нововведение. Шаман оказался любителем травяных сборов и Яна добавила в меню кое-что из своих авторских миксов. За прошедший год он стал здесь завсегдатаем. Никто из них не держал на парня зла. Они понимали, что он тоже просто жертва обстоятельств. Будь его воля, вряд ли бы Нил выбрал такую судьбу. Поэтому его здесь приняли, как своего. И с удовольствием поили чаем.

Надя заваривает чай, аккуратно наливает в прозрачную стеклянную чашку и ставит перед ним. Она прекрасно знает, что Нил ее видит. Видит ее руки, а значит может примерно представить, где находится чашка. Но не упускает возможности бережно взять его твердую грубую ладонь и коснуться

ею теплого бока чашки. Шаман благодарно кивает, отпивает глоток чая и снимает очки. Их маленький ритуал. Знак взаимного доверия. Раньше Надя боялась этих глаз. Заполняющей глазницы живой Тьмы. Будто смотришь в открытый космос, который может в любой момент тебя поглотить. Но со временем ей стало даже нравиться это странное, слегка пугающее чувство. И Нил стал нравиться.

Когда ушел Ян, из Нади будто вырвали кусок. Она была уверена, что дыра в ее душе никогда не затянется. Но шло время и уверенность пропадала. Правду говорят, что любовь не живет на расстоянии. Особенно пылкая, почти подростковая влюбленность, которая была у нее. Так что постепенно ее чувства к обманщику-демиургу растаяли, как снег по весне. А потом на пороге бара возник Нил. Он вернулся из своих странствий возмужавший, загорелый, слегка огрубевший от жизни в диких краях и уже далеко не такой беспомощный, как в тот день, когда Ян за руку уводил его из Города. Не глупый щенок, а роскошный рыжий лис. В нем появилось какое-то дикое, почти животное очарование. И Надя не смогла устоять. Поначалу молодой шаман нашел в ней просто хорошего собеседника. Парню было нелегко привыкнуть к новой жизни. Он вынужден был разорвать контакты с привычным кругом общения и жить с новым представлением о мире и себе. Надя и сама недавно через это прошла и отлично его понимала. Яна шутила, что встретились два одиночества, и была чертовски права. К тому же они были ровесни-

ками. Пусть не с одинаковыми вкусами, но с общим культурным кодом. И пусть они пока что даже не целовались, Надя была уверена, что если все и дальше так пойдет, этот светлый миг не за горами. С одной стороны, ей очень хотелось, чтобы парень сам сделал первый шаг. С другой – она боялась, что в этом случае Нил может посчитать ее согласие проявлением жалости. Все-таки, не смотря на все шаманские штучки, Нил был слепым. И ему были недоступны многие простые человеческие радости, вроде просмотра фильмов или вождения машины. И Надя совсем не понимала, что ей делать.

– Слушай, – Надя подливает Нилу чаю, – А у тебя бубен есть? Или современные шаманы таким не пользуются?

– Пользуются, – улыбается Нил. – Просто я еще не доучился. Пришлось раньше вернуться в Город, разбираться с накопившимися делами. Вот посижу здесь еще годика три-четыре, наведу порядок, приучу к себе местных духов, а потом пойду защищать шаманский диплом. Если повезет, за пару месяцев управлюсь. А зачем тебе бубен?

– Да просто интересно. А еще интересно, почему вы никогда не называете Город по имени?

– Потому что у него много имен. Сейчас он называется так, а до этого здесь была другая страна и название было другое. А еще раньше был просто замок, который звался похоже, но по-другому. И построили его на руинах захваченной вражеской крепости с совершенно тупым, я бы даже сказал, нецензурным названием. Но еще до появления крепости

здесь стояла тихая рыбацкая деревенька, вообще безымянная. Ты в Городе всего пять лет и знаешь только нынешнее имя. А вот Оле, к примеру, или Смерть, тут давно и помнят их все. И я помню, потому что шаманы передают знания от учителя к ученику, а самый первый местный шаман жил еще в той самой рыбацкой деревне и просил у духов моря хорошей погоды и богатого улова. Как тут не запутаться? Проще и понятнее говорить просто Город. Все ж прекрасно знают, о каком городе идет речь. Да и ему самому так больше нравится. Его, знаешь ли, не спрашивают, когда переименовывают.

– Вот оно что. Не знала, что у Города такая сложная история. Надо бы подучить матчасть, а то что я за Хранитель такой необразованный.

– Ну, в этом я тебе могу помочь получше любой энциклопедии. Так что обращайся, пока я в доступе. Кстати об этом. – Нил водит пальцем по краю чашки. Он всегда так делает, когда смущается. – Сходим сегодня прогуляться? Хочу тебе кое-что показать.

Шаман изменился не только внешне. Пропала его подростковая борзость, агрессия и болтливость. Вместо них появилось что-то вроде мудрости.

– А я это точно увижу? – улыбается Надя.

– Если не увидишь, я опишу. Не тебе же одной этим развлекаться.

– Уговорил! – смеется Надя. – Только Яну дождемся и можно идти.

Импозантный мужчина арийской наружности выпустил облако пара с ароматом цветущих яблонь и свежескошенной травы и убрал вейп в карман черепично-красного пальто.

– Точно не хочешь им показаться, раз уж наведался ко мне в гости? – спросил он собеседника, когда тот закончил наигрывать мотивчик на губной гармошке. – Неужели до сих пор не отпустило?

– Отпустило, – ответил Ян, поправляя зеленую шляпу с широкими полями. – Но у них там такая идиллия нарисовалась, что я боюсь ее испортить своим появлением. Особенно твоей дочурке. Кстати, ты бы встретился с ней, познакомился. Уверен, она обрадуется.

Они сидели на набережной, любуясь алым весенним закатом и похожим на расплавленную карамель Морем.

– Обязательно познакомлюсь, – кивнул Город. – Сделаю ей подарок на ближайший день рождения. Думаю, она уже готова. И этот рыжий мальчишка тоже готов. Я за ним весь этот год наблюдаю, с тех пор, как он сюда вернулся. Сила воли у парня просто нечеловеческая, скажу я тебе. Для недоучки без наставника он на удивление легко освоился. И даже не ясно, кто из них кому нужнее: Надя ему, или он Наде. Уверен, эти двое всех еще удивят. Даже интересно, что из них в результате получится.

– Вот видишь, как у всех все хорошо, – криво улыбнулся Ян. – Надя с Нилом, Яна с этим примороженным отбитышем. Полный хэппи энд.

– А говоришь отпустило, – рассмеялся Город.

– Просто я считаю, что Яна заплатила слишком высокую цену, вытаскивая этого кретина с того света. Оно того не стоило.

– Это не тебе решать, а ей самой. А может ты просто не можешь простить себя за то, что не остановил его тогда? – Ян промолчал в ответ и Город продолжил: – Но как же здорово, что Яна вернула Тода к жизни. Даже не знал, что вы так умеете.

– Я тоже не знал. И не уверен, что у меня так получится. Восстановить разрушенные ткани, восполнить потерю крови, запустить сердце и при этом избежать повреждений мозга. Ну или в этой белобрысой башке просто нечему повреждаться. Кажется, я просто не способен испытывать к кому-то настолько сильные чувства. А эта парочка, конечно, та еще гремучая смесь. В один прекрасный день они либо взаимоуничтожатся друг об друга, либо достигнут абсолютной гармонии. Третьего не дано.

– Лично я голосую за второй вариант. А Оле ведь так и не знает, что тогда на самом деле произошло? Ну, что брат действительно умер, а не просто потерял сознание и Яна его откачала.

– Не знает. И не только Оле. Ему и этого опыта хватило,

чтобы резко пересмотреть свое поведение и перестать ходить за братом хвостом. Жестоко, но вся эта заварушка пошла ему на пользу. Как и всем остальным.

– Кстати, об остальных, – Город снова достал вейп и ароматный пар наполнил воздух. – Ты видел всадников? Отсюда они убрались, но ведь не исчезли же.

– Видел, – кивнул Ян. – Из Войны получилась на редкость бойкая бабулька. Сил на что-то масштабное у нее, конечно, нет, но по мелочи буянит то тут, то там. Впрочем, когда было иначе? Чума потихоньку пробует силенки, Голод за ней приглядывает, не дает натворить совсем уж непоправимых бед. Не думаю, что в ближайшее время они решатся повторить свой подвиг с апокалипсисом. Да и к Смерти вряд ли теперь сунутся. Так что на какое-то время человечество в безопасности.

– Понятно, – вздохнул Город. – Сам-то что планируешь делать?

– Не знаю. В мире еще столько мест, которые хочется посмотреть. А когда закончится этот мир, может возьму да и создам новый. Демиург я или где?

– Ну чисто технически, ты половина демиурга, – рассмеялся Город. – И далеко не самая креативная половина. Уверен, что осилишь создание мира?

– Как минимум, я попробую. Начну с чего-нибудь простого. Цветочек, там, создам или букашку. А дальше как пойдет. У меня в запасе целая вечность для практики.

– Как знаешь. Просто помни, что здесь тебе всегда рады.
И возвращайся, когда надоест бродяжничать.

Ян кивнул и завел новую мелодию на губной гармошке. Утомленное дневными хлопотами Солнце медленно опускалось в еще холодное северное Море, омывающее симпатичный и в меру старый Город, где нынче гостила Весна.

Калининград-Москва-Акко, 2021-23 гг.

КОНЕЦ